

ТАПЕТ

НАТТЕРПООН

*Лео
в маске*

Annotation

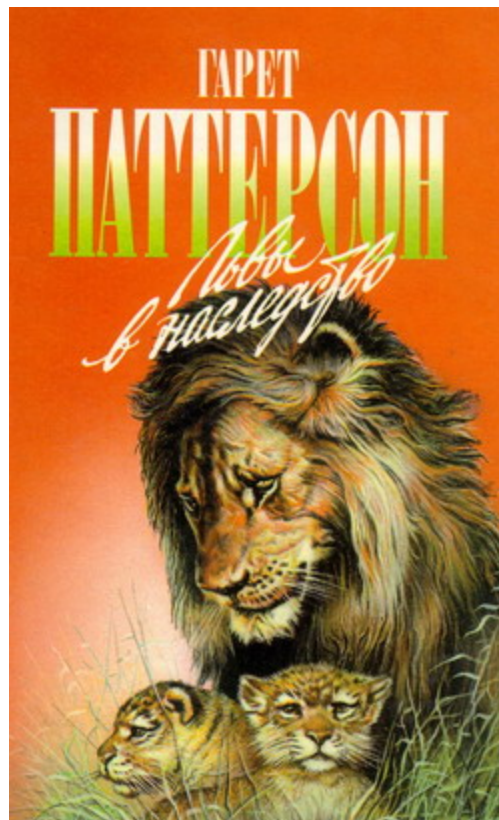
История, которую вам предстоит прочесть, началась не вчера. И чтобы понять и оценить по достоинству смысл и прелесть книги Гарета Паттерсона, нужно окунуться в далекое прошлое. Итак...

В один прекрасный февральский день 1956 года инспектор Департамента охраны природы и туризма Джордж Адамсон во время поездки на север Кении в порядке самообороны вынужден был застрелить бросившуюся на него львицу. В нескольких шагах от места происшествия он нашел в расщелине скалы логово этой львицы (вот чем объяснялась ее агрессивность!) с тремя только что прозревшими, беспомощными детенышами. Будучи истинным любителем животных, Джордж забрал осиротевших малышей и привез их в свой лагерь, где передал на попечение жены, впоследствии всемирно известной Джой Адамсон.

-
- [Гарет Паттерсон](#)
 - [ПРЕДИСЛОВИЕ](#)
 - [ОТ АВТОРА](#)
 - [ПРОЛОГ](#)
 - [Глава первая](#)
 - [Глава вторая](#)
 - [Глава третья](#)
 - [Глава четвертая](#)
 - [Глава пятая](#)
 - [Глава шестая](#)
 - [Глава седьмая](#)
 - [Глава восьмая](#)
 - [Глава девятая](#)
 - [Глава десятая](#)

- [ЭПИЛОГ](#)
- [notes](#)

-
-
-
-
-
-
-
-
-

Гарет Паттерсон
Львы в наследство

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сотни и сотни людей побывали в лагере Джорджа Адамсона в Коре за те девятнадцать лет, что он там прожил. О нем написаны сотни и сотни страниц. И все же всегда находится нечто новое, о чем можно рассказать. Ведь каждый побывавший у Джорджа рассматривал его опыт под собственным углом зрения – видимо, каждый из приходивших к нему приносил в душу что-то свое, глубоко личное.

Гарет открыл для себя мир Адамсона еще в отрочестве, прочитав его книгу *Дикие звери белого господина* (Bwana Game). Открытие привело к встрече с Джорджем, однако их путям суждено было пересечься лишь двенадцать лет спустя, в 1988 году. Страсть почтенного старца ко львам и глубокое понимание их природы помогли молодому человеку выработать собственную манеру постижения этих зверей. И тот и другой с уважением относились к характеру львов и их месту в иерархии природы. Оба желали связать свою судьбу с этими замечательными хищниками. И у обоих мечта стала явью.

Хотя знакомство Джорджа и Гарета продолжалось всего несколько месяцев, их искренняя забота о дикой природе Коре, ее животных и растениях и особенно умение находить общий язык со львами породили духовную связь, которая продолжается и по сей день, несколько лет спустя после трагической гибели Джорджа.

Без заботливого наставника остались трое львят, которых Джордж готовил к возвращению в дикую природу. У Гарета был единственный путь

– разделить жизнь со своим новым семейством, хотя, к сожалению, вдалеке от Коре, где бродят по

берегам рек и таятся в колючих кустарниках другие львы, взлелеянные Джорджем.

Тело Джорджа покоится в лагере Кампи-иа-Симба, но его дух живет в каждом, кто соприкоснулся с ним – лично или через его книги. Вдохновленный и руководимый им Гарет, в свою очередь, посвящает себя львам – и в целом защите животных и их будущего в дикой природе.

Вирджиния Маккенна

ОТ АВТОРА

Когда я трудился над первым черновиком этой книги и завершил его, меня не оставляло чувство неловкости. Не будет ли дерзостью с моей стороны писать о Джордже Адамсоне, которого я и знал-то всего ничего? Сумел ли я достаточно глубоко постичь Джорджа и его жизнь? Время, раздумья и дальнейшая работа над рукописью отмели эту неловкость, и теперь я хочу объяснить почему.

Мне не суждено было знать Джорджа в течение длительного времени, и потому я не могу сказать, что понимаю этого человека так, как если бы специально изучал его биографию. Мое понимание совсем иное – я пришел к нему за время, истекшее после его смерти, когда продолжал начатую им работу с тремя львами.

Многие люди знали и любили Джорджа на протяжении долгих лет. У сотен приходивших к нему были разные мотивы, но все, кто встречался с ним в его родимой Коре, становились богаче. Не забудем и о тысячах людей, которые никогда не виделись с Джорджем, но испытали его влияние, обрели вдохновение только благодаря тому, что слышали о нем. Столь могучей была аура живой легенды!

Я имел счастье быть знакомым с Джорджем, и мне было даровано судьбой за шесть быстро промелькнувших месяцев проникнуть в уголки его уникального мира. Катализатором нашей встречи стал лев – зверь, вобравший в себя труд его и моей жизни, зверь, который зажег пламень нашей дружбы и стал воплощением той жизни, какою я живу сегодня.

Наша преданность льву – символу свободной дикой природы – и забота о нем (выглядающая в глазах иных людей фанатизмом) дают мне ощущение того, что в

моем постижении жизни Джорджа есть что-то уникальное. Это чувство и отмело неловкость. Я написал историю Джорджа Адамсона, рассказав о событиях, случавшихся в его долгой жизни, но особое внимание уделил тому, что происходило, когда я был рядом.

Сегодня моя жизнь слилась с жизнями трех молодых львов, оставшихся после гибели Джорджа и увезенных мной от неопределенного будущего в Кении на привольные просторы Ботсваны. Условия, в которых я живу, помогли мне еще глубже проникнуться тем, чему был предан покойный. Он умер во имя жизни и защищал в первую очередь жизнь, оказавшуюся под угрозой.

Наследие Джорджа – это и его завет. Оно воздействует на человеческие отношения, веру и действия. Это наследие воплотилось в зверях – свободных и диких, населяющих дикие земли, где по-прежнему властвует сотворенный природой естественный цикл жизни. Дай Бог, чтобы так было всегда.

Гарет Паттерсон

ПРОЛОГ

Львы явились, возвестив о своем присутствии лишь негромкими звуками, с помощью которых члены прайда [1] перекликаются между собой. Их формы едва вырисовывались во мраке привычно черной африканской ночи. Джордж Адамсон повернул голову в ту сторону, откуда доносились звуки; я включил фонарь и увидел за пределами лагеря фигуры восьмерых львов, толкающих друг друга.

– Летеа ньяма (Принесите мяса), – приказал Джордж, не отводя взгляда от ночных гостей. В ответ с той стороны, где жили работники Кору, раздались приглушенные голоса африканцев: Симба вальяфике (Львы пришли).

Тут же с подносом мяса появился егерь – стройный, статный, закутанный в местную хлопчатую ткань. Его единственным украшением был традиционный нож с длинной ручкой, свисавший с кожаного ремня.

Джордж встал и направился к небольшой дверце в окружавшей лагерь ограде – достаточно надежной, чтобы львы не могли прорваться внутрь. Он медленно отодвинул щеколду и толкнул дверцу. Взяв у егеря кусок кровавого мяса, он осторожно ступил на каменную плиту и стал подзывать львов:

– Гроу! Мамочка Гроу, ко мне! Я тебе кое-что принес.

Тут же из темноты, куда не доставал желтый луч фонаря, тихо появилась львица, словно актриса, вышедшая на уникальную африканскую сцену.

Массивная, гладкая и могучая, она выплыла с неизъяснимой грацией, типичной для особей ее рода и пола. Здесь, в глухом уголке национального заповедника Кора, снова встретились Зверь и Человек – на сей раз как единомышленники.

Джордж продолжал подзывать львицу и, когда она была уже в трех шагах от того места, где он стоял, швырнул мясо в ночную тьму. Львица прыгнула, подхватила гостинец еще в воздухе и с высоко поднятой головой отпрянула назад. Тут из темноты появилась другая, и вперед весело выскочили четверо десятимесячных детенышей. Потом из-за дерева угрожающе заворчала львица по имени Одноглазая – спокойствие духа, наблюдавшееся в характере остальных, ей явно не было присуще. Джордж снова и снова выходил за ограду, спокойно бросая куски мяса львам, которые желтыми вспышками мелькали в ярком луче. За лакомством пришли все – кроме одного.

Покачав головой, Джордж направился к егерю. Вапи Дэнис? (А где же Дэнис?), – спросил он и принялся шарить по кустам фонарем. Со скалы, находившейся у самого лагеря, блеснули, словно звезды, янтарные глаза. Там неподвижно лежал трехлетний самец – он явно пребывал в нерешительности.

Я чувствовал, какую привязанность испытывал Джордж к этому молодому принцу – возможно, он напоминал ему о львах старших поколений, таких, как Бой и Кристиан.

Получив у егеря кусок мяса, Джордж прошествовал через световое пятно и исполненным внимания и любви голосом стал подзывать льва:

– Ну где ты, Дэнис, где ты, старина? Посмотри, что я тебе принес! Джордж зашагал дальше, пока почти не растворился в африканской ночи. Я услышал, как кусок мяса ударился о каменистую почву. И тут же лев, возлежавший на скале, сорвался с места и, едва видимый, бросился к мясу, а затем к Джорджу, остановившись в двух шагах от него. Он грозно зарычал на Джорджа и только после этого вернулся к мясу, схватил и, отряхнув с него песок, как привидение, взмыл на скалу, на свое прежнее место. Такое

поведение молодого самца было демонстративным – лев пытался заявить Джорджу о себе. Дэнис, потенциальный глава прайда, вел себя по отношению к нему точно так же, как вступающие в зрелую пору самцы, делающие осторожные попытки отогнать более старого, но по-прежнему уважаемого льва.

Позже, когда работники Коры заснули крепким сном, а горстка посетителей смирнехонько сидела в вечерней тишине, Джордж положил трубку на стол и снова позвал львов:

– Ко мне, Гроу! Ко мне!

Драматический гул взорвал ночную тишину – это восьмерка принялась отвечать во весь голос Баба-иа-Симба – Отцу львов:

– Умм... умм... умм... умм...

Услышав этот зов, Джордж сначала усмехнулся, а затем, видимо смущенный реакцией прайда на собственный голос, вновь принялся раскуривать трубку. В душе он радовался, какого редкого сопереживания и каких глубоких взаимоотношений достиг он с животными. Хотя Джордж не проронил ни слова, слушая, как отвечали ему львы, он так и сиял от удовольствия, и это чувствовали все, кто сидел вокруг этого замечательного человека.

Глава первая

ЛЬВИНОЕ СЕРДЦЕ

Наш рассказ – о Джордже Адамсоне, его львах, жизни среди дикой природы и о том, каким богатством явилось для меня краткое, длительностью всего в шесть месяцев, общение с ним и с его зверями – опыт, который перерос в дело всей моей жизни.

Наша духовная близость зародилась более пятнадцати лет назад, в годы моего отрочества – я рос в Нигерии, на западе Африки. В день моего двенадцатилетия я получил от мамы два подарка: автобиографическую книгу Джорджа Дикие звери белого господина и настольную игру под названием Заповедник. Это была большая доска с горами из папьемаше, долинами и водопоями; по бумажным долинам бродили пластмассовые слоны, а у голубых водопоев толпились раскрашенные зебры и антилопы. Вскоре я забыл обо всем на свете, вообразив себя участником самых невероятных приключений отважных егерьей и охотинспекторов, живущих среди львов и неустанно преследующих коварных браконьеров.

В отроческие годы мне довелось жить в самых разных уголках девственной африканской природы – от близких к Сахаре регионов на севере Нигерии до болотистых территорий на юге. В юном возрасте, в Восточной Африке, я стал свидетелем миграции антилоп гну, пронесившихся по долинам Серенгети; я видел львов, дремавших среди деревьев возле озера Маньяра и свободно бегающих по берегам рек в горах Мичиру в Малави, – я рос, и на моих глазах росли эти львы.

Никто ничем не стеснял меня, я рос свободным и вместе со своими африканскими товарищами по играм ходил высматривать зверей. Сама природа давала мне образование, и главным в нем было находить общий язык с окружающими тебя людьми и зверями.

Но когда мне исполнилось четырнадцать, традиционная система воспитания вторглась-таки в мою жизнь. Успехи мои в местной малавийской школе были весьма посредственными, так что меня на два с половиной года выслали в страну, которую я не знал и не знаю до сих пор, – в Англию.

Я оказался в южной Англии, где грязные поля, бесконечный нудный дождь и новые для мальчика, родившегося британцем, но любящего только Африку, ее обычаи и привычки. Это был смутный и неуклюжий период моей жизни, когда сердце болело только об одном – как бы удрать назад в Африку! Я учился на двойки и тройки, да еще стяжал себе славу дикаря, жившего среди львов, – этот ярлык навсегда остался в моем сознании.

В холодном, как пещера, классе британской школы я написал письмо Джорджу Адамсону, в котором впервые искренне рассказал о своей тоске по дикой Африке и стремлении вернуться на этот континент.

Джордж получил письмо и передал его Джой – она как раз искала ассистента для работы с леопардами в национальном заповеднике Шаба.

К тому времени я вернулся в Малави на каникулы и получил от Джой письмо, которое, будучи отправленным из Кении, не застало меня в Англии.

Она писала, что в принципе готова принять меня и предоставить возможность поработать с леопардовой Пенни – настоящей царицей Шабы [2]. Джой советовала приехать в Кению, а уж она-то выхлопочет мне разрешение на работу. Страстные строчки, написанные

в холодном классе, каким-то образом дали мне шанс, которого я добивался.

Окрыленный, я возвратился в Лондон, но моей радости не суждено было продолжаться долго. Я сошел с самолета, не обращая внимания ни на людскую толчею, ни на грозовые облака в небе; купил газету – и остановился, как громом пораженный. Заголовок гласил:

ДЖОЙ АДАМСОН УБИТА

Для меня это означало крушение мечты, а для всего мира – то, что навсегда замолк голос, доносившийся из дебрей Африки. Это был голос женщины, чьи слова и дела покорили сердца миллионов и, как никогда впоследствии не удавалось никому, привлекли внимание людей к дикой природе.

Несколько недель я скорбел о случившемся и представлял себе заросший кустарником кусочек кенийской земли, где старик, увенчанный копной седых с желтизной волос, похоронил свою жену под каменной плитой рядом с могилой львицы Эльсы – той, что так связывала его с Джой.

Спустя шесть месяцев я вернулся в Африку, возможно преисполненный еще большей решимости посвятить жизнь задуманному делу, и в восемнадцать лет начал свою карьеру, которая поселила во мне любовь ко львам, а затем свела с Джорджем Адамсоном.

Я начал учеником егеря в частном заповеднике, граничившем с национальным парком Крюгера в Южной Африке, и как сейчас помню свое первое столкновение со львами, преподнесшее мне хороший урок.

Однажды ранним утром я ехал по заповеднику в сопровождении опытного егеря, как вдруг невесть откуда возникла пожилая львица и без

предупреждения бросилась к нашей открытой машине. Нас окружал густой кустарник, и, пока мой спутник пытался оживить заглохший мотор, львица приблизилась. Огнестрельного оружия с нами не было, одна дубина.

Повинуясь инстинкту самосохранения, я дико заорал на львицу и принялся колотить дубиной по бортам машины, думая напугать ее. Наконец мотор завелся, лендровер рванулся вперед, а львица замедлила шаг и остановилась.

Урок, полученный мною, я понял так: с уважением относиться к окружающему миру, но не боясь его. От страха все несчастья.

Следующим этапом моей карьеры была работа с доктором Йеном Плейером, представителем Школы управления дикой природой. Я жил с коллегой и подругой Розанной Сейвори в обветшавшем фермерском доме в предгорьях Дракенсберг, и на моем попечении находился солидный участок нетронутых земель. Я исхаживал немало миль, проверяя надежность оград, снимая браконьерские капканы и отстреливая браконьерских же охотничьих собак, а Розанна, сидя на причудливом допотопном телефоне, обзванивала потенциальных посетителей. Я быстро постигал суть дикой природы, и скоро взял на себя обязанность прививать любовь и интерес к ней детям, посещавшим наш заповедник.

Через год я сделал головокружительный бросок и оказался на северо-востоке Тули, в Ботсване. Там мне было поручено начать изучение местной популяции львов, прежде никем не исследованной, и именно там зародились моя любовь к этим крупным представителям семейства кошачьих и сочувствие им. Четыре года я размышлял, говорил и писал о животных, ставших символом африканской природы. Я проникся жизнью львов так же глубоко, как они вошли в мою. Я был

рожден, чтобы познавать жизнь львиных стай и каждого льва в отдельности. Я разделял их победы и страдал вместе с ними, когда их преследовали.

Из- за браконьерства и незаконной охоты я потерял за два с половиной года двадцать пять из пятидесяти пяти львов, составлявших популяцию заповедника. Мне случалось находить моих подопечных попавшими в браконьерские капканы и, если было не слишком поздно, высвобождать их из коварной проволоки; немало львов погибло от пуль фермеров соседней Южной Африки -они заманивали зверей на свои фермы и там убивали, чаще всего из спортивного интереса.

Волнение и скорбь, которые охватывали меня, когда я пытался защищать этих больших диких кошек, вылились в мою первую книгу Плач по львам, прозвучавшую как призыв к борьбе за спасение львов по всей Африке, в чем давно назрела необходимость.

Ныне я понимаю, что сходные чувства испытывал и Джордж, когда был в моем возрасте. Пусть мы принадлежим к разным поколениям, но мы одинаково страдали оттого, что гибнут эти прекрасные звери. Приведу лишь две цитаты – из книги Джорджа Дикие звери белого господина и из своего Плача по львам.

Однажды вечером, – писал Джордж, – мы увидели восседавшую на скале величественную львицу, обозревавшую окрестные равнины. Она была вылеплена светом заходящего солнца и казалась частью гранитной скалы, на которой лежала. Я задумался – сколько же львов возлежало на той же самой скале за бесчисленные века, прошедшие с тех пор, когда человеческая раса еще находилась в колыбели. Размышляя об этом, я поймал себя на мысли – как же цивилизованный человек, тратя несметные сокровища на сбережение старинных зданий и произведений искусства, сотворенных рукой человека, уничтожает существа, которые являют собою воплощение

бессмертной красоты и изящества? И делает он это лишь ради похвальбы доблестью, достигаемой с помощью оружия, созданного человеком для убийства человека, или ради шкуры, которой он украшает свое лишенное красоты жилище. У меня перед глазами – многочисленные стада диких созданий, сметенных прогрессом с этих необъятных долин; точно так же они исчезли и в других землях и странах, а место их заняли стада вырождающегося домашнего скота. Тягостное видение!...

Через двадцать лет после публикации этих строк я так написал об одном из своих львов, убитом и выставленном в лавке чучельника:

Его морда застыла в пугающем оскале, его тело замерло в неестественной позе. Цена всему – три тысячи рэндов. Если оболочку льва еще можно оценить, то живой лев не стоит, как видно, ничего. Не странно ли, что шедевр, сотворенный человеком, например античная скульптура, почитается им как священная реликвия, а лев – шедевр, сотворенный природой гораздо раньше, чем человеческая раса, – уничтожается потехи ради? Не странно ли ведут себя иные люди?

Толчком к моей первой встрече с Джорджем послужил разговор с другом в начале 1988 года. В то время я был занят сбором материала для своей второй книги Там, где бродили львы. Этой работой я хотел проиллюстрировать в массе не признаваемый факт, что лев и Африканский континент остановились перед угрожающей дилеммой. Я проехал свыше двадцати двух тысяч километров по диким землям юга Африки и остановился в Йоханнесбурге, чтобы обдумать заключительную часть своего проекта. Мой друг предложил мне связаться с Джорджем и встретиться с ним, ибо знал о страстных чувствах, которые я питал ко львам, и глубокой обеспокоенности их будущим в сегодняшней Африке. По его мнению, я мог бы свободно

и непринужденно поговорить с Джорджем обо всем, что касается царя зверей.

Вдохновленный этим предложением, я подумал, что финальная глава книги должна быть посвящена иной Африке, чем та, по которой я в течение шести месяцев проехал столько миль. Я решил, что напишу о старой, быстро уходящей Африке – Африке Джорджа Адамсона.

В письме к Джорджу я рассказал о своей работе со львами и поинтересовался, могу ли нанести ему визит. Через некоторое время он ответил, что охотно примет меня у себя в лагере и желает узнать как можно больше о моей работе. Спустя несколько недель я послал Джорджу через своих друзей в Найроби весточку о том, что прибуду к нему в июне 1988 года.

Взяв с собой в спутницы Джейн Хантер, которая помогала мне в осуществлении моего проекта, я вылетел в Найроби. Проведя несколько мимолетных, но волшебных дней в Масаи-Мара, мы наняли джип сузуки и утром, вооружившись написанными от руки разъяснениями, как доехать до Коры, тронулись в путь.

Через пять часов после выезда из Найроби мы достигли южной границы заповедника Кора. Первое впечатление оказалось шокирующим: иссохшая земля с почти выщипанной травой, лишь редкие сухие пучки кое-где пробиваются из выжженной солнцем почвы. Я знал, что по этой территории проходят кочевые племена сомалийцев со стадами верблюдов, коров и коз, но и представить себе не мог, что изголодавшийся скот может принести такой страшный и ощутимый вред.

Проезжая по этому глухому и беззащитному заповеднику, я думал о том, как же печально, что человек, посвятивший свою жизнь дикой природе, теперь, на склоне лет, живет на земле, где разрушающее воздействие людей особенно бросается в глаза!

Уже вечерело, когда мы достигли Кампи-иа-Симба, где жил Джордж. Лагерь, окруженный прочной оградой от львов, казался безмолвным и пустынным. Тихо вышел кто-то из работников Джорджа и открыл нам ворота. Я въехал на территорию лагеря, испытывая легкое беспокойство. Мы припарковали машину, и работник повел нас к большой группе построек, крытых пальмовыми листьями. Внезапно я увидел через щель в пальмовой крыше копну седых волос и профиль человека, в котором безошибочно узнал Джорджа Адамсона.

Мы подошли к хижине, и тут появился сам Джордж. На нем были зеленые шорты, на ногах – кожаные сандалии. Сперва он глянул на нас с Джейн с некоторым удивлением, и я несколько церемонно представил себя и ее. Тут Джордж улыбнулся, его лицо преобразилось, и, когда в глазах его блеснули искорки, нам стало легче.

– Да, да, – сказал он, – я вспомнил о вашем письме. Не хотите ли чаю?

Тут из хижины-столовой показалась еще одна фигура, и Джордж представил нам Маргот Хенке, давнишнюю их с Джой подругу, приехавшую в лагерь погостить.

Мы расселись за столом, и разговор, конечно же, зашел о львах. Никогда не забуду, какой интерес Джордж проявил к моей книге Плач по львам, которую я ему привез. Я подробнее рассказал о своей работе со львами Ботсваны и посетовал на браконьерство. Джордж слушал, хмуря брови и уныло покачивая головой.

– Боже мой, – бормотал он, горюя о моих львах, как о своих собственных. Его переживания были вполне понятны – ведь речь шла о животных, о которых он так пекся.

Вскоре разговор в хижине-столовой перешел в диалог между мной и Джорджем, а Джейн и Маргот оставалось лишь слушать наши дискуссии. Солнце уже село за горизонт, воздух наполнился звуками ночной Африки – писком летучих мышей и монотонным пением сверчков, – а разговор все продолжался. Джордж отвечал на мои вопросы и, в свою очередь, дотошно выпрашивал о львах Ботсваны, сверяя мои суждения о поведении львов с собственными. Наступила ночь, а он открывал мне все новые секреты своих отношений со львами длиной в целую жизнь.

Встреча с Джорджем подтвердила, что мой друг оказался прав – это был приятный и полезный опыт. Впервые в жизни я свободно и откровенно говорил о львах, не опасаясь губительного скептицизма зашоренного или недоверчивого собеседника-ученого.

После скромного ужина – суп с поджаренными хлебцами – Джейн и Маргот отправились спать, а мы с Джорджем перешли к подробному обсуждению таких животрепещущих тем, как телепатия между львами и возможное существование подобной связи между человеком и львом. Джордж слушал как завороженный, когда я рассказывал о своих сверхъестественным образом произошедших встречах со старым львом-вожаком по имени Темный в северо-восточном Тули. Эти встречи как бы подтверждали мысль о том, что форма телепатического взаимопонимания и связи между человеком и львом все-таки существует.

Я поведал Джорджу, как полтора года назад, когда я собирался покинуть северо-восток Тули и засесть за Плач по львам, я странным образом встретился с Темным. Однажды утром, обходя заповедник, я наткнулся на его следы и пошел по ним, как делал почти каждую неделю на протяжении четырех лет, но в этот раз я впервые почувствовал недоброе. Я двинулся через пересохшее русло реки, сквозь темную толщу

растущих по его берегам кустов, пока час спустя следы наконец не привели меня к широкой пойме. Я продолжал идти дальше, но предчувствие чего-то нехорошего не отпускало меня. Уже наполовину перейдя пойму, я решил возвратиться к машине и поехать по следу, а не идти пешком. Но стоило мне вернуться на несколько шагов назад, как я услышал вдали треск ломающихся веток. Я повернулся и увидел, как из кустов выскочил Темный и бросился ко мне – он скакал длинными прыжками, с оскаленной пастью.

Я сказал Джорджу, что первым охватившим меня в тот момент чувством был не страх, а гнев – какая муха его укусила, с чего он так странно себя ведет? Лев, которого я очень хорошо знал и не боялся, неся на меня с намерением покалечить или убить, и я вскинул ружье. Когда между нами оставалось каких-нибудь двадцать ярдов, я выстрелил в воздух, моля Бога, чтобы хоть это заставило его отступить. Темный подпрыгнул, кинулся к невысоким кустам акации и с хриплым ревом исчез в их гуще.

Я не утаил от Джорджа, как был напуган этой неожиданной агрессивностью Темного и как долго не мог найти ей объяснение. Обычно львы боятся людей, и если пеший человек не заметил льва, он и не покажется, предпочитая оставаться скрытым от чужих глаз. Темный повел себя совсем иначе. Я был от него далеко, не видел его и двигался в противоположном ему направлении. Впрочем, я знал, что какое-то объяснение такому поведению должно быть.

Описав этот случай Джорджу, я вздрогнул от неожиданной мысли – вот она, возможная разгадка! Темный увидел во мне либо хищника-соперника вроде леопарда, либо самца-соперника, вторгшегося на его территорию. А что? При моей симпатии ко львам вполне возможно, что Темный принимал меня за одного из своих собратьев. А вдруг львы видят не только глазами,

но и душой и воспринимают меня не как человека, а как львиный дух, облаченный в человеческую плоть? Вот какие вопросы всплыли на той памятной первой встрече с Джорджем.

В ответ на мой рассказ Джордж поведал о своих приключениях, говоривших в пользу вышеупомянутой гипотезы. Не странно ли, например, что львы-потомки его питомцев во втором и третьем поколении, – проведя многие месяцы среди дикой природы, неожиданно являются к нему в лагерь показать свое потомство? Ведь так же происходит и в прайдах – когда львята достигают примерно двух месяцев, мамаша приводит их показать остальным членам прайда.

Первая встреча с Джорджем укрепила во мне веру в существование особых отношений между львом и человеком, о которой я никому прежде не рассказывал. Я говорил, а Джордж милостиво и понимающе кивал. Возможно, он тоже долго страдал от отсутствия собеседника, которому можно было бы откровенно, без опаски, поверить все свои размышления и чувства.

За три дня, прожитых в Кампи-иа-Симба, мы с Джорджем горячо обсуждали другие ситуации и события, которые упрочивали нашу неколебимую веру во львов и львиный мир. Я, в свою очередь, подумал, что эта встреча была одним из тех редких случаев, когда Джордж поверил, что кто-то искренне разделяет его сопереживание львам. Так возникло наше братство по духу!

В последний вечер, что мы провели вместе, Джордж рассказал, как бы ему хотелось возобновить работы по подготовке львов к возвращению на волю – проект, на который властями был наложен запрет в течение восьми долгих лет. Как раз ко времени нашего визита Департамент охраны природы дал наконец на это разрешение. Уже ночью Джордж предложил мне, по

завершении книги, вернуться в Кору и помочь ему в работе над проектом.

– Мне-то уж пора на покой, Гарет, – добавил он, а в глазах его сверкали огоньки. Я чувствовал, что ему хотелось бы узнать обо мне как можно больше, а мне, в свою очередь, ничего так не хотелось, как глубже проникнуть в его чувства, лучше понять, во что он верит.

Мы затронули вопрос, сколь вероятным будет для меня получение разрешения на работу, но решили пока не заострять на этом внимания, ибо я чувствовал, что Джорджу, прежде чем принять окончательное решение, нужно самому убедиться в моем искусстве отношений со львами. Он предложил, чтобы я по прошествии какого-то времени вернулся в Кору и посмотрел, как будут развиваться события.

Глава вторая

СКОРБНАЯ ЖАТВА

В августе 1988 года я снова приехал в Кению и стал свидетелем кризиса, охватившего дикую природу. Я возвращался к Джорджу в Кору как раз тогда, когда сомалийские бандиты особенно свирепствовали по всей Кении, истребляя слонов целыми стадами, в результате чего их поголовье сократилось до невиданного прежде уровня. Природоохранные организации и правительство были всерьез обеспокоены этими непрекращающимися нападениями.

Прибыв в Найроби, я остановился у своих друзей – четы Джо и Симоны Чеффинг, которые с успехом занимались тем, что возили гостей на сафари. Беседуя с Джо – в прошлом профессиональным охотником, свидетелем перемен, достижения страной независимости и введения в 70-е годы запрета на его профессию, – я чувствовал, как переполняло его негодование из-за того, что сомалийцы превратили национальный парк Цаво в самую настоящую бойню. Джо, как и многие другие гиды, устраивавшие сафари, был шокирован уроном, наносимым вооруженными бандами. Происходило не просто истребление наследия дикой природы, но и сильнейшее давление на правительство страны. За прошедшие шесть месяцев в национальном парке Цаво было уничтожено свыше шестисот слонов и, как предполагают, осиротело около трехсот детенышей – беззащитные и растерянные, они легко становятся добычей львов и гиен. Устроители сафари и борцы за защиту природы говорили о целых кладбищах слоновьих скелетов, лишенных бивней, по обочинам грязных дорог Цаво – эти факты заставляли

предположить, что в кровавом преступлении серьезно замешаны чиновники администрации парка: кто же еще мог получить такой легкий доступ сюда?!

За семнадцать лет поголовье слонов Цаво сократилось с 17487 голов до 4337, то есть на три четверти. Шифта – так кенийцы называют сомалийских бандитов и браконьеров – устраивала засады у водопоев или вслепую стреляла по стадам; так что трагедия, переживаемая этими животными, сопоставима с почти полным истреблением североамериканских бизонов или варварским промыслом китов в Мировом океане. Кроме того, во всем этом был политический оттенок: сомалийцы не собирались отступаться от претензий на исторические земли северо-восточной Кении. Они по-прежнему убеждены, что произвольно прочерченные по карте Африки в колониальную эпоху границы отрезали их от законных территорий и проживающих там соотечественников. Некоторые кенийцы смиренно соглашались с этим, но люди племени боран рассуждают иначе и готовы поведать вам о том, сколь хитроумным способом сомалийцы оттяпали у кенийцев их исконные земли.

Много лет назад, гласит история, рассказанная людьми из племени боран, некий сомалиец, умирая от жажды, перешел границу Кении и попросил разрешения напиться из источника. Отказать ему, разумеется, не могли; набравшись сил, он спросил, можно ли ему привести сюда жену; потом – можно ли пригнать верблюдов и прочий скот, и в этом ему тоже не было отказано; в конце концов он добился разрешения привести сюда всю семью и родню. В итоге сомалийцев стало столько, что они уже сами потребовали от племени боран покинуть исконные места его проживания. Отсюда, заключают люди из

племени боран, – претензии сомалийцев на северо-восточную Кению.

Впрочем, сегодня сомалийцы со своим бандитизмом – больной вопрос не только для Кении. Буквально за несколько лет они проникли в Танзанию и достигли даже северного Мозамбика – это в тысяче миль от их родной земли, – истребляя на своем пути слонов.

Та же история приключилась и с черными носорогами. Из 3500 этих животных, обитавших когда-то в Кении, ныне осталось едва ли 600; почти все они живут на огражденных и защищаемых – пусть и недостаточно надежно – антибраконьерскими бригадами территориях, находящихся в частном владении. Рассказ Джо поверг меня в уныние – если уж такие знаменитые парки, как Цаво, находятся на осадном положении, то что же творится в Коре у Джорджа Адамсона? Если бандиты обнаглели до того, что бесчинствуют на землях, где развит туризм, то каков же должен быть ущерб, наносимый беззащитному и малопосещаемому заповеднику Кора? Уж там-то от слонов, должно быть, точно ничего не осталось: я слышал, что охране заповедника недостает и людей, и оружия, а поддержки от армии там тоже не получают.

Садясь в аэропорту Уилсон в легкий самолетик, летящий в Кору, я вспомнил слова Джо: Берегись, Гарет. Одному Богу известно, что творится в Коре. Теперь мне предстояло разобраться в этом самому.

В течение часа пути, пролетая над пятью плотинами, перегораживающими реку Тана, я размышлял над тем, что принесет мой приезд в Кору. Я чувствовал, что, возвращаясь к Джорджу, я выполнял старинный африканский завет – почитай старших, учись на их жизненном примере и опыте. На деле все оказалось гораздо сложнее.

Но здесь позвольте небольшое отступление. На протяжении шестнадцати лет помощником Джорджа в

работе был Тони Фитцджеральд. Тони приехал в Кору, когда ему было двадцать шесть, и оказался для Джорджа настоящим подарком судьбы. За несколько лет он стяжал себе славу истинного дикаря-аборигена, которого одни любили так же сильно, как другие ненавидели. Он выказывал бесстрашие в обращении со львами и к тому же был мастером на все руки: починенные им механизмы работали как часы, а старенькие машины еще как бегали по африканским дорогам. У него был собственный план подготовки диких животных к возвращению в родную стихию: не меньшую страсть, чем Джордж ко львам, Тони питал к леопардам и достиг с этими ведущими уединенный образ жизни кошками такого же взаимопонимания, как его коллеги со своими питомцами. Сотрудничество Тони с Джорджем было бесценным, но вот беда: по-видимому, из-за нелепого стечения обстоятельств путь в Кору ему был закрыт. Что-то он там не поделил с местными властями. Подробностей я не знаю, да и не выпытывал, но в самолете со мной была сподвижница Тони – эффектная темноволосая американка Ким Эллис, которая возвращалась в Кору, чтобы обсудить с Джорджем кое-какие вопросы их с Тони переезда в Танзанию: они решили заняться изучением жизни диких собак на этой сопредельной с Кенией территории. Когда Ким прощалась с Тони на гудронной взлетной полосе, я почти физически ощущал окутавшие это прощание печаль и горечь.

Юный Дейв Ситон бесстрашно вел самолет в направлении Кору, а Ким Эллис показывала мне местные достопримечательности.

– Прямо по курсу скалы Кору, минут через десять будем на месте! – сказала она, указав на две видневшиеся вдали обнажившиеся скалы.

Вскоре мы полетели над каменистой долиной, лежавшей между ярко освещенными солнцем скалами-

близнецами, и, снизившись, двинулись к лагерю уже на бреющем полете. И тут я убедился, что Дейв – прирожденный пилот: он управлял самолетом так, будто тот был частью его собственного тела. Глядя на его юное лицо, трудно было в это поверить. С высоты птичьего полета крошечный лагерь казался особенно беззащитным среди огромных желто-коричневых просторов, занятых скалами и колючим кустарником.

Я обратил внимание Ким на иссохшую землю; она объяснила, что за прошлый сезон здесь выпало едва ли полтора дюйма осадков. Пейзаж, расстилавшийся под крылом самолета, был мне до боли знаком. До боли – потому что земля была очень похожа на ту, которая служила мне домом несколько предыдущих лет: на северо-востоке Тули, где зародилась моя тяга и страсть ко львам. Как и Кора, эти территории страдали от интенсивной пастьбы домашнего скота; отдельные люди чувствовали, что ущерб, нанесенный здешней природе, невосполним и в значительной мере вызван действиями человека: например, установка оград, препятствующих свободному передвижению диких животных, и так далее. К этому следует прибавить естественные циклы засушливых лет. Следует помнить, что засуха в Африке на протяжении веков служит природным регулятором, благодаря чему число животных стабилизируется на уровне, на котором их может прокормить собственная среда обитания. Но естественные циклы засушливых лет в сочетании с вмешательством человека, в частности с интенсивной пастьбой домашнего скота, вызывающей эрозию почвы, ведут к разрыву природной цепи, и дикая природа региона деградирует: появляется угроза опустынивания, снижения уровня грунтовых вод и изменения растительности; все происходит настолько быстро, что популяции диких животных не успевают адаптироваться. В упадок приходят все формы жизни.

Когда мы пролетали над Корой на малой высоте, меня не покидала мысль, что эта беда не обошла стороной и здешние места.

Самолет мягко приземлился на посадочной полосе, выскобленной много лет назад братом Джорджа Теренсом на заросшей акацией коммифорой земле, – и вот мы уже трясемся в стареньком лендровере, который на будущие месяцы станет моим родным домом в Коре. Джордж и его работники вышли поприветствовать нас, а из хижин высунулись молодые любопытные лица белых посетителей.

Кампи-иа-Симба, служивший Джорджу жилищем в течение девятнадцати лет, получил меткое название зоопарк в заповеднике, причем за решеткой находятся люди, а крупные представители семейства кошачьих – снаружи. Высокий забор из проволоки окружает группу хижин с крышами из пальмовых листьев, стенами из мешковины и песчаными полами. С одной стороны находилась мастерская Джорджа, за ней шел аккуратный ряд хижин, где жили работники, а на переднем плане, по соседству со столовой, интерьер которой был украшен фотографиями Джорджа в молодые и старые годы со своими питомцами, размещалось хозяйство лагерного повара Хамисси. Кухня представляла собой небольшую хижину с постоянно зажженным очагом, окруженным армией закопченных котелков, горшков и сковородок. Лагерь изначально задумывался как базовый, простой и функциональный: здесь было все, в чем нуждался Джордж.

Во время последнего разговора я сказал Джорджу, что вернусь не позже чем через два месяца. Так оно и вышло: закончив книгу, я вернулся к нему именно через два месяца, почти что день в день. Джордж, одетый, как всегда, в зеленые шорты и обутый в кожаные сандалии, обрадовался моему появлению, но еще

больше, кажется, удивился, что я так пунктуально выполнил свое обещание.

Когда я прошлый раз покидал Кору, там – как, наверно, и положено – была всего-навсего пара-тройка посетителей и Джорджу не приходилось особенно напрягаться; но в этот раз, переступив порог хижины-столовой, я вздрогнул, увидев столько разношерстного люда. Кого тут только не было! Англичанин из Уортинга, торгующий подержанными машинами, чернокожая американка, странствующая по всей Африке в поисках своих корней, и множество других. Я чувствовал, что иные посетители смотрят друг на друга настороженно, чуть ли не враждебно – очевидно, они ревновали друг друга к Джорджу, сновавшему между ними.

Я понял также, что напряженное состояние хозяина вызвано не только множеством гостей: его встревожили новости об активизации в Кении сомалийских банд, истребляющих слонов. Возможно, он, посвятивший целую жизнь защите дикой флоры и фауны, почувствовал тщетность своих усилий: происходящие в Африке перемены ставят под удар будущее природы и грозят истребить последние крохи ее.

На второй же день пребывания в Коре я увидел результаты насилия, порожденного человеческой жадностью. В первый вечер Джордж рассказал мне о браконьерстве, свирепствующем на территории Кору. Просочившиеся сюда сомалийские бандиты, которые дезертировали с охватившей их страну гражданской войны и избрали ничуть не менее грязное, зато куда более доходное ремесло – браконьерскую охоту за слоновой костью, недавно застрелили двух слонов.

На следующий день я и еще четверо гостей лагеря, в сопровождении двух егерей – Мохаммеда и Абди, удостоившегося у Джорджа прозвища Львиного юноши, отправились посмотреть на работу браконьеров. Далеко ехать не пришлось: место преступления находилось как

раз позади посадочной полосы, на которую мы только вчера приземлились, и было скрыто от глаз густыми зарослями.

Мы вышли из машины и двинулись гуськом сквозь колючий кустарник. Я знал, что там впереди, и у меня заранее сжималось сердце. Мертвый слон

– это я понял еще в Ботсване, когда был свидетелем страшного зрелища,

– воплощение гибели самой жизни. Все, что присуще слону – ум, необыкновенное чувство семьи и собственного достоинства, – все исчезает, едва только его настигают браконьерские пули и умное животное, превращаясь в серую бесформенную массу, неуклюже валится на землю.

Когда мы приблизились к месту трагедии, Мохаммед, искушенный в науке жизни среди дикой природы, схватил камень: уж он-то знал, что трупы могут привлечь внимание хищников, таких, как львы и гиены. Неожиданно среди кустов открылся просвет, и глазам предстало жуткое зрелище: перед нами лежали две жалкие серые кучи, засиженные стервятниками, – все, что осталось от самки с детенышем, причем слонихе было каких-нибудь семь лет от роду. Из мертвых тел уже вытекли животворные соки: поработало солнце – и остались только обтянутые кожей скелеты. Судя по всему, падение слонихи на землю было резким – передние ноги раскинулись, тело подалось вперед и грудная клетка глубоко вошла в каменистую почву, а задние ноги оказались подогнуты так, будто пуля настигла ее в момент предсмертной молитвы. Кровь и соки организма вытекали медленно и тут же застывали. Тела матери и детеныша лежали всего в каких-нибудь девяти футах друг от друга, как если бы они и после смерти безнадежно стремились быть вместе. Пройдет еще какое-то время, и их желание исполнится: два круга смертного тлена

достигнут друг друга и сольются. И в смерти мать и дитя, безвременно ушедшие в небытие, соединятся, как неразлучны были и при жизни, подумал я.

Один я из всей компании осмелился подойти поближе – меня не пугали запах тлена и вид копошащихся личинок. Но зрелище гибели слонов, всякий раз опустошая мою душу, возбуждало скорбные чувства – слишком часто мне приходилось их испытывать! Судя по следам на каменистой почве, да и по самой сцене, было ясно, что бандитам удалось подойти вплотную, будучи не замеченными ни слонихой, ни детенышем, отдохавшими в тени низкорослых деревьев от полуденного зноя. Тихо подкравшись, бандиты тщательно навели свое оружие – G-3 или АК-47, – созданное человеком для истребления человека, как говорил Джордж, и разрядили обоймы...

Очевидно, мучиться животным не пришлось: они пали там, где стояли, свинец поразил их могучие тела в упор, и дух отлетел едва ли не ранее, чем звук выстрела достиг их ушей.

Трагедия произошла каких-нибудь пять дней назад. Я обошел распростертые на земле тела; хоботы и головы были изувечены топорами, бивни вынуты; наверное, скоро они попадут в мастерскую к резчику, откуда выйдут в виде финтифлюшек и фигурок или будут распилены им на сотни кусочков для изготовления ожерелий и браслетов. Даже из крошечных бивней детеныша и то будут сделаны безделушки, призванные в далеких странах радовать глаз людей, для которых приобретение слоновой кости никак не ассоциируется с ужасом смерти и отвратительными горами мяса, тлеющего в кустах Африки, – это лишь средство потешить свое тщеславие [3].

Я фотографировал эту жуткую сцену и думал: сколько еще осталось, прежде чем дикой природе настанет конец? Или мы уже перешли роковую черту, но еще не осознаем этого? Четверо посетителей лагеря, не в силах перенести запах тлена, наблюдали весь этот кошмар издали; Мохаммед и Абди искали следы браконьеров по периметру, так что я был один и никто мне не мешал. По правде говоря, при виде этой слишком типичной для Африки картины мне просто хотелось хоть немножко поскорбеть одному и не приступать сразу к обсуждению произошедшего.

Оранжевое солнце пробивалось сквозь колючий кустарник; пора было покидать место трагедии. Так не только я, но и гости Джорджа неожиданно стали невольными свидетелями ужасов, творившихся в последние годы жизни Адамсона в Африке. Я шел к машине, а меня не покидала боль, как будто там, в кустах, осталась моя пролитая кровь – кровь, которая роднит меня с африканской землей. Когда эта кровь истекает, из Африки исходит душа ее дикой природы.

Я чувствовал настроение других пассажиров. Образ мертвых слонов запечатлелся в их мозгу и непременно останется знаком горькой правды о сегодняшней африканской действительности, которая могла бы быть совершенно иной, если бы у каждого хватило сознания объединиться и скоординировать свои действия.

Вечером, когда мы подъехали к лагерю, я увидел, что из Найроби прилетели новые гости. Среди них были молодая пара из Австралии, странствующая по Африке, и врач из Австрии Андреас Мейерхольд – необыкновенный добряк, страстный поклонник Джорджа, много лет помогавший ему в работе в Кампи-и-Симба.

Но настроение в лагере царило безрадостное, и не только из-за увиденной мрачной сцены. На следующий день действительно произошел инцидент, который

потряс всех, и хотя в тот вечер никто еще не представлял себе, что может случиться, обитатели и гости Кампи-иа-Симба находились во власти ощущения, будто несчастье уже произошло.

В этот вечер, ближе к ночи, в лагерь неожиданно появились двенадцатилетняя львица по имени Гроу, другая по имени Одноглазая и их потомки – трехлетний самец и самка с четырьмя десятимесячными детенышами. Впоследствии я многое узнал об этих львах, которые живут в заповеднике своей естественной жизнью, но по каким-то соображениям периодически навещают Джорджа в Кампи-иа-Симба. Все эти дикие львы-родичи тех, что Джордж пестовал на протяжении многих лет.

Гроу была дочерью львицы по имени Джиджи, которую привезли в Кору из питомника для осиротевших детенышей в Найроби в 1974 году. Джордж вырастил ее, а в августе 1977 года она встретила с диким самцом, которого называли Черныш. Через три с половиной месяца родились две сестрички – Гроу и Глоу. К несчастью, последняя, как многие из выпестованных Джорджем львов, погибла, отравленная сомалийцами, в 1984 году.

Ощущение неладного переросло в предчувствие опасности, когда Джордж вышел за ограду покормить львов. Впоследствии мне не раз приходилось видеть Джорджа среди львов и делить с ним ощущение близости к этим представителям семейства кошачьих, но данный эпизод остался единственным, когда ему реально угрожала опасность и дело чуть не кончилось трагедией. Ничего себе, хорошенькое начало жизни в Коре!

А случилось вот что. Джордж стоял, подзывая львов и бросая им куски мяса, и не заметил, как один из крупных детенышей, совершенно неожиданно, бросился к нему со спины. Я только и успел крикнуть:

– Джордж, обернись!

Львенок промчался мимо, и Джордж так и остался в неведении относительно намерений малыша поиграть. А малыш-то был ростом со взрослого леопарда и весом никак не менее сорока килограммов. Он не напал, но я испугался, что если бы проделки игрунчика застали Джорджа врасплох и он от неожиданности споткнулся бы и упал, то тогда произошла бы катастрофа: детеныши непременно накинулись бы на Джорджа, это их инстинктивная реакция на проявление чужой слабости! При мысли об этом я вздрогнул. И тут, как бы тоже охваченная беспокойством, подошла Одноглазая с низко опущенной головой. Видно было, что ее тревожил вид человеческих фигур, прижавшихся изнутри к ограде. Она двигалась тяжелым шагом и вдруг рванулась вперед, недовольно ворча, и остановилась, как по команде, в полушаге от Джорджа, будто оценила ситуацию. Схватив кусок мяса с песчаной почвы, она бросилась в кусты и исчезла в ночной темноте.

Когда Джордж вернулся через крохотную дверь за спасительную ограду, у меня отлегло от сердца. Сцены, свидетелем которых я стал, продемонстрировали мне, каким самоконтролем, какой верой и силой обладал Джордж и как это помогало ему в работе со львами, но вместе с тем дали понять, как одно мгновение способно драматически изменить всю жизнь в Коре: если бы Джордж вдруг выказал слабость, или допустил просчет в оценке реакции львов на свои действия, или, по несчастью, свалился на землю на глазах у всего прайда – пиши пропало, насмарку работа всей жизни!

В эту ночь Джордж был необычно тихим. Он не рассказывал о приключениях, случавшихся на его жизненном пути, казался угнетенным и стремился отстраниться от множества людей, сидевших за столом и поглощавших суп, приготовленный пожилым поваром Хамисси. После ужина, когда все разошлись по своим

хижинам, мы с Джорджем завели разговор о нашей общей любви – о львах – и о гибели слонов. Поболтав немного, мы пожелали друг другу спокойной ночи, затем я вытащил из хижины раскладушку и разлегся под яркой восходящей луной, перебирая в уме впечатления сегодняшнего дня. Легкий ветерок шуршал пальмовыми листьями на крыше ближайшей хижины, и вскоре я заснул как убитый.

Несколько часов спустя меня разбудил доносившийся из темноты гулкий и резкий зов львов – питомцев Джорджа. Ближайший ко мне лев – это был, вероятнее всего, молодой самец Дэнис – находился в каких-нибудь двадцати пяти ярдах от места, где я спал, и его глубокий рык разносился по мирно спящему лагерю.

После этого, как только я засыпал, меня всякий раз будил зов бодрствующих львов. Около четырех утра я неожиданно услышал шум приближающейся машины. Луна по-прежнему светила ярко. Я подумал: появление машины в такую пору – обычно предвестник беды.

Я сел на своей раскладушке, а машина вырулила на стоянку за оградой лагеря, и до моего слуха донеслись встревоженные голоса. Через несколько минут из тьмы возник Мохаммед и сказал:

– Приехали из Департамента охраны природы. Шифта убила двух инспекторов, а третьего нашли раненным. Он в машине.

Сообщив эту новость мне, Мохаммед тут же отправился будить Джорджа. Теперь я понял, что послужило главной причиной тревожного состояния, пережитого мной прошлым вечером, и вновь почти физически ощутил его, когда услышал, как все произошло.

Накануне около восьми утра принадлежащий департаменту грузовик, в котором ехали местный охранник и три охотинспектора, двигался по

направлению к небольшому, населенному преимущественно сомалийцами селению Бока на юго-восточной границе заповедника. Инспекторы не знали, что едут прямехонько в засаду сомалийской шифты. Град пуль из автоматического оружия – возможно, того самого, из которого были убиты слониха с детенышем, – прошел грузовик насквозь; водитель был мгновенно сражен пулями, пробившими лобовое стекло. Машина, потеряв управление, выскочила из колеи, сшибла несколько деревьев и, наткнувшись на камни, наконец остановилась. Бандиты продолжали поливать грузовик свинцовым дождем из двух тщательно скрытых точек; позже было установлено, что главной целью шифты было убить охранника, отличившегося в перехватах браконьерски добытой слоновой кости. Когда машина остановилась, в живых оставались только двое пассажиров: охранник, который, по счастью, остался невредим и удрал в кусты, и один из инспекторов. Но, видно, от судьбы не уйдешь: когда раздались последние выстрелы, пуля, рикошетом отлетев от кабины, задела инспектора. Раненный, но не смертельно, он лежал неподвижно – отчасти из-за шока, отчасти опасаясь, как бы бандиты не увидели, что он жив.

Потом все вокруг стало тихо. Какое-то время спустя инспектор открыл глаза и, по-прежнему лежа плашмя, попытался отыскать следы нападавших. Позже он укрылся в кустах; на его перепачканной землей форме выступила красная полоска от крови, вытекавшей из раны; так же, как охранник, он думал, что все, кроме него, перебиты.

Раненый инспектор оказался мужественным малым и, преодолевая боль – пуля засела у него в спине, – начал свой двадцатичасовой поход в направлении Кампи-иа-Симба. Его подобрал другой патруль и доставил на место.

То, что буквально накануне к нам прилетел Андреас, оказалось подарком судьбы. Обернув вокруг пояса кикой – местную хлопчатую ткань,

– Джордж пошел в хижину, где спал врач, и вскоре тот уже осматривал рану. Пуля вырвала кусок мяса размером с крупную монету. Когда Андреас сообщил инспектору, что он чудом избежал тяжелого увечья, тот, несмотря на страдания, почувствовал себя совершенно счастливым.

История с инспектором, равно как и сцена с Джорджем, происшедшая на глазах у всех и трагедия со слонами накрепко врезались в умы посетителей лагеря. Все это полностью развеяло миф, с которым многие из них приехали сюда, – миф об Африке как о спокойном райском месте, каковой ее воображают только те, кто никогда там не жил.

Глава третья

ПЕРВЫЕ ДНИ В КОРЕ

Жизнь в Коре быстро возвращалась в нормальное русло – казалось даже, что слишком быстро, как это обычно представляется после смерти или иной трагедии. Зверское убийство шифтой охотинспекторов потрясло и привело в негодование правительство Кении, и на территорию заповедника были введены военизированные части. Перед ними поставили задачу удалить за пределы заповедника всех сомалийцев с их скотом, а главное – выследить убийц и расправиться с ними. Президент страны издал указ о том, что с целью пресечения истребления слонов и дальнейшей дестабилизации положения в Кении разрешается стрелять в браконьеров на месте преступления – мотивом послужило все то же убийство охотинспекторов. Теперь, когда военизированные части были дислоцированы всего в четырех километрах от Кампи-иа-Симба, мы почувствовали себя как за каменной стеной.

Кроме того, у нас в лагере жили трое львят, которым было каких-нибудь две недели от роду. Их мать трагически погибла – ее застрелили за то, что она резала скот. Когда осматривали тело убитой, обнаружили, что она выкармливала детенышей. Их принялись искать и нашли. Всех троих – самца, который получил имя Батиан, и двух сестричек, которых называли Фьюрейя и Рафики, – передали Джорджу.

Новорожденных львят поместили в большой загон, примыкающий к хижине Джорджа, а когда они подросли, то укладывались спать, прижавшись к

ограде, в нескольких футах от того места, где Джордж ставил свою раскладушку.

Их присутствие вызывало в памяти Джорджа много воспоминаний и подсказывало ему множество историй. После восьмилетнего перерыва ему предстояло возобновить работу, с которой были связаны лучшие годы его жизни, и детеныши, напоминая о прошлом, вселяли надежду на будущее. С того времени, как родилась легенда о львице Эльсе, прошло примерно тридцать лет и три года, и теперь ее дух, как и дух других львов, встретившихся Джорджу на жизненном пути, воплотился в крошечных, едва держащихся на лапах детенышах. Они же, в свою очередь, были отражением судьбы человека, который посвятил свою жизнь дикой природе и ныне, несмотря на почтенный возраст, неустанен в своем поиске; человека с искрометными глазами, который видел немало перемен, стал свидетелем эпохи первых белых поселенцев и дожил до тех дней, когда экономическое благополучие его страны оказалось в сильной зависимости от того, что составляло смысл его существования, – от сохранения дикой природы.

В первые недели моего пребывания в Коре, когда нам с Джорджем удавалось отделаться от назойливых посетителей, он рассказывал мне о прошлом. При этом он обычно садился за письменный стол, а я – просто на песчаный пол в его узенькой комнатенке.

Здесь, в этой комнатенке, прошлое оживало перед нашими глазами – оно вставало с поблекших фотографий Джой и Эльсы, Мальчика и Кристиана, о нем напоминало небогатое барахлишко вроде шомполов для чистки ружей да старенького фотоаппарата лейка. Это было жилище человека, которому претила погоня за материальными благами. Все, что у него имелось, служило какой-то цели, играло какую-то роль в его

жизни и, естественно, занимало свое место. Никакого хаоса, беспорядка.

Ближе к полудню он обычно наливал себе стакан джина с апельсиновым соком, и я чувствовал, как он вздрагивает при мысли о нынешних трагедиях, пытаясь отогнать ее от себя. Мы погружались во мглу прошедших лет, извлекая оттуда забытые истории, проникнутые счастьем и печалью. Память у Джорджа была по-прежнему светла, на нее как будто ничуть не повлияли годы, и нам доставляло наслаждение рыться в глубинах шестидесяти пяти прожитых Джорджем в Кении лет, вместивших всю историю страны.

Джордж родился в 1906 году в Индии. Восемнадцать лет, закончив восемь классов в Англии, он отплыл к самой южной оконечности Африки – мысу Доброй Надежды: он думал встретиться там с родителями, которые собирались поселиться в Южной Африке. Но едва пароход причалил в порту Кейптауна, Джордж получил телеграмму от отца: тот осел в Кении и так полюбил эту страну, что просил сына приехать к нему. Джордж не мог сдержать смеха, когда рассказывал, как ему доставляли телеграмму и как его самого потом доставляли на корабль после бурной ночной попойки в отеле Маунт Нельсон...

Эту историю Джордж до сих пор помнил во всех подробностях. К тому времени, когда корабль бросил якорь в порту Момбаса, его родители приобрели небольшую кофейную плантацию в местечке Лимуру близ Найроби.

Хотя стране в ранге британского протектората еще не исполнилось и тридцати, по ней уже ходили легенды об африканских львах. Одной из самых драматичных была история со львами-людоедами из Цаво, разворачивавшаяся как раз там, где теперь национальный парк.

Строилась железнодорожная линия, соединявшая Момбасу с Найроби. Для ее постройки сюда свозились десятки тысяч рабочих из Индии, поскольку выяснилось, что местные жители почему-то не питают особой склонности к подобным работам.

А беда тут как тут. Дело-то пошло, да вдруг откуда ни возмись объявилась стая львов, наводившая ужас на обитателей строительных лагерей, в частности индийцев, их жен и детей. Когда число сожженных людей перевалило за сотню, работы на железной дороге были приостановлены. За отстрел львов-людоедов взялся главный инженер, полковник Р.-Дж. Паттерсон, но сначала он собрал статистические сведения. Его книга Людоеды Цаво, в которой он описывает леденящие душу истории, стала классикой охотничьей литературы, завоевала колоссальную популярность и переиздается до сих пор. Бравый Паттерсон, конечно, отстрелял прайд людоедов Цаво, но, увы, дело на этом не кончилось: как пишет сам инженер-полковник, объявился лев, который почитал особым лакомством железнодорожное начальство и даже скушал за милую душу офицера полиции мистера Райалла! Но в конце концов и этот лев попался в капкан. Его продемонстрировали публике, охочей до кровавых сенсаций, и только после этого пристрелили.

Людоедство – загадочная форма поведения львов. Многие столетия печального опыта приучили их бояться людей как своих наследственных врагов. И тем не менее людоедство передается из поколения в поколение. Обычно львы не едят приматов, например павианов, равно как и соперников – хищников вроде гиен, хотя нередко убивают и тех и других. Если нас, людей, львы видят в сходном свете – значит, людоедство следует считать более чем странной чертой, проявляющейся периодически.

Трагическая история с людоедством в Цаво могла произойти вследствие того, что изголодавшаяся стая львов пересилила свой врожденный страх перед людьми и начала за ними охотиться, быстро осознав незащищенность человека и легкость добычи.

Рассказывая о похождениях Паттерсона, Джордж с трудом сдерживал усмешку. Еще бы, ведь носились слухи, что отважный борец со львами-людоедами, сделавшись профессиональным охотником, оказался замешанным в скандальной истории: когда один из его высокопоставленных клиентов загадочным образом встретил смерть во время сафари, Паттерсон и вдова покойного продолжили путь вдвоем и спали в одной палатке – но это уже другой рассказ.

За первые десять лет жизни в Кении Джордж перепробовал множество профессий. Сначала он строил дороги, потом решил заняться перевозкой грузов, но не тут-то было: первым заказом, который было поручено доставить Джорджу, оказались спички. От езды по тряской дороге произошло воспламенение, и весь груз сгорел. Оправившись от этого приключения, он попробовал выращивать кофе, но и здесь потерпел фиаско; пытался торговать козами и пчелиным воском, но козы у него постоянно дохли от перепада высот при перегоне, а пчеловоды, добыв желанный мед, постоянно забывали оставлять ему воск; наконец устроился было продавцом, и снова его постигла неудача. Наверное, всем подобным занятиям недоставало той сущности, которой жаждал его разум. Он был, как юный лев, странствующий в поисках назначенной ему природой доли, и годы учения и развития в конце концов привели его к цели.

В какой-то момент Джордж со своим закадычным другом Невилем Баксендейлом решили податьсь в старатели. Раздобыли оборудование, договорились, чего они хотят, -и были вознаграждены за все старания

случайными крупницами золота, осевшими у них на лотках. Прибыли они, конечно, не получили, но радости Джорджу такая жизнь доставила немало, и к этому занятию он еще вернется.

То были времена чудачеств и потакания своим прихотям, трудной работы и не менее трудной игры. Такие люди, как лорд Деламер, будучи без ума от этой страны, вкладывали в нее свои души и капиталы. Деламер, отпустив длинные волосы, стал кровным братом племени масаев и вместе с тем – неофициальным представителем поселенцев, выступавшим за их интересы. То были начальные годы существования знаменитого клуба Мутайга, где играли в гольф и в теннис, катались на породистых скакунах, крутили романы и даже стрелялись – в общем, отводили душу кому как нравится. Здесь лорд Деламер, в разгар веселой пирушки, запузыривал мячи для гольфа на крышу клуба и потом лазил за ними; здесь любовник Карен Бликсен [4] Дэнис Финч-Хэттон плюхался, словно бегемот, во все кресла подряд, пока не усаживался комфортабельно в какое-нибудь из них.

Я попросил Джорджа рассказать о самых темпераментных женщинах того времени, которые вели столь удивительный образ жизни. Он сказал, что, в отличие от его друзей в охваченных кризисом Англии или Америке здешние женщины имели множество слуг, а потому располагали возможностью жить, как им хочется, и развивать свои таланты в пику невзгодам того времени. Вот, наверное, почему самые яркие картины белой Кении тех лет – и в литературе, и в живописи, и в легендах – принадлежат женщинам.

Подруга Джорджа Элспет Хаксли написала о Кении множество книг; пожалуй, лучшим образцом повествования о судьбах поселенцев-пионеров в этой стране является ее книга Пламенные деревья Тика. Но

для меня воплощением жизни и любви той эпохи остается Карен Бликсен. Ее собственная жизнь была исполнена высокого драматизма и фатализма: вначале юная цветущая светская леди, затем красавица-невеста, приехавшая в Момбасу, потом – женщина, познавшая предательство в браке, но нашедшая истинную любовь в стране, исполненной, как она сама, оптимизма, граничащего с пессимизмом. Ее любовник Финч-Хэттон, чувствительный индивидуалист, был превосходным охотником и одним из пионеров авиации в Кении. По иронии судьбы он встретил смерть, паря над этой величественной страной и наслаждаясь свободой, которую дает полет.

Знаменитой в Кении 20-30-х годов покорительницей неба была Берил Маркхем, также знакомая Джорджа. Ее вольное босоное детство протекало среди людей племени нанди; ее долгая жизнь была богата событиями, но главным для Берил всегда оставалось небо. Она стала первой женщиной-пилотом почтового самолета и первой женщиной, предпринявшей попытку в одиночку перелететь Атлантический океан с востока на запад.

В молодые годы Джордж стал свидетелем королевского визита в Кению. Принц Уэльский, будущий Эдуард VIII, вкушал прелести жизни в этой стране; среди тех, кто услаждал его, были Карен Бликсен, ее муж Брор Бликсен и любовник Финч-Хэттон, а также Берил Маркхем. Принц нашел страну очаровательной – здесь так приятно поиграть! Что ж, у каждого свои вкусы.

Визит принца был резко оборван сообщением, что его отец, Георг V, находится при смерти. Невероятно, но факт – примерно четверть века спустя визит его племянницы, принцессы Елизаветы, в Кению закончился столь же печально: смертью ее отца Георга VI.

Джордж рассказал мне, что, поскольку он рос в Кении, у него уже в юности появилась тяга к охоте. Первые охотничьи экспедиции он совершал со своим братом Теренсом: единственный транспорт – мотоцикл с коляской, одно ружье на двоих, причем патроны стоили так дорого, что промахиваться было накладно. И поверьте, в самом деле ни единого промаха!

Джордж освоил язык дикой природы, научился распознавать ее звуки и знаки – это была наука на всю жизнь. Когда у братьев особенно обострялась карманная чахотка, они накапливали из последних сил двадцать пять фунтов и покупали лицензию на отстрел слона. Выбирали зверя с самыми могучими бивнями – и выручали за них фунтов пятьдесят, а иногда и целую сотню. И как раз в этот период Джордж, снова в сопровождении Баксендейла, во второй раз отправился на поиски золота.

Джордж всегда с теплотой вспоминал об этой экспедиции, целью которой было ни больше ни меньше как поиск легендарных копей царицы Савской, находившихся, если верить старинным преданиям, на берегах озера Туркана – большой наполненной водой котловины, затерянной на севере Кении. Золота они и в этот раз намыли немного, но главным было ощутить свободу, пережить волнующие приключения.

Вскоре он стал профессиональным охотником и гидом. Прежде чем поступить в Департамент охраны природы Кении, который был только что образован, Джордж несколько лет прослужил в охране северной пограничной провинции. Территория, оказавшаяся на его попечении, размером с Великобританию, была глухой, суровой и необъятной, а транспортом ему служили верблюды, вьючный ослик да драный пикап.

Пока Джордж жил отшельником в отдаленном северном уголке страны, в Счастливой Долине своим чередом шла бурная светская жизнь, увековеченная во

многих книгах. Сексуальная распущенность, пьянство, наркотики и опасные связи достигли своего апогея с убийством лорда Эрролла. Его репутация сторонника фашистов, волокиты и бабника стала в колонии легендой, а события, приведшие к его убийству на перекрестке дорог вдали от Найроби, более чем полно отражены в книге Белый проказник (White Mischief) и одноименном кинофильме, о которых в те времена судачили на всех углах.

Как раз после этого скандала Джордж встретил Джой и через какое-то время женился на ней. Я никогда не пытался у него подробностей, надеясь, что он сам обмолвится, расскажет, как они жили – вместе и врозь. О чем не упоминают многие из тех, кто писал о Джордже и Джой, – так это о том, что в течение двадцати лет они черпали силы друг в друге. Источником средств к существованию для них были в основном сафари по северной Кении, жили они среди величественных картин дикой природы и делились друг с другом всем, чему научились и что открыли.

Она писала окружающие ее пейзажи, а Джордж охотился за браконьерами, постоянно рискуя собой, – такова доля охранника. Но они жили замечательной жизнью, и их любовь ничем было не сломить.

Впрочем, тайна их отношений и поныне разгадана не до конца. Это были отношения между двумя совершенно разными личностями, пусть у них и нашлись точки соприкосновения. Впоследствии, когда они поженились, преданность Джорджа львам, вне всякого сомнения, сердила Джой; еще бы, ведь уютному семейному гнездышку на озере Наиваша он предпочел жизнь среди грозных представителей семейства кошачьих! Возможно, временами она чувствовала, что ее выбор был ошибкой. Джой обладала незаурядными талантами – она была и художницей, и писательницей, и замечательным оратором, выступавшим в защиту

дикой африканской природы. Наверное, благодаря этим успехам тот факт, что она все-таки не была вполне счастлива в супружестве, оставался в тени, да и, я думаю, она сама не призналась бы себе в этом. Но несмотря на то, что этим двум людям случалось жить и порознь, между ними существовал некий особый, только им ведомый род любви, скрытый от любопытных посторонних глаз.

Да, возможно, их брак был отнюдь не безоблачным, но ведь и в истории Кении пятидесятые годы, когда устоявшийся колониальный порядок столкнулся с пробудившимся самосознанием чернокожего населения, оказались самым кровавым и жестоким в истории страны периодом.

Джордж говорил о той поре без особых эмоций и со свойственным ему оптимизмом чаще вспоминал комичные стороны охватившего страну кризиса. Борьбе кенийцев за освобождение от колониального режима положили начало бунты племени мау-мау, и как только было объявлено чрезвычайное положение, Джордж записался на военную службу и занялся обучением патрулей – знание тайн и хитростей густых кустарниковых зарослей очень пригодилось ему в глухих лесах в горах Абердэр. Он редко вспоминал об ужасах тех лет, возможно, потому, что считал их делами давно минувших дней, да и жизнь с тех пор переменилась; но то была эпоха, отмеченная страшной войной длиной в четыре долгих года, начавшейся с клятв людей из племени кикуйю убивать белых и изгонять их из Кении; эпоха терроризма, крупных военных операций, пикирующих бомбардировщиков и жестоких убийств.

Подавление мятежа стоило жизни 26 азиатам, 90 европейцам, 1800 лояльным африканцам и примерно 11 500 бунтовщикам. Это была одна из первых в Африке войн против колониальных властей, и, по иронии

судьбы, она оказалась единственной за два десятилетия, которую европейцы на этом континенте выиграли.

Беседуя с Джорджем о тех годах, я спросил его о Роберте Рьюарке и его знаменитой книге Ухуру. В ней речь идет о людях – белых и черных, застигнутых врасплох неразберихой в годы, предшествовавшие завоеванию Кенией независимости. Из рассказов о страхах одних и надеждах на будущее других вырисовывалась живая картина умонастроений кенийцев тех лет. Джордж не раз повторял, что в этой книге блестяще предугадано будущее континента и его белых жителей. Рьюарк был у Джорджа на сафари, и тот восхищался им и как писателем, и как человеком. Джорджу на его веку пришлось стать свидетелем множества смертей и зверств, и он видел, что подобные жуткие сцены описаны в книгах Рьюарка как нельзя более живо и точно. Они не могли быть высосаны автором из пальца – все это происходило в действительности. Хотя племя кикуйю и проиграло войну, оно тем не менее пережило психологический подъем. Еще бы – они поднялись против белого человека! И ветры перемен понеслись по всему континенту. Как раз в это беспокойное время в жизни Джорджа произошло событие, которое все перевернуло: появилась львица по имени Эльса, та самая, что стала героиней книги Джой Рожденная свободной. На этом важном для Джорджа периоде я еще остановлюсь подробнее.

Мои разговоры с Джорджем с глазу на глаз обычно имели продолжение по вечерам, когда остальные обитатели и гости лагеря разбредались по хижинам спать. И как раз в эти первые недели я пришел к более полному пониманию своего наставника и его жизни.

Джордж почти постоянно был окружен людьми, ему все время приходилось уделять внимание посетителям,

и, возможно, он чувствовал себя счастливым только тогда, когда уединялся в мастерской и чинил что-нибудь из оборудования. Джордж, конечно, любил компанию, если она ему подходила, но так, увы, бывало не всегда. Правда, отшельником он тоже не был – ему нравилось, когда его окружают друзья, и он умел скрывать раздражение, которое порой вызывал у него поток посетителей.

Когда я видел, как Джордж нуждается в уединении, я вспоминал цитату из книги Питера Мэтиссена Дерево, под которым родился человек (The Tree Where Man Was Born). Много лет назад на сафари в долинах Самбуру Питер с приятелем встретили Джорджа со стариком-егерем, и Питер написал: Адриан помахал рукой сидевшей в кресле персоне, которая не ответила. Белый человек и черный человек, сидя под прямым углом друг к другу, остались неподвижными, будто высеченными из камня. Эти старцы, похожие на бизонов, словно обособившись друг от друга, глядели на окружающую их Африку.

Я чувствовал себя неловко, видя, как перенапрягается Джордж. Я-то хорошо знал, что жизнь людей в тесном контакте друг с другом, да еще в условиях маленькой общины посреди дикой природы, создает множество проблем. Я с этим столько раз сталкивался в Ботсване, и право же, человеку, который хотел бы провести остаток жизни в мире и покое, расхлебывать все это совершенно незачем.

В первые недели пребывания в Коре я сосредоточился на постижении жизни Джорджа и ведении записок – я уже тогда замышлял книгу в духе той, что вы сейчас читаете. Я надеялся, что прилив посетителей и просто зевак – преходящее явление, возможно совпадающее с пиком туристического сезона. Какое там! Время шло, и я начал понимать, что жизнь Кору в целом именно так и протекает. Когда я в

прошлый раз простился с Джорджем, я обещал вернуться, чтобы, в частности, помочь с проектом, хотя мы не делали друг другу никаких конкретных предложений. Когда же я приехал в Кору, то обнаружил там трех детенышей, окруженных лаской и заботой всего лагеря; как только одна группа приемных отцов и матерей уезжала, ее тут же сменяла другая – возможно, просто чтобы потешить свое я, вот, мол, какие мы хорошие. Постоянное внимание, которое обитатели и гости Кампи-иа-Симба уделяли детенышам, порой отдаляло от них даже Джорджа. Несмотря на эту печальную ситуацию, львята чувствовали себя хорошо (хотя нашли их далеко не в идеальном состоянии: у них было обезвоживание организма). Большую часть времени они проводили в тени деревянной стенки загона, спасаясь от знойного солнца.

Я часто сопровождал Джорджа в поисках львицы Гроу и ее прайда, насчитывавшего восемь членов, используя эти походы для изучения жизни за пределами лагеря, на территории заповедника. Я читал по земле, словно по раскрытой книге, подмечал все подробности, и мне не потребовалось много времени, чтобы понять, сколь прекрасна дикая природа Кору. Но ее недавняя история тесно связана с деятельностью человека. Купцы издавна пересекали на одномачтовых суденышках Индийский океан, ходили в страны Персидского залива. Самыми желанными для них были такие товары, как ладан и мирра, которые добывались, в частности, в Коре. Джордж рассказал мне, что мирру получали из акации коммифоры, а ладан – из растения близкого ей семейства – *Boswellia carteri*.

Главная достопримечательность Кору – река Тана, питающаяся потоками с южных и восточных склонов горы Кения и восточных склонов Абердэра. Теперь воды ее темны, скованы целой чередой плотин, а когда-то

это была сверкающая чистая река, несшая свои живые, ничем не стесненные воды к Индийскому океану.

Когда я увидел берега Таны, они были совершенно лишенными травы из-за нещадно вытаптывающих и поедающих ее стад, принадлежащих сомалийцам. Поголовье бегемотов, едва оправившееся от последствий предыдущей засухи, оказалось перед лицом еще более страшной угрозы. Немало пальм дум было уничтожено сомалийскими пастухами, выжигавшими землю в отчаянных попытках снова заставить расти здесь траву. Но безмолвный, кажущийся мертвенным облик Кору обманчив – стоит улучшить условия, и она, как и всякий подобный уголок Африки, мгновенно преображается. Природа Кору уникальна, но, к сожалению, для большинства людей она не имеет той эстетической привлекательности, что, например, заповедники Масаи-Мара или Масаи-Амбосели. Так или иначе, но это тот тип страны, который я люблю. Сушь, низкий уровень осадков и не видимый постороннему глазу животный мир – все это создает мистический облик, скрывающий истинную сущность этого чудесного уголка!

В 1970 году – ровно через сто лет после появления на заросшей непроходимым колючим кустарником земле ныки [5] первых исследователей-европейцев – Джордж решил поселиться в этом месте, которое позже, благодаря его усилиям, стало национальным заповедником Кору. Джордж приехал сюда продолжать свою работу и искать убежище для льва по имени Кристиан (он собирался после подготовки выпустить его в родную стихию), а также для тех, кто за ним последует. Место показалось ему идеальным: вся в кустах акации коммифоры территория, имеющая в плане треугольник, представлялась защищенным

анклавом между земледельческим регионом на западе и скотоводческим на юге и востоке.

Джордж побывал в Коре за много лет до того, и ему запомнились густые кустарники и уединенность этого места. Оно казалось спасительной гаванью и для человека, и для льва. С ним приехал его брат Теренс, который много лет проработал в Кении на строительстве дорог. В этом регионе предполагалось развитие дорожной инфраструктуры на подобающем уровне, и его опыт и мастерство могли оказаться бесценными.

Они выбрали место для лагеря Кампи-иа-Симба между двумя живописными скалами Кора - они выглядели как часовые, стоящие на страже, их присутствие успокаивало. Но удивительнее всего то, что самой природой на них были высечены изображения львов.

В лунные ночи я видел на отвесной скале царственный силуэт могучего владыки зверей, а с другой стороны получался контур львицы с оскаленной пастью. Но и это не все - если свет падал под иным углом, можно было различить еще фигуры. Видно, Джорджу судьбой было назначено найти пристанище для своих львов среди скал, на которых время изваяло их желто-коричневые тела. Да и само название Кора подходит сюда как нельзя лучше: на местном языке оромо это значит место встреч. Правда, некогда в эти слова вкладывался иной смысл: здесь собирались воины для набегов на соседние племена.

В 1970 году местные жители под руководством Теренса проложили первые дороги. Егерь Мохаммед рассказывал мне, что был свидетелем множества случаев, когда строители, словно муравьи, врассыпную разбегались по кустам: в то время в этом регионе обитали черные носороги, и когда работавшие сталкивались с ними, и те и другие чуть не умирали от

страха! Люди уносили ноги, едва заслышав приближающееся фыркание разъяренного зверя, а Теренс стрелял в воздух, пытаясь созвать рабочих вновь.

Но эти сцены остались в прошлом и не повторятся сегодня просто потому, что носорогов здесь теперь нет – их всех перебили браконьеры. Как слонов истребляли из-за их бивней, так носорогов – из-за их рогов, ценившихся на Среднем Востоке на вес золота.

Глава четвертая ПРО ЛЬВА ПО ИМЕНИ ЛЮЦИФЕР

Сегодня Кора по-прежнему изолирована даже в пределах Кении. Она находится вдалеке от магазинов с дорогими товарами, а уж о такой роскоши, как обычный телефон или электричество, и говорить не приходится. Единственное средство связи лагеря с внешним миром – радиотелефон, с помощью которого, сквозь щелчки и помехи, Кампи-иа-Симба соединяется с основной телефонной сетью. Без радиотелефона как без рук, особенно в случае несчастья или болезни; тогда стоит только вызвать службу летающий доктор из Найроби – и примерно через час оттуда прибудет крылатая машина с квалифицированным медицинским персоналом.

Хуже обстоит дело, когда кончаются запасы провианта, топлива или всего сразу. В этом случае организуется поездка в ближайший более или менее крупный город – Мвинги.

От лагеря до него более четырех с половиной часов езды, и ни одна такая поездка не обходится без приключений. Если дело ограничивается проколом или легкой поломкой, так это чудо.

Поездки устраивались так: рано поутру работники лагеря грузили на один из лендроверов пустые 44-галлонные бочки для бензина и ящики с пустыми бутылками и все это надежно привязывали прочной веревкой, прекрасно зная, что из-за одного-единственного плохо затянутого узла от езды по тряской дороге могут ослабнуть все веревки, и тогда едва ли довезешь груз в целости и сохранности.

Всякий раз, собираясь ехать в Мвинги, я проверял, достаточно ли машина заправлена горючим, маслом и водой, убеждался, что домкрат, насос и прочие причиндалы, необходимые для устранения неполадок, которые могут возникнуть посреди пустынной дороги, на своем месте под сиденьем. Туда же грузился неприкосновенный запас воды – пять литров – для подлива в радиатор и, конечно же, для нас – на случай, если в пути замучит жажда. Убедившись, что все в порядке, я садился за руль; обычно в кабине ехал еще кто-нибудь из посетителей лагеря, а Мохаммед или другой работник восседал на грузе, в открытом кузове. Помахав на прощание Джорджу, я трогался в путь.

Эти поездки всегда были крайне интересны – ведь маршрут пролегал через весь заповедник на юг, а затем еще через заповедник Китуи, прежде чем мы достигали земли Шамба. Дикие животные редко показываются на глаза в Коре, скрываясь в густом кустарнике. Но каждое их появление было для меня праздником – возможно, большим, чем когда я видел стада диких животных в других местах Кении.

Кора – часть восхитительной экосистемы, называемой ньика, и хотя внешне она не так чарующа, как другие восточноафриканские заповедники, тем не менее она остро нуждается в защите. Обитающие в столь суровых условиях животные – прекрасный пример приспособляемости. Присмотрись к этой земле поближе и увидишь, что это настоящий кладезь разнообразных сведений и тайн, овладение которыми пополнило бы знания не только о Коре, но и о других сходных регионах Африки, помогло бы определить основные направления развития там природоохранной деятельности.

Когда едешь по заповеднику, порой дорогу перебегают малый куду, более хрупкий и привлекательный, чем его собрат большой куду, а если

очень повезет, то может показаться и геренук – длинношеее существо, исконный обитатель этих засушливых земель. Геренук, или жирафовая газель, – размером примерно с импалу и сходной с ней расцветки; но у этих животных удлинённая шея, позволяющая им доставать до более высоких веток. Есть у них и другой способ добывать себе лакомство – они поднимаются на задние ножки и кормятся примерно так же, как изголодавшиеся козы в засушливых землях [6].

Во время поездок я высматривал хоть какие-нибудь признаки слонов, и лишь изредка мои усилия вознаграждались круглыми следами – обычно молодых слонов, бродящих в одиночку или небольшими группами. Это следствие нещадной бойни, происходящей в Коре в последние годы: если остались только молодые слоны, значит, на взрослых охотятся с размахом.

У слонов высоко развита социальная структура, и сложившаяся ситуация означает ее крах. В результате истребления пожилых самок, управляющих матриархальным обществом, без лидера остаются семейства и группы растерянных осиротевших детенышей; выжившие животные утрачивают представление о земле, на которой живут, и ее ресурсах. Погибшие старые самки уносят с собой опыт многих лет: как избегать опасных ситуаций, где искать воду и пищу в засушливые периоды. Для таких земель, как Кора, истребление слонов еще отзовется эхом впоследствии, поскольку на этих животных держится здешняя экосистема: благодаря слонам, вытаптывающим густые заросли акации коммифоры, образуются лужайки, зарастающие травой, а это корм для зебр, антилоп канна и прочих антилоп. При наличии стабильного количества слонов в регионе таких лужаек

станет больше, а следовательно, повысится уровень грунтовых вод, ибо корни травы разрушают ссохшуюся структуру почвы, которую многолетние кустарники консервируют.

В пути я часто задумывался над тем, что ждет Кору, если исчезнут эти замечательные архитекторы жизни дикой природы – стада слонов. Они, конечно, губят деревья, но вместе с тем создают условия для возрождения жизни. Когда слоны поедают растительность, то сквозь их пищеварительную систему проходят семена, которые, попадая в почву, обеспечивают на будущие годы корм листопадным животным. Не станет слонов – более ценные кустарники будут вытеснены менее желательными, пересыхающие реки и ручьи иссохнут окончательно, исчезнут и водопои, выкопанные слоновьими бивнями, и старейшие африканские дороги, протоптанные когда-то слонами.

Придется много поработать, чтобы ликвидировать дисбаланс, в котором во многом повинен человек с его многочисленными стадами скота и который может в ближайшие годы привести к экологической катастрофе. Необходимо отстоять последних оставшихся в Коре слонов, и надежда на то, что это удастся сделать, забрезжила у меня еще в первые недели пребывания там, пробившись сквозь пессимизм и готовность смириться с существующим положением. Кора имеет всего лишь статус национального заповедника, управляемого местными властями, тогда как, будь у нее статус национального парка, подчиняющегося непосредственно правительству, она имела бы и соответствующий уровень охраны.

Южная граница заповедника Кора и сопредельная северная граница заповедника Китуи проходят по длинной заросшей просеке, вырубленной среди кустарника много лет назад бригадами под руководством Теренса. Приходится сожалеть, что из-за

недостатка средств, оборудования и людей эти территории отданы на милость сомалийцев с их стадами и охотящихся за слоновой костью браконьеров с их автоматами. Если бы не присутствие Джорджа, Кора и вовсе осталась бы без защиты. Своей работой со львами он привлек к заповеднику внимание всего мира, а это означало и материальные выгоды для местного населения. 19 октября 1973 года Кора была официально объявлена национальным заповедником. Я думаю, что, не будь Джорджа, она так и осталась бы краем, преданным забвению.

Я ехал по этой суровой земле, и мне вспоминались программы, опробованные и действующие в других частях Африки. Сегодняшняя реальность такова, что будущее заповедников зависит от жителей окружающих их территорий. Если они непосредственно выигрывают от соседства с заповедником, тогда есть уверенность, что он выживет. В Коре можно было бы развернуть множество долговременных проектов, осуществление которых предусматривало бы профессиональное обучение местных жителей и создание для них рабочих мест. Кора никогда не сможет быть центром массового туризма, но здесь возможно развитие более избирательной его формы, с показом различных частей заповедника как уголка дикой природы.

Одной из моих первых идей относительно Кору, которую я обсуждал с Джорджем, была организация Маршрутов следопытов, предусматривающая походы небольших групп энтузиастов, желающих открыть для себя эту местность и исследовать ее. Упор в данном случае делается на то, что составляет особенности региона, – деревья, выходы каменных пород и, естественно, саму жизнь, кипящую в этих краях. Во время ночевки вокруг костров туристы могли бы вслушиваться в звуки африканской ночи – лиричный зов

ночных сов, покрытых жемчужными пятнами, отдаленное рычание львов... Этот способ постижения окружающего мира в наши дни завоевывает все большую популярность на юге Африки, ибо дает возможность городскому жителю ненадолго сбросить с себя оковы каменных джунглей и прикоснуться к исконным корням в окружении вольной природы, от которой ныне остались только островки. Проработав в Африке уже семь лет, я чувствую, что ныне человеку мало наблюдать реки и саванны из окон машин – в нем пробуждается чувство близкого родства с дикой – неведомой – стихией.

Я обратил внимание, как изменились интересы людей – от изначального любопытства к жизни животных и птиц к желанию познать основные компоненты, составляющие природу: цепочки жизни, деревья, саму землю. Организация такого рода походов по Коре предполагала бы программы переподготовки егерей и обучение их профессии гида. Тот же Мохаммед, для которого заповедник – родной дом, с большой охотой ее освоил бы. К этому можно было бы подключить и остальных работников лагеря. Походы будут приносить прибыль, повлекут за собой создание новых рабочих мест, а главное – докажут скептикам, что Кора заслуживает сохранения, если уж на то пошло, как важный источник средств. Но пока это были всего лишь идеи; в последующие месяцы к ним добавились новые.

После заповедника Китуи появлялись шамба (фермы), и я с тяжелым сердцем осознавал, что я вновь в мире людей и деревень. Здесь мы обычно останавливали машину у конторы, расспрашивали охотинспекторов, не слышно ли чего нового о шифте и не нужно ли чего привезти из Мвинги.

Далее наш путь лежал к небольшому городку Кайсо. По дороге почти повсюду встречались люди, что

подтверждало факт колоссального прироста населения в Кении – самого высокого в Африке.

В Кайсо мы всегда останавливались у католической миссии повидать отца Джерри. Этот милейший ирландец слыл радушным хозяином и был большой любитель поболтать, что мы очень даже ценили! Джерри жил в Кении уже несколько лет, и чем лучше я его узнавал, тем больше понимал, с какой любовью он относится к окружающим его людям. Он бегло говорил на местном языке и прекрасно знал здешние традиции. Джерри не пытался, как большинство миссионеров, навязать коренным жителям чужеземный образ жизни и мышления: он верил, что наилучших результатов можно добиться путем сочетания миссионерской деятельности с уважением к местным обычаям. Очень жалею, что не познакомился с работой Джерри поближе: он был всей душой со своим народом и умел отстаивать собственные взгляды, как никто другой.

Джерри жил в домике, утопавшем в цветущих бугенвиллеях. Ему не исполнилось еще и сорока, и достаточно было лишь взглянуть на его лицо, чтобы догадаться об ирландских корнях. Жителей Кайсо притягивало к нему еще и то, что он был превосходным музыкантом и здорово играл в футбол!

Этот неортодоксальный миссионер, который запросто гонял мяч с детишками, был закадычным другом Тони Фитцджеральда, и меня радовало, что он одобрил мое присутствие в Коре. Долгие годы, что Тони провел там, навсегда останутся в благодарной памяти Джерри, но он не хочет жить только прошлым – он смотрит в будущее и с энтузиазмом воспринимает новые планы и надежды, связанные с приходом в заповедник нового человека.

Поболтав с Джерри, мы продолжаем наш путь в Мвинги, до которого осталось еще часа полтора. Доехали – и сразу начинается суэта: покупки,

погрузка... Жаль, конечно, но городку явно недостает очарования, хотя здесь есть и традиционный для Африки колоритный рынок, и старинные дома, но в эту красоту вторгаются современные здания, нарушая своеобразный колониальный стиль. Сочетание получается несовместимое. Мвинги – функциональный город: только то, что нужно, ничего лишнего. Здесь можно раздобыть все необходимое для осуществления проектов в Коре – провиант, бензин и керосин для ламп, и тут же дожидается почтовый ящик, разбухший от писем, пришедших со всех концов света.

Обедать обычно идем в один из небольших ресторанчиков. Изголодавшись, жадно поглощаем вареный рис, яичницу, кое-какие местные деликатесы. Вообще Мвинги – то место, куда надо быстрее добраться и откуда надо как можно быстрее убраться; причин тому масса, в том числе и та, что с поклажей едешь куда медленнее, чем налегке.

Когда выезжаем обратно, солнце обычно уже клонится к закату. Достигнув просеки, разделяющей два заповедника, мы с Мохаммедом достаем по баночке теплого пива и немного отдыхаем в тиши кустов – до лагеря еще целый час езды.

Ночная езда через Кору всегда полна неожиданностей. То в свете фар сверкнут, как бриллианты, глаза полосатой гиены; то в сиянии луны высветятся силуэты жирафов; вот с ветки на ветку перепрыгивают детеныши обезьян; вот перебегает дорогу семейство лисиц с ушами, как у летучих мышей. От страха шерсть у них на хвостах, похожих на кисточки, поднимается дыбом.

Если с машиной в пути ничего серьезного не случилось, то примерно через одиннадцать часов после выезда из лагеря мы вкатывались в его ворота, и тут нас встречал весь штат работников во главе с самим

Джорджем: Ну как, благополучно съездили? Пить хотите?

Велев работникам разгружать привезенное, я сперва заходил в загон к лъвям – я всегда радовался, как они бурно приветствовали меня, – и только потом отправлялся к столу, на котором уже стояли приготовленные напитки, и в изнеможении плюхался на стул.

После таких поездок обычно чувствуешь себя так, будто вернулся из небольшой экспедиции. А однажды, как раз когда я возвращался, произошло событие, на три месяца занявшее меня нелегкой работой.

Мы со Сью Гарднер – англичанкой, подругой Джорджа и Тони, ехали, ближе к вечеру, из Мвинги, утомленные дальней дорогой. На нашем пути, на границе заповедника Китуи, лежал лагерь, в нем размещалось управление заповедника, и я тормознул, чтобы помахать рукой охотинспекторам, сидевшим на крылечке. Вдруг из главного дома ко мне бросился человек в униформе, отчаянно кричавший и делавший знаки, чтоб я остановился. Мохаммед, сидевший в кузове, принялся барабанить по крыше кабины.

Я нажал на тормоза, приготовившись услышать о самом худшем – то ли о новом нападении шифты, то ли о нашествии браконьеров. Но когда человек, оравший и жестикулировавший, приблизился, я увидел у него на лице широкую улыбку. Все зловещие предчувствия мигом отпали. Это был милейший сержант из управления, и Мохаммед спрыгнул на землю поприветствовать его. Они начали оживленную беседу, из которой я мог понять только то, что речь идет о каком-то льве с ошейником. Неужели, подумал я, это Люцифер, пропавший несколько месяцев назад? А мы-то давно считали его мертвым!

У этого льва поистине замечательная история. Три года назад он был найден детенышем неподалеку от

лагеря Тони Фитцджеральда, в четырнадцать километрах от Кампи-и-Симба. Рядом с ним лежал еще один львенок, уже бездыханный; этот же попытался спрятаться, впервые за свою коротенькую жизнь столкнувшись с людьми. Львенка, конечно, отловили, но Тони и Ким сомневались, что он выживет: ему было всего недели две, и слабенький организм его был жестоко обезвожен. Следов матери не было видно нигде – возможно, ее убили, а может быть, она, как это часто бывает с первым приплодом львиц, просто бросила детенышей на произвол судьбы. В течение нескольких дней Тони и Ким заботливо отпаивали малыша – он был столь серьезно болен, что даже ветеринар, который поставил ему капельницу, и тот опасался за его жизнь.

Джордж был обрадован находкой и, как я понимаю задним числом, явно желал бы выпестовать львенка сам. Несмотря на все опасения, детеныш выжил и, благодаря неусыпной заботе Тони, Ким и Мохаммеда, вырос в очаровательного юного красавца, который впоследствии сдружился с леопардихой Комуной, тоже воспитанницей Тони. (Согласитесь, дружба извечных соперников – льва и леопарда – вещь из ряда вон выходящая.) Они вместе бродили в зарослях, вместе играли, как если бы принадлежали к одному племени, а не к двум враждующим.

Джордж надеялся, что почтенная Гроу и остальные львы из ее прайда когда-нибудь признают Люцифера за своего, но не тут-то было: львы не раз нападали на него, и всякий раз бедолага оказывался нещадно искусанным. К тому же в этом прайде уже был дикий взрослый вожак, и надежды на то, что Люцифер дерзнет схватиться с таким соперником, не было никакой. В течение длительного периода он вынужден был, для своей же собственной безопасности, пребывать внутри огражденного проволокой загона. Мохаммед проводил со львом немало времени, и не

удивительно, что между ними возникли прочные дружеские узы. Егерь питал к этому зверю особую нежность.

Но едва Люциферу исполнилось два года, как он исчез. Он убежал далеко от лагеря, и несмотря на то что на нем был ошейник, оборудованный радиопередатчиком, его передвижения не так-то просто было отследить: сигналы, доносившиеся сквозь помехи, вначале были слабые, а потом совсем пропали. Поиски, даже с самолета, ничего не дали, и в конце концов его посчитали мертвым – возможно, убитым пастухами-сомалийцами, у которых он мог задрать какую-нибудь живность.

Но вот Мохаммед возвратился ко мне с сияющим лицом:

– Сержант видел льва с ошейником и самку с ним. Возле ржавой бочки на просеке. Ей-богу, это Люцифер!

Сью тоже обрадовали эти новости: во время своих прошлых приездов к Джорджу и Тони она успела привязаться к этому льву, отвергнутому ему подобными. Я попросил Мохаммеда расспросить поподробнее, где и когда видели льва с львицей, и тот сообщил: Вчера во второй половине дня, у ржавой бочки, близ главной дороги к лагерю.

Мы поблагодарили сержанта и напрямик направились к указанному месту. У нас была слабая надежда, что он вот-вот выскочит на песчаную дорогу, но я-то знал, что в дикой природе такие совпадения происходят нечасто.

...Солнце уже зашло за горизонт. Мохаммед постучал по крыше кабины, чтобы я остановился. Так! Вот она, бочка. Мы вышли из машины и стали искать в свете фар. Поразительно, но всего в нескольких дюймах от того места, где я затормозил, обнаружились большие следы молодого самца, а рядом – меньшие следы самки.

Мохаммед в течение нескольких секунд всматривался в них, а затем поднял голову и сказал с улыбкой:

– Ну конечно же это Люцифер. Смотри сюда.

Он указал на едва заметную особенность: лев слегка волочил заднюю ногу.

– Сомалийцы ранили его копьем. Вот почему он так ходит.

Он согнул пальцы на руке, словно когти, и в подтверждение сказанного сделал отпечаток рукой на песке.

Я вспомнил: Джордж тоже рассказывал, что сомалийцы жестоко ранили Люцифера копьем, поэтому он и волочил ногу. Таким образом, его след определялся безошибочно.

Мы медленно поехали сквозь ночную тьму в направлении лагеря, с надеждой всматриваясь, не блеснут ли в свете фар янтарные глаза. Приехали поздно, но Джордж, как всегда, вышел встречать. Сю выскочила из машины и взволнованно крикнула:

– Джордж! Люцифер жив!

Джордж вытаращил на меня глаза, требуя разъяснений, и я поведал ему о случившемся. Позже, уже глубокой ночью, я позвал Мохаммеда, чтобы он, в подтверждение моих слов, рассказал все так, как слышал сам.

Джордж был счастлив, услышав эту радостную новость, но, как и я, знал, что если это действительно Люцифер, то ошейник теперь ему мал и его надо немедленно снять. Как я уже сказал, Люцифер исчез в двухлетнем возрасте и за прошедшие месяцы должен был очень вырасти – в общем, стать мужчиной в самом соку.

Джордж подтвердил, что ходили слухи, будто несколько месяцев назад молодой лев напал на спящего человека, а также зарезал нескольких ослов. Доказательств, что это именно Люцифер, не было

никаких, но горестно было уже то, что на него могли пасть подозрения. Иными словами, если Люцифер режет скот, то обвинят во всем, конечно же, Джорджа, что может помешать его дальнейшей работе с детенышами. Нужно было выследить и найти Люцифера, чтобы не только избавить его от ошейника, но и выяснить, действительно ли он представляет угрозу скоту.

На следующее утро я поехал туда, где накануне видел следы, и шел по ним, пока они не исчезли в непроходимом колючем кустарнике. Я вернулся в лагерь, и мы с Джорджем принялись обсуждать, как бы нам отыскать льва. В то время я еще не знал эту часть Коры, и мы, склонившись над картой, ломали голову, куда он мог податься. Что ж, вот и зацепка: источников воды в этой полосе нет. Значит, он пойдет куда-нибудь на водопой.

С того вечера начались многонедельные поиски Люцифера – неуловимого ночного дьявола, как я назвал его впоследствии. Мы согласовали с Джорджем план поиска льва и решили: я и Сью поедем подежурим ночью – будь что будет, а утром вернемся в лагерь. Взяли самую старую машину из парка Джорджа, имевшую собственное имя Соловей, продукты, запас воды и, главное, старинное ружье и громкоговоритель.

В последние годы Джордж пользовался им, подзывая львов к лагерю или к машине. Это было эффективнее, особенно на далеком расстоянии, чем просто подзывать их криком. Джордж чувствовал, что, хотя со времени его последнего контакта с Люцифером утекло немало воды, лев все равно отзовется на свое имя, прозвучавшее из громкоговорителя.

Сначала планировалось подъехать к бочке Люцифера, как отныне стала называться старая ржавая 44-галлонная бочка из-под бензина, и подождать до утра – а вдруг отзовется? В эту ночь Сью и я сменяли

друг друга каждые два часа, неся долгую ночную вахту. Я неустанно повторял по громкоговорителю:

– Лю-ци-фер! Ко мне! Лю-ци-фер! Ко мне!

Но мой голос, отзываясь эхом, терялся в африканской ночи.

Впереди были долгие недели отупляющей жары и бессонных ночей, но, несмотря на все это, меня никогда не пресыщала красота африканской ночи. Я всегда испытывал наслаждение, когда, лежа, всматривался в магическое небо, следил за перемещением спутников и считал падающие звезды.

Каждая ночь была полна ожидания. Конечно, в любой момент могла разразиться драма, но мы тем не менее не теряли присутствия духа. Такой была и первая ночь, когда я ждал Люцифера.

Заступая на вахту, я весь обращался в слух: не донесется ли басистый зов, не услышу ли шорох в окрестных кустах? Нет, вокруг по-прежнему тихо. Едва занялась заря, мы слезли с крыши лендровера и принялись скрупулезно исследовать дорогу и все вокруг нее, но обнаружили только следы пробежавшего шакала, а чуть дальше по дороге – полосатой гиены. Голуби уже принялись чертить над землей свои круги – пора было возвращаться в лагерь.

Мы разожгли костер и вскипятили чай. Затем, засунув все в машину, двинулись назад в лагерь, до которого было километров сорок пути. Я вел машину медленно, по-прежнему пытаюсь отыскать львиные следы – и точно: отъехав каких-нибудь семь километров, я быстро выскочил из автомобиля. Сомнений не было: тот же самый след, и притом свежий, оставленный, возможно, с час назад.

Я сообщил обо всем Сью и, поставив лендровер на краю дороги, подробно проинструктировал ее, что и как делать дальше. Когда идешь по следам львов, соблюдай следующие железные правила: тот, кто

изучает след, идет впереди, а тот, у кого ружье, – сзади. Если появился лев, ни в коем случае не показывай испуга. Если же – это крайний случай – лев бросится в твою сторону (как правило, с целью устрашения), не убегай, а стой на месте.

Все это я рассказал Сью и, кроме того, попросил взять палочку, чтобы чертить ею по земле – тогда мы не потеряем направление. Как правило, отправляясь выслеживать льва пешком, я не беру с собой людей, не подготовленных к жизни среди дикой природы: это колоссальная ответственность, а кроме того, дополнительная нагрузка, отвлекающая внимание от следов. Присматривая за новичками, поневоле можно упустить из виду что-нибудь важное.

Поведение людей, выслеживающих львов, становится совершенно непредсказуемым. Казалось бы, все инструкции тысячу раз повторены, но вот возникает реальная опасная ситуация – и человек теряет контроль над своими действиями: голый инстинкт самосохранения берет верх и приводит к тяжелым последствиям.

Мы вышли из машины и часа полтора двигались по львиному следу. Время от времени я останавливался взглянуть на солнце – надеялся, что, чем ближе к полудню, тем больше вероятность, что беспощадные солнечные лучи загонят зверя куда-нибудь в тень. Но лев продолжал свой путь, как будто стремился к намеченной цели. В конце концов, когда след пересек глубокий овраг, я оставил его. Нигде – ни одного признака, что он останавливался отдыхать, а таковыми могли быть отпечатки его тела, если он ложился, или следы, ведущие в густой кустарник, если бы он захотел укрыться на время от палящих солнечных лучей.

Вечером я решил вернуться к исходной точке и снова ждать и звать его. А пока мы со Сью направились в лагерь, до которого был час пути. Джорджа

обрадовала собранная нами информация, и он еще подогрел мое желание продолжать поиски Люцифера.

На закате дня мы вернулись все к той же бензиновой бочке, и я, как прежде, время от времени звал льва по громкоговорителю. В эту ночь к нам приходили два представителя семейства кошачьих. Я только-только заснул, как Сью разбудила меня и сказала, что слышала, как поблизости ходит какое-то животное. Усталый и несколько раздраженный, я включил фонарь, но ничего не обнаружил. Тогда я слез с крыши лендровера и осмотрел почву. Луч фонаря упал на свежие следы леопарда-самца. Он приблизился к машине, остановился шагах в четырех, наполовину обошел ее и удрал в темноту. Я удивился – не тот ли это самый леопард Аттила, которого Тони выпустил в родную стихию несколько лет назад и о котором с тех пор не было ни слуху ни духу? Более чем невероятно, но иногда такое случается. В эту ночь произошла и еще более странная вещь.

Через несколько часов, когда Сью спала, я слез с крыши автомобиля. На горизонте уже слабо занимался рассвет, а мне не терпелось посмотреть, не появилось ли на дороге новых следов. Светя фонарем, я стал искать. Вдруг в луче что-то мелькнуло, и, к своему удивлению, я обнаружил обрывки одежды. Я осмотрел находку – было ясно, что обрывки провалялись здесь много месяцев, – и тут же вспомнил, как Джордж пересказывал мне слухи о нападении молодого льва на спящего человека. В душу закралось предчувствие недоброго...

Стоя на коленях, я услышал, что в каких-нибудь двадцати ярдах от меня в кустах пробежало животное. Я замер и прислушался. Конечно, это мог быть всего-навсего куду или геренук, но в глубине души я чувствовал, что это не так... Я зажег фонарь и направил луч на кустарник, откуда донеслись странные звуки, но

не увидел ничего, кроме ветвей. Постояв еще немного, я двинулся назад к машине. Я не стал будить Сью – пусть поспит до восхода, когда солнце возвестит о рождении нового дня. Я разжег костер, поставил чайник, но меня все тянуло туда, где я слышал звуки во тьме.

Когда чай вскипел, я разбудил Сью и рассказал ей, что произошло час назад. Мы вместе зашагали вдоль дороги, и все мои чувства обострились в ожидании. Так и есть: вот свежий львиный след, и не кого иного, как Люцифера. Я мысленно попытался воссоздать картину происшедшего в те ночные часы. Вот он двигается по дороге в направлении лендровера: его след протянулся в дорожной пыли более чем на сто ярдов. В темноте он увидел меня, затем повернулся и, по-видимому, схоронился в кустах, пока я, находясь примерно в тридцати метрах, рассматривал обрывки одежды. Затем он оставил дорогу, обошел машину на почтительном расстоянии и исчез – последнее, что я слышал, это как он продирался сквозь кусты.

Так сознательно он пришел или нет? Вот в чем вопрос. Неужели он ответил на мой призыв? Идти дальше по его следам было затруднительно – он отправился самым неудобным для нас путем, через колючий кустарник. Все же мы попробовали, но из-за колючек быстро двигаться не могли, а раз так, то продолжать поиски бессмысленно: он наверняка успел далеко уйти.

Шли за днями дни, я по-прежнему тешил себя надеждой, но Люцифер ни за что не хотел раскрывать тайну своей жизни. Я исхаживал вдоль и поперек высохшие русла, где встречал его следы, – как-никак там не приходилось продираться сквозь колючки. Я открыл, что в это время года на поверхности нет источников воды – очевидно, Люцифер мог обходиться без питья месяцами. Не было никаких признаков того,

что он ушел к реке Тана, протекавшей примерно в двадцати пяти километрах от района, который, как мне представлялось, являлся его исконной территорией: во всяком случае, там он проводил большую часть времени. Это было весьма интересное наблюдение, сходное с открытиями в пустыне Калахари: выяснилось, что обитающие там львы практически не зависят от воды и пьют только тогда, когда находят ее на своем пути. Выходит, передвижения Люцифера, как и львов Калахари, никак не связаны с поисками воды: в таких засушливых регионах львы довольствуются жидкостью, содержащейся в добыче, хотя, как было замечено, в Калахари львы иногда едят сочные дыни цама и фрукты нама.

Я также не обнаружил никаких следов животных, ставших добычей Люцифера. Это означало, что крупной дичи ему попадалось мало, в основном мелкая, вроде геренуков. От такой добычи остается совсем немного, а поработают шакалы и полосатые гиены – и в скором времени вообще ничего не отыщешь.

Да, я хорошо узнал эту землю и, хотя выглядит она колючей и враждебной, со временем проникся любовью к ней. Вот и для льва, рожденного на воле, возвращенного человеком и отвергнутого сородичами, она стала родным домом. Как раз к этому времени Джордж сообщил мне об одном хитроумном способе, при помощи которого можно определить местонахождение Люцифера. Я был крайне заинтригован и поспешил тут же опробовать технику, применявшуюся братом Джорджа.

Теренс ушел из жизни двумя годами ранее в Коре, но до самой смерти регулярно пользовался своим даром отыскивать что угодно, включая и львов Джорджа. Последний рассказывал мне, какое огромное преимущество имеет способ Теренса перед многодневным отслеживанием львов и даже перед

определением их местонахождения по радио. Чтобы найти зверя, Теренс пользовался маятником на бечевке, картой, карандашом и фотографией льва. Всматриваясь в фотографию, он водил рукой с маятником над картой Коры, и где маятник начинал вращаться, там и находился лев. Это могло показаться странным, но если маятник вращался по часовой стрелке, это указывало, что лев жив, а если против стрелки

– что мертв. Дар Теренса был изумительным – он безошибочно находил воду, геологические разломы, а однажды даже указал женщине, потерявшей сына, где он!

В первые три недели поисков Люцифера я часто пользовался маятником Теренса. Иногда это давало весьма неплохие результаты: добравшись до указанного маятником места, я находил там следы Люцифера. К сожалению, это случалось нечасто. Я не обладал даром Теренса, но чувствовал, что способности такого рода можно развивать; когда я еще работал на северо-востоке Тули, я очень хотел обладать подобным даром, чтобы отыскивать львов, которых долго не видел.

Глава пятая

КАК МЫ СНИМАЛИ ФИЛЬМ

После месяца поисков Люцифера Джордж, его работники, гости и ваш покорный слуга взялись за подготовку лагеря к приезду телегруппы из Великобритании, которая вот-вот должна была нагрянуть в Кору для съемок документального фильма о долгой, полной событий жизни Джорджа. С ними возвращалась после длительного отсутствия секретарь и помощник Джорджа Додди Эдмондс – очаровательная англичанка, которая проработала с ним семь лет, проводя в лагере каждый раз по несколько месяцев, а то и по году.

В это время, помимо Сью, в Кампи-иа-Симба жили также юная американка Карла, которая приехала к Джорджу на каникулы, и Дэвид, в прошлом заведующий зоопарком в Англии, – его рекомендовал Джорджу Билл Трэверс после того, как в результате проделанной Дэвидом работы были преданы гласности жестокие условия, в которых содержались животные в одном из британских зоопарков. Благодаря ему же шестерых тигров из цирка удалось переправить в Индию – теперь они живут на большой огражденной территории, в привычной для них среде, тогда как прежде их обиталищем служил тесный фургон для скота. Преданность Дэвида животным была неподдельной и безграничной.

Наконец, в нашем лагере была еще девятнадцатилетняя англичанка Джулия, которая, прочитав великолепную автобиографическую книгу Джорджа "Мой прайд и моя Джой" [[7](#)], испытала такое вдохновение, что несколько месяцев копила деньги на

авиабилет до Кении, чтобы встретиться с автором. Когда же она наконец прилетела и мы встретились, мне бросилось в глаза ее хрупкое сложение – ни дать ни взять Белоснежка, а уж о какой бы то ни было подготовленности к жизни в условиях дикой природы не было и речи. И такая-то, удивился я, хочет жить с нами?! Да она и недели не протянет! Но прошли месяцы, и наша гостья доказала мне, как я был не прав. В ней пробудился типичный английский дух первооткрывателя, и она блестяще переносила все тяготы, с охотой помогала мне в самых трудных условиях.

В течение нескольких последующих дней я продолжал поиски Люцифера. И снова нам казалось, что мы близки к цели, – но нет, он не показался ни на миг!

Как-то вечером, вернувшись в лагерь, я обнаружил, что часть телегруппы уже прибыла. Я вошел в хижину-столовую представиться. Продюсером был Ник-любезный парень, с некоторым налетом скептицизма и, как я позднее открыл, с милым, но суховатым юмором. Читал от автора и брал интервью Сэнди Голл – известный тележурналист и диктор программы новостей британской компании Ай-ти-эн. Наконец, среди прибывших был Эдриан Хаус, бывший директор издательства Коллинз, долгое время сотрудничавший с четой Адамсон. Эдриан вложил много труда в книги Джой и внес огромный вклад в работу над автобиографией Джорджа Мой прайд и моя Джой. Его блестящее знание жизни Джорджа необычайно помогло в создании телефильма.

Меня очень обрадовала встреча с этими людьми, так отличавшимися от обычных посетителей лагеря глубоким пониманием дела, которым мы занимались, и высоко ценившими наши усилия.

Весь первый вечер мы горячо обсуждали планы на ближайшие дни. Дискуссия показалась мне плодотворной, так как вновь прибывшие, по-моему, разделяли мои идеи относительно фильма. Я понимал так, что эта лента станет воздаянием Джорджу за его жизнь и труды и вместе с тем – как ни больно было это сознавать – своего рода некрологом. Можно только догадываться, что он сам чувствовал при мысли об этом – ведь он понимал, при каких обстоятельствах фильм вызовет самый горячий отклик в людских сердцах; в подобной ситуации кто угодно задумается о том, что он не бессмертен.

На следующий день из Найроби на взятом напрокат лендровере прибыли еще трое. Команда включала Майка Шимптона – рослого, сильного парня, кинооператора, от мастерства которого в конечном счете зависело, удастся ли фильм. В помощниках у него был парень по имени Джон; едва ступив на нашу землю, он испытал чуть ли не потрясение от необычности увиденного. И наконец, прибыл звукооператор Род Лоухаус, который одинаково неумолимо работал как с художественными, так и с документальными фильмами.

...За несколько дней до приезда Ника, Сэнди и Эдриана исчезла Гроу со своим прайдом. Джордж бросился на поиски, но все было напрасно. Это вносило существенные коррективы в планы киногруппы. После обеда в день ее прибытия мне стало ясно, как важно, чтобы львы объявились. Я предложил приостановить поиски Люцифера и попытаться отыскать прайд. Мы тут же разложили на столе карту Коры и стали строить догадки, куда могли запропаститься львы. После долгих споров я еще яснее понял, сколь важным для успеха фильма было бы разыскать прайд – ведь самыми ценными в картине были бы кадры, где Джордж запечатлен среди своих питомцев и их потомков. Подобные сцены как нельзя лучше символизировали бы

сущность этого человека, показывали его уникальное положение в окружающей природе.

В последующие дни Джордж трудился неустанно и с таким усердием, что забывал о повседневных проблемах заповедника. Фильм пробуждал в нем новые силы, поднимал дух и выявлял скрытые резервы энергии, которые трудно было в нем заподозрить.

Вечером того же дня, что прибыла киногруппа, мы со Сью решили провести ночь за пределами лагеря в поисках Гроу и ее прайда. В качестве приманки я избрал не первой свежести тушу верблюда, погрузил ее на прицеп и сел за руль выдавшего вида Соловья. Мы двинулись в направлении мрачной реки Тана, а затем вверх по течению – туда, где Джордж видел накануне львиные следы. Примерно за час до захода солнца я обнаружил, что следы ведут в глубокий овраг. Я выгрузил тушу, несколько раз прошелся ножом по гниющему мясу, продел один конец цепи через тазовую лоханку, а другой привязал к Соловью. Этот прием мне случалось использовать еще в Ботсване – тяну приманку на буксире с расчетом, что львы выйдут на ее запах, а далее последуют за ней прямехонько туда, куда мне нужно.

Я вынул подаренный мне Мохаммедом сомалийский нож на длинной ручке и проткнул тушу, чтобы содержимое брюха вытекало на дорогу, – это весьма соблазнительная приманка для львов! Машина тронулась, волоча за собой подпрыгивавшую на камнях тушу; проехав несколько километров, мы остановились на открытом пространстве на берегу Таны, у притока под названием Мунуни. Быстро спустилась тьма. Мы со Сью выгрузили оборудование и приготовились нести вахту в течение всей ночи. Небесный свод проткнул блестящий серебряный серп молодого месяца, и, к несчастью, подул ветер; я периодически звал львов через громкоговоритель в надежде, что они где-нибудь

рядом, но печенкой чувствовал, что в эту ночь они не придут. Когда долго живешь среди дикой природы, развивается такое странное чувство – необъяснимое, но часто оказывающееся ближе всего к истине.

Ночь тянулась медленно, без приключений. Когда на востоке забрезжил рассвет, я стряхнул с себя неотвязную докучливую дрему, которая всегда одолевает после томительных ночей в ожидании львов. Это подобие сна не оставляет никакого ощущения отдыха – чтобы восстановить бодрость духа и тела, нужно или выспаться по-настоящему, или увидеть долгожданных львов. Я сгорал от нетерпения, но в ночь на приманку польстились лишь несколько хитрых шакалов да пара пятнистых гиен.

Мы сложили оборудование в машину, но Сью чувствовала мою решимость все-таки найти прайд. Мы долго ехали по дороге, тянущейся вдоль реки, и наконец я наткнулся на след – он уходил в юго-восточном направлении, по каменистой, заросшей колючим кустарником почве, а затем поворачивал на север к реке – видимо, львы торопились утолить жажду.

Следы были свежими, недавно оставленными на мягкой пыли. Я обрадовался. Вот крохотные следы детенышей, а вот большие отпечатки лап молодого самца – не иначе как Дэнис! Я мигом оценил ситуацию: примерно за час до нашего приезда львы приходили сюда на водопой, а затем снова ушли в глубь территории – туда, где расположены каменистые холмы Кауме.

Накануне я сказал Джорджу, что мы вернемся в лагерь поутру и доложим о результатах поисков, но свежий след притягивал меня. Я решил, что пойду пешком, а Сью на машине вернется в лагерь и сообщит об увиденном. С водой, горючим и мясом для львов она вернется сюда вместе с Мохаммедом, и в зависимости

от результатов моих поисков мы сообразим, что делать вечером.

Сью укатила, и я остался один с ружьем и канистрой воды, но не чувствовал себя беззащитным, как обычно бывает в подобной ситуации. Я был рад, что нашел львиные следы, и отправился на поиски прайда.

Почва была каменистой, что затрудняло движение по следу, но я увидел, что львы перешли овраг; теряясь в догадках, где бы они могли быть, я продолжал идти вперед. Между тем солнце палило все нещаднее, и вскоре я взмок от пота. Я шел еще с час и наконец повернул назад, к тому месту, где назначил встречу Сью. Теперь я знал – у меня превосходный шанс найти прайд в этот вечер. Коль скоро мне известно направление их движения, можно рассчитать, где примерно они лягут отдыхать от дневного жара.

К тому времени, когда я доплелся до Таны, африканское солнце довело меня до такого состояния, что я готов был погрузиться в летаргический сон. От этого меня удерживало лишь сознание того, что львов мы наконец-то найдем. Я уселся в рощице под сенью раскидистых пальм и залюбовался было рекой, но глаза мои начали слипаться, и я заснул как убитый.

Немного спустя меня разбудил шум приближающейся машины. Я встал, отряхнулся и направился в сторону от Таны навстречу Сью и Мохаммеду. Я решил, что по следу нужно все-таки ехать на машине, и через час, с трудом миновав огромные камни и продравшись сквозь колючие заросли, мы оказались у холмов. Я знал, что львы рядом; почти магнетическое ощущение, что в этот вечер они таки составят нам компанию, придавало мне сил. Теперь же, поскольку солнце пылало, как жаровня, трудно было поверить, чтобы они еще продолжали странствовать. А раз так, то мы со спокойной душой повернули назад в

лагерь, где собирались обсудить наши находки с Джорджем и киногруппой.

После славного обеда и не менее славной беседы было решено, что если в этот вечер я найду львов, то останусь с ними. Средством связи с киногруппой послужат портативные рации, настройкой которых как раз занимался Род.

Позже мы со Сью вновь отправились в путь – на этот раз в сопровождении Мохаммеда. Мы двинулись к холмам Кауме, где планировали провести ночь и где – я был уверен – находились львы. Когда мы выходили за ворота лагеря, Джордж, как обычно, явился нас проводить и заботливо осведомился, не забыл ли я ружье и провиант и захватил ли хоть пару банок пива или немного виски, чтобы промочить запыленные глотки да немного взбодриться перед заходом солнца.

Часа за полтора до заката мы прибыли к холмам Кауме – и залюбовались восхитительным видом. Местность, прилегающая к Кауме, спускалась естественным амфитеатром, и мы припарковали машину у выступа возле подножия холма. В двух километрах к северу блестела, словно серебряная змея, река Тана, извиваясь по залитой мягким солнечным светом и заросшей кустарником земле. Мы решили подняться на одну из вершин и позвать львов через громкоговоритель. Когда мы достигли последнего перед вершиной уступа, я почуял, что львы где-то близко, и взглянул на соседний холм, который отделялся от нас расщелиной шириной метров в сто.

Вот она, награда за перенесенные страдания! Все восемь львов стояли у меня перед глазами, эффектно вызолоченные лучами клонившегося к закату солнца. Я подал знак Мохаммеду и Сью, и, обратив свой взгляд туда, куда я показывал рукой, они тоже стали свидетелями дивного зрелища. Впрочем, малыши, испугавшись, быстро скрылись в низкорослом

кустарнике, покрывавшем холм. Вскоре за ними последовали и взрослые львы, и только Гроу еще несколько секунд смотрела на нас, прежде чем уйти.

Что ж! Эти львы родились на воле и вели естественный образ жизни, но их существование непостижимым образом было проникнуто духом Джорджа. Они порой могли исчезать на недели, но затем – сытыми! – приходить к ограде лагеря: не за гостинцем, а потому, что нуждались в присутствии Джорджа, и он, в свою очередь, нуждался в них.

Я стал подзывать их, но, как и всякие дикие львы в светлое время суток, они предпочли спрятаться в густом кустарнике. Я знал, что они станут смелее только ночью.

Мы спустились и направились к тому холму, где видели львов, заходя с дальней стороны, чтобы не побеспокоить их, и в то же время надеясь, что в урочный час они приблизятся к нам. Мохаммед нес ящик с мясом в надежде, что такая встреча произойдет. Поднявшись на вершину львиного холма, я, когда пришло время сеанса связи, включил рацию. В отдалении, километрах в двадцати, нам были ясно видны скалы Коры, а вокруг во все стороны разбегались холмы. Тут рация затрещала и раздался ответный сигнал:

– Это ты, Гарет? Ну, докладывай, что нового. Прием!

Я сообщил, что львы были с нами рядом и что я надеюсь на их появление этой ночью. Род ответил, что переговорит с командой, готовы ли они в темноте снимать Джорджа в окружении львов.

Через несколько минут он дал ответ, что группа уже настроилась на дневные съемки, и мы решили, что попробуем подзвать их при первых лучах солнца. Я был несколько разочарован таким ответом и в то же время в какой-то мере обрадовался – если бы киногруппа приехала уже с вечера, она, конечно,

засняла бы кое-что существенное, но кадры, снятые в утреннем свете, произведут куда большее впечатление.

В тот день это был наш единственный радиоконтакт с лагерем, кроме которого на сотни километров вокруг не было никакого жилья. Но когда мы вернулись к машине, мы нисколько не почувствовали оторванности, ибо ощущали себя одним целым с природой.

Ночью мы развели костер подле машины и насладились напитками, а тут и горячая еда подоспела. Лучшего напарника, чем Мохаммед, трудно найти – уютно рассевшись у огня под светящимися с небосклона звездами, мы заслушивались его историями. Так мы просидели около двух часов, время от времени подзывая львов, которые находились где-то над нами на холмах.

Я встал, чтобы с помощью фонаря осмотреть окрестности. Сюю находилась возле машины, пряча опустевшие банки, когда неожиданно из кустарника раздалось предупреждающее рычание. Вот они, львы, всего в нескольких футах отсюда! Мохаммед взял у меня фонарь, а я схватил куски мяса, зашагал к открытому пространству между холмами и стал разбрасывать гостинцы, выкликая львов по именам. Те выходили и хватали мясо – сперва нетерпеливо накидывались на него, но по мере насыщения относились к лакомству спокойнее. Через час от угощения не осталось ни кусочка, и львы отступили, скрывшись за холмами и кустами; лишь изредка из темноты доносился их негромкий зов.

Под эти звуки мы вернулись в машину и завалились спать. Мне было ничуть не страшно – напротив, я был даже доволен тем, что львы отдыхают вокруг меня. Внезапно проснувшись ночью, я увидел вокруг их силуэты – иные бродили, иные просто лежали, глядя на машину.

За час до рассвета мы все трое проснулись; львы ушли, унеся с собой только им присущий дух, и с их уходом на душе стало пусто. Я думал: если выяснится, что киногруппа готова к съемкам, нам нужно как можно скорее сниматься с места и снова разыскивать львов.

Я связался с лагерем по радио и передал Роду, чтобы они ехали к холмам Кауме, а я буду искать, куда ушли львы. При встрече обговорим, как снимать Джорджа и прайд. Утро началось блестяще – не прошло и часу, как мы с Мохаммедом успешно взяли свежий след. Львы пошли тем же путем, что и накануне, – сначала сходили на водопой к Тане, а затем вернулись назад. Их след замыкался позади Кауме и вел к другой группе холмов. Мы были уверены, что они отдыхают где-то за камнями, но для полной уверенности решили сначала посмотреть.

Я шел впереди Сью и Мохаммеда и снова чувствовал, что львы поблизости. Подойдя к огромному камню, я уже готов был влезть на него и даже перебраться через узкую щель, но интуиция подсказала мне, что нужно обойти вокруг. Я обошел – и тут же позади меня, всего в нескольких футах, выпрыгнул Дэнис. За ним появилась его сестрица, и вскоре вся округа заполнилась желтовато-коричневыми фигурами. Они реагировали на наше присутствие, как и положено диким львам, а Одноглазая, так та вообще бросилась вперед, словно протестуя против нашего вторжения. Я прикрикнул на нее, и мы медленно отошли за камни и вернулись к машине. Если бы я тогда перешагнул узкую расщелину, то уж точно наступил бы на кого-нибудь из отдыхающего прайда.

К несчастью, когда киногруппа наконец соизволила явиться, уже было нестерпимо жарко и мы решили перенести съемки на следующий день. Я заметил, что Джордж ходит на поводу у создателей фильма, и очень огорчился, когда ему пришлось оставить своих львов,

так и не пообщавшись с ними, и возвратиться в лагерь на интервью.

В эту ночь львы снова вернулись к нам в холмы Кауме. Я чувствовал, что между мной и ними существует какое-то непонятное притяжение и они являются не ради мяса, а просто потому, что понемногу стали признавать нас. Они не приближались в молчании, но предупреждали о своем появлении негромкими призывными рыками, спускаясь в лунном свете со скалистых холмов. Когда львы приходили к уступу, где я стоял, меня охватывали покой и умиротворение.

Я бросал им куски мяса, но в ответ не слышал ни звука – как бы с опаской, каждый лев по очереди подходил и брал гостинец. В одну из таких минут, находясь наедине со львами, я вспомнил, что года четыре назад почти на этом же самом месте такая же встреча состоялась у Джорджа и Додди – чем не доказательство, сколь близкими могут быть Лев и Человек и как духовно выигрывают от этой близости и тот и другой!

Однажды Джордж рассказал Теренсу, что, несмотря на долгие поиски, ему не удастся найти Гроу и ее сестру Глоу. Теренс достал свой маятник и вскоре объявил, что Глоу нет в живых, а Гроу бродит одна в холмах Кауме. Ближе к заходу солнца Джордж в сопровождении Додди выехал из лагеря, чтобы провести ночь в холмах. Приехав в Кауме и уже расстилая свернутые матрацы на крыше лендровера, Джордж вдруг услышал, как Додди зачем-то срочно зовет его. Он повернулся – и видит: в каких-нибудь четырех шагах от Додди в кустах притаилась большая львица. Это и была Гроу: незаметно подкравшись, она тихо наблюдала за людьми. Джордж позвал ее и кинул мясо, которое она тут же схватила и слопала. Львица

всю ночь пролежала возле машины, на крыше которой спали Джордж и Додди.

На заре все трое наблюдали проходившее мимо них стадо слонов, а затем, как бы возвещая о конце чудесной встречи, Гроу внезапно вскочила, потянулась и скользнула в кусты, исчезнув из виду.

В этот вечер мы тоже насладились общением со львами с глазу на глаз. Но, как бы это ни было приятно для нас, никаких результатов, например в виде отснятой пленки, наша встреча не дала.

Рано поутру прибыл Джордж с киногруппой, и хотя я показал, где примерно могут находиться львы, мы их там не увидели. Было решено, что Джордж с группой выедут на открытое пространство к подножию холмов и будут подзывать львов там, а мы с Мохаммедом в это время осмотрим окружающую местность сверху.

Жара уже стояла страшная, и вряд ли что-то могло заставить львов покинуть прохладное убежище. Грустно, но сколько ни звал Джордж, ни один из них не появился.

Тогда мы с Мохаммедом, продираясь сквозь кусты, отправились назад к машине, стоявшей километрах в трех, и неожиданно наткнулись на свежие следы. Осторожно перебравшись через расщелину в скале, мы двинулись по следу, и вдруг Мохаммед свистнул. Я оказался лицом к лицу с двумя детенышами, спокойно наблюдавшими за нами. За кустами и камнями виднелись головы других львов. Они вели себя спокойно – может быть, их убаюкивало солнце, а может быть, между нами действительно возникло чувство приязни, о котором я давно догадывался. Коль скоро они выглядели необычно смирными, мы выползли из кустов и вернулись к машине, чтобы вызвать киногруппу по рации. Я поехал к Джорджу и сопровождал всех туда, где были найдены львы.

Запутавшись в проводе микрофона, Джордж принялся звать животных, а мы пошли в густой кустарник искать их. К несчастью, львов опять не удалось выманить – так из-за жары сорвалась съемка ценных кадров! Когда Майк с уже включенной камерой увидел нас, выходящих из зарослей, по нашим разочарованным лицам он сразу понял, что лучше ни о чем не расспрашивать.

Неудача подрезала нам крылья. Зато Джордж держался блестяще. Бедняга сбился с ног, гоняясь по страшной жаре за вечно ускользающими львами, чтобы не оставить киногруппу без вожака. – все-таки для своего почтенного возраста он был поразительно неутомим. Я снова убедился, сколько сил отдает он ради успеха своего дела.

Мы всем табором вернулись в лагерь на отдых. Решили, что я снова вернусь ко львам, на этот раз с целой верблюжьей тушей – может быть, благодаря ей львы задержатся на месте на день или два. Но гости по-прежнему тревожились, что план расстроится, – ведь никто, кроме меня, Сью и Мохаммеда, не видел и даже не слышал львов.

Таким образом, у киногруппы не было такого боевого настроения, как у нас. Поскольку им не довелось побывать в обществе львов и они не представляли, какая это красота, у них не было потребности увидеть это собственными глазами. Я чувствовал, что львы непременно появятся на закате – снимай не хочу! – и считал, что Джордж с киногруппой непременно должны последовать за мной, но по каким-то странным соображениям было решено снова попытать счастья днем.

Когда мы со Сью уже собирались в путь, Майк в очередной раз спросил, каковы, с моей точки зрения, шансы на появление львов и нельзя ли ему составить нам компанию. Я сказал, что всем нутром чую –

свидание состоится, а потому его желание можно только приветствовать. Вдруг выдастся такой шанс для съемки, что о лучшем не надо и мечтать!

В тот вечер Сью, Майк и я вернулись туда, где я утром встретил львов. Когда мы стаскивали с прицепа тяжеленную верблюжью тушу, Майк помогал нам с удвоенным усердием. Пока он и Сью готовили оборудование на случай, если оно пригодится ночью, я ушел в кустарник разведать, нет ли каких-либо признаков львов. И что же?! Не более чем в километре я увидел на высоком холме целый лес голов!

Я тут же вернулся к машине за биноклем, чтобы удостовериться, не обмануло ли меня зрение. Нет, это в самом деле были львы, и именно из прайда почтенной Гроу! Сложив руки рупором, я позвал, подражая голосу и тону Джорджа:

– Гро-у, ко-о мне! Гро-у-у, сю-ю-да!

К моему изумлению, все восемь львов встали – сначала они уставились на меня, а потом начали потихоньку спускаться с холма. Понимая, что столь странное послушание может оказаться обманчивым, я мигом бросился к машине и велел Сью и Майку быть в полной готовности – через каких-нибудь двадцать минут львы будут здесь.

Майк кинулся к камере и звукозаписывающему оборудованию.

Как раз в тот момент, когда мы все трое устроились на крыше нашего верного лендровера, я увидел, что Гроу, скрытая завесой сумерек, выглядывает из кустов всего метрах в четырех от нас. Майк глянул на часы и застыл от изумления – львы появились как раз тогда, когда я и предсказывал, с точностью до минуты.

Вскоре все восемь львов двойным кольцом окружили машину, но ни один не заметил ожидавшую их верблюжью тушу. Желая ускорить начало кормления, да и просто оттого, что люблю находиться

среди львов, я соскочил с машины, направился к туше и позвенел привязанной к ней цепью. Все восемь хищников повернули ко мне морды, а когда я зашагал назад к машине, они, в свою очередь, устремились к туше. Вот когда настал звездный час для нас с Майком! Только снимай, как львы жадно накидываются на пищу, отнимая друг у друга лакомые куски. Несколько позже, когда угощение почти закончилось, львы принялись ворчать и драться друг с другом – так всегда бывает, когда от добычи остаются рожки да ножки.

Майк получил блестящую возможность заснять кормящихся львов. Он уселся на капот, и мы подъехали к хищникам на каких-нибудь пять метров. Завершали съемку уже в полной темноте при свете фар.

Трапеза длилась несколько часов, после чего львы скрылись в кустах; только один из малышей наведалься вновь – посмотреть, не осталось ли еще чего-нибудь. Этот вечер запомнится нам на всю жизнь – мы ощутили свое единение со всем, что нас окружает. Майк погрузил оборудование в кабину и устроился там, а мы со Сью, валясь от усталости, снова полезли спать на крышу.

Ночью – это я понял уже утром, когда увидел огромные круглые следы на песке, – между нами и спящими львами тихо прошел старый слон-самец и исчез так же незаметно, как и появился.

Перед зарей львы, верные своей привычке, ушли. Оставив Сью и Майка, который загорелся желанием снять солнечный восход, я пешком отправился за ними, наказав Майку догнать меня по дороге к Тане. Я шагал, наслаждаясь свободой, – ничто не дает такого ощущения свободы, как странствия по диким просторам в поисках львов.

Примерно через час я услышал звук мотора – это был Соловей. Свернув с львиного следа, я вышел через кусты на дорогу, сел в машину, и мы поехали назад в

лагерь – нам не терпелось поведать о ночных приключениях.

В этот вечер мы решили предпринять еще одну попытку снять Джорджа со львами в холмах Кауме, после чего он с киногруппой должен был лететь на озеро Туркана и в национальный парк Меру, где предполагалось снять сюжет, основанный на его воспоминаниях об этих местах.

Часа за два до заката киногруппа собралась возле уступа, на котором я провел предыдущие ночи среди львов. Я не мог показать точно, где видел их в последний раз, но меня не покидало чувство, что вечером они все равно явятся. Команда, как и вчера, надеялась на дневные съемки, но что не сбылось, то не сбылось.

Джордж сел с краю на заднее сиденье своего лендровера, я устроился рядом с мясом наготове. Ассистент оператора Джон взобрался на крышу, чтобы работать с подсветкой, если львы явятся только ночью. Вскоре камера, звукозаписывающее оборудование и прочие причиндалы были в полной боевой готовности, и Джордж, подняв громкоговоритель, начал выкликать львов по именам. Его голос отзывался эхом в холмах, и взоры всех были устремлены на скалы – не мелькнет ли желто-коричневое пятно, но животные не появлялись.

Солнце стало угасать, а с ним угасали и надежды. Джордж продолжал звать хищников, но в ответ раздавались только голоса присутствовавших; время шло, голоса становились все громче, и в них все явственнее звучали пораженческие настроения. Все были убеждены, что львы отказываются от сотрудничества. Уже были распакованы напитки, и вскоре большинство из компании, уютно устроившись на камнях, мирно болтали кто о чем. Пошли разговоры, что пора уезжать, но я оставался начеку, ибо знал: львы неподалеку.

Около восьми часов вечера члены киногруппы, Сэнди и Джордж заспорили, ехать или оставаться. Меня огорчало нежелание большинства ждать, но их можно было понять. Им не приходилось проводить ночи в бесплодных поисках львов, как мне, когда я искал Люцифера; и, главное, им, в отличие от меня, не довелось увидеть прайд. Тем не менее Майк готов был остаться со своей камерой, видимо памятуя о прошлой волнительной ночи.

Вдруг, повинуясь некоему порыву, я вскочил с места и направился туда, где во тьме громоздились камни. Я зажег фонарь, и пучок света упал прямо на морду Гроу. Как объяснить это сверхъестественное чувство притяжения? Конечно же, подсознание заставило меня подняться и пройти несколько метров навстречу незримой львице. Я ласково позвал ее, а затем обратился к своим спутникам:

– Они тут! Только что пришли.

Тому, что львы с такой неохотой шли нам навстречу, нетрудно найти объяснение. Они чувствовали, что здесь чужаки, и притом в возбужденном состоянии. Я-то понимал, что состояние гостей вызвано необычностью ситуации и долгим ожиданием, но львы этого не знали и побаивались. Вот оно, чутье неизвестного!

По- моему, львы очень тонко ощущают чужой страх, хотя он часто воспринимается ими как признак агрессивности. Потому-то они и отсиживались в кустах, не подавая голоса, предпочитая наблюдать за нами из-под таинственного покрова темноты.

Услышав, что львы близко, Джордж встал, киногруппа бросилась на подготовленные позиции, а Сью и Додди сели в машины. Включили подсветку, Майк приготовился снимать, а Джордж принялся подзывать львов. Но они по-прежнему не сделали ни шагу нам навстречу.

Наконец сострадание Джорджа и его любовь к львам взяли верх. Пренебрегая сюжетом, он шагнул мимо Майка во тьму; я – за ним. Джордж швырнул на землю тяжелую верблюжью голову, но львы все равно не желали выходить. Мы сделали еще несколько шагов вперед и стали почти невидимыми для тех, кто остался у машин. Не страшась доносившихся из темноты ворчания и фыркания, Джордж наклонился, подобрал верблюжью голову и подбросил ее в воздух.

Вдруг в кустах серебристой молнией мелькнула львица. Бросившись к нам, она схватила добычу и, хрипло ворча, скрылась за холмами.

Мы с Джорджем вернулись к остальным членам нашей компании, по-прежнему стоявшим вокруг слабо мерцавшего костерка. Мы знали, что львы не выйдут к нам, когда тут столько людей, у которых непонятно что на уме. Киногруппа была слегка ошеломлена тем, что только что увидела и услышала, и не на шутку встревожилась, когда мы с Джорджем снова скрылись во тьме.

Эта минута была для нас с Джорджем вершиной вечера, но остальные, похоже, рассуждали иначе. Нам опять не удалось отснять самого главного. На следующий день Джордж улетал вместе с киногруппой к своим прежним излюбленным местам на озере Рудольфа, ныне переименованном в озеро Туркана, а затем в Меру. Я же за время его отсутствия попытаюсь подманить львов к лагерю, где будет легче осуществить нужные съемки.

Кроме Джорджа и киногруппы, летели Сэнди и Додди; ночевать они должны были в охотничьем домике на берегу озера. Джордж добросовестно готовился к отлету, и в первый раз за все время, проведенное мной в Коре, я увидел на нем шикарный френч и новую кожаную фуражку. Я не смог скрыть чувства нежности и восхищения, когда он доверчиво сел в самолет, чтобы

через несколько часов оказаться у берегов озера, с которым у него связано столько добрых воспоминаний, накопившихся за сорок четыре года, прожитых в этой суровой стране.

Глава шестая

ШАГИ В ПРОШЛОЕ

Помахав улетающим на прощание, я погрузился в раздумья об исполненных приключений днях, проведенных Джорджем в этом регионе, и о тех, кто исследовал озеро Туркана столетие назад. Это озеро, как и горы Кения и Килиманджаро, овладело воображением путешественников девятнадцатого века. Германские миссионеры Крапф и Ребманн возвратились в Европу, привезя с собой множество фантастических историй о горах, возвышающихся над экватором и увенчанных шапками изо льда и снега. Престижное Королевское географическое общество отказалось верить этим рассказам, зато с благосклонностью приняло составленные графом Телеки описания раскаленных пустынь, пересекающих континент и достигающих огромного внутреннего моря длиной примерно в сто восемьдесят миль и шириной в двадцать две мили.

Когда Джордж и его друг Невил Баксендейл отправились в 1934 году в район озера Туркана в надежде отыскать там золото, их сопровождал верный товарищ-повар по имени Юсуф. Это был настоящий гений кулинарии – запас продовольствия, взятого с собой юношами, был невелик, и он готовил любителям приключений отменные блюда из того, что поставляла ему природа, – дичи, шпината и даже грибов.

В течение двух месяцев они шли вдоль притока реки, исследуя все вокруг, – временами им приходилось специально отыскивать ягоды кордии (*Cordia Gharaf*), чтобы предохранить себя от цинги.

Никакого золота они, конечно, не нашли, зато пережили немало необычайных приключений. Они преодолели около ста километров, обойдя с южной стороны гору Кулал. Их ослы неоднократно подвергались нападению гиен, львов, носорогов и слонов, а на них самих не раз обрушивались грозы. Путь был несладок, но, вдохновляемые пылом исследователей-предшественников, наши герои шли вперед.

Как-то ночью у путешественников пропала целая группа ослов, но их выручил местный житель по имени Тобош, присоединившийся к ним в пути и не носивший ровным счетом ничего из одежды. Он отправился на поиски и нашел заблудившихся животных как раз вовремя, потому что на них уже облизывался целый прайд львов. Безоружный Тобош собрал ослов в кучу и погнал назад в лагерь. Львы двинулись следом и отстали только тогда, когда показались Джордж и Невил.

Озеро Туркана лежит у основания вулканической системы. Здесь властвуют невыносимая жара и жестокие ветры, иной раз достигающие скорости около сорока километров в час. По вечерам нашим странникам приходилось возводить укрытия для защиты от кружимых ветром песков, а порой случалось находить готовые, сооруженные еще графом Телеки и лейтенантом фон Хонелем!

Путь давался все с большим трудом. Один из ослов погиб. Добывать пищу становилось все сложнее, и после двух дней голодовки Джордж решился подстрелить пару больших бакланов. Как бы наши бесстрашные золотоискатели ни были голодны, они нашли дичь далеко не изысканной. Но и тут выручил неунывающий Юсуф.

Озеро Туркана – и в самом деле необычное внутреннее море, которое меняет цвет в зависимости от

ветра и неба. Иногда оно кажется зеленым, и потому его называют еще Нефритовым.

Путешественники не встретили больше никого из представителей местных племен, что показалось им странным. Позже к ним приходили рыболовы из племени эль-моло, которое обитает в холмах, расположенных у подножия горы Кулал, и насчитывает едва ли сотню человек. Туземцы разгуливали совершенно нагими, если не считать юного вождя, с гордостью носившего красную феску и полосатую пижаму, а руки и грудь его были покрыты рыжими волосами.

В этом регионе они также обнаружили несметное количество дичи, например великолепных малых купу, но не было никаких признаков золота. Тогда они решили идти на другой берег озера.

Добравшись до этой страницы своих приключений, Джордж не мог удержаться от смеха. Невил предложил не тратить время попусту и не тащиться сто километров назад, а переправиться через озеро. Сначала Джордж подумал, что Невил от жары или усталости просто спятил. Но Невил выработал план – построить лодку и переплыть на другой берег.

Остов лодки сделали из веток акации. Джордж сшил вместе подстилки – получилась обтяжка, а из постельного белья изготовили паруса. Из кормушек для ослов сколотили руль, смастерили укрытие от дождя и весла – и, ко всеобщему удивлению, посудина поплыла.

Джордж и Невил наказали Тобошу привести соплеменников, взять все пожитки, кроме ружья и кастрюли (каковую предполагалось использовать в качестве черпака), и двигаться к условленной точке на берегу озера, куда предполагала причалить команда судна. Они также разрешили зарезать одного осла, если нечего будет есть. Тобош пустился в путь, а Невил, Джордж и Юсуф провели ночь в устье реки по

соседству. Знали бы они, какое несчастье их поджидает! Кожаные ремни, на которых держалась вся конструкция, были перегрызены шакалами, и в отчаянии Джордж стал чинить лодку корой акации!

Через десять дней после того, как Тобош с ослами отправился к пути, ветер переменялся в благоприятную сторону и отважные мореходы отчалили, налегая на весла, пока не стерли себе ладони. Юсуф вычерпывал воду старой кастрюлей. Уже глубокой ночью они услышали кваканье лягушек – это значило, что до берега недалеко. Успешно высадившись, они на другой день распили полбутылки бренди, которым Джорджа снабдила мама как раз на такой случай. Затем они поплыли вдоль берега к устью реки Керио, где условились встретиться с Тобошем.

Через сутки Тобош и в самом деле появился. Трудно было поверить, что позади длинный тяжелый путь под безжалостным солнцем – так великолепно он выглядел. Все ослы оказались в целости и сохранности, ни один не был съеден.

Чем дольше длилась экспедиция, тем больше восхищался Джордж мужеством людей из племени туркана – в благодарность он даже подарил им ослов в придачу к условленной плате.

После трехдневного похода Джордж и Невил оказались в конторе уполномоченного района в Лодваре. Уполномоченный был удивлен, увидев гостей. Джорджу и Невилу объяснили, почему на берегах озера они не встретили туземцев, кроме как из племени эль-моло: налетчики из Эфиопии предприняли несколько атак на пограничную территорию, перебив всех мужчин и угнав в Эфиопию женщин и верблюдов. Уполномоченный вздрогнул, когда Джордж рассказал ему об экспедиции на самодельной лодке, – всего несколько месяцев назад в этот район отправилась геологическая экспедиция Вивиана Фукса, оставив

двоих ученых на Южном острове. Больше этих двоих никто не видел. Нашли только остатки лодки и одежды.

Пожалуй, будет интересным добавить, что именно на тех самых берегах Нефритового озера, где Джордж и Невил искали золото, сорок лет спустя доктор Ричард Лики открыл стоянки человека прямоходящего (*homo erectus*) – предшественника человека разумного (*homo sapiens*).

Переночевав в Лодваре и запасаюсь продовольствием, отважные путешественники отправились в долгий шестнадцатидневный путь назад в Марич-Пасс, начальный пункт их странствий. По дороге опять же не обошлось без приключений: один из ослов не удержался на уступе скалы и соскользнул двумя ногами в пропасть. Джордж успел схватить беднягу за уши, а силач Невил втянул брыкающегося осла на твердую почву. Когда они добрались до своего грузовика в Марич-Пассе, исполнилось ровно четыре месяца с начала их скитаний...

После успешной поездки к озеру Туркана Джордж с киногруппой вернулись в Кору. Джордж не без удовольствия рассказывал перед кинокамерой о своих похождениях и, конечно, испытал огромное наслаждение от путешествия к местам, с которыми связано столько воспоминаний. Едва он успел вылезти из самолета, как я бросился к нему со свежими новостями о львах, отчего лицо его сразу просияло. За день до его возвращения я обнаружил следы прайда, которые вели к Тане. Я периодически подзывал хищников и очень обрадовался, когда на следующее утро они ни свет ни заря, еще затемно, пожаловали в лагерь, где мы с Мохаммедом их покормили. С возвращением львов все почувствовали радость и облегчение. Ну уж теперь-то они, наверное, далеко не уйдут, и я надеялся, что по приезде Джорджа удастся-таки снять его среди любимых животных.

Вскоре после его возвращения директор кенийского Департамента охраны природы доктор Перес Олиндо прилетел в лагерь, где Сэнди Голл должен был взять у него интервью. Это был волнующий и исторический в жизни Кору момент, когда доктор Олиндо, стоя у скелетов двух убитых браконьерами слонов, говорил перед кинокамерой: "...Эта суровая земля стала для Джорджа Адамсона родным домом. В нем живет дух истинного борца за сохранение природы в Кении...". В заключение он добавил, что желал бы видеть Кору еще до конца года национальным парком.

Это была неожиданная новость, несомненно радостная для Джорджа, – он ждал этого столько лет! Может быть, хоть теперь Кора получит штатную охрану, которую она вполне заслужила и в которой так нуждалась! Сюрпризы еще не кончились – в этот вечер львы снова пожаловали в лагерь, подняв всем настроение, и нам впервые удалось заснять Джорджа среди его любимцев.

Следующим шагом в планах создателей фильма было отвезти Джорджа в соседний национальный парк Меру – там Джордж поведет киногруппу к могиле Эльсы и расскажет о годах, прожитых с рожденной свободной, и о тех, что за ними последовали.

И снова самолет оторвался от взлетной полосы Кору, а наши гости уже поджидали Джорджа в Меру на лендровере; я же остался в лагере, чтобы поддерживать контакты со львами для будущих съемок. Вечером того же дня, когда уехала киногруппа, я планировал воспользоваться громкоговорителем Джорджа и периодически подзывать почтенную Гроу с прайдом в течение ночи. Я знал, что львы недалеко, и не сомневался, что они вернутся в лагерь.

Боясь проспать их появление, если они вдруг заявятся слишком поздно, я решил провести ночь перед столовой, а не внутри одной из хижин. Крошка Джулия

также решила устроиться рядом с оградой лагеря, а именно возле стола, за которым Джордж любил угощаться напитками. Я чувствовал, что, несмотря на недосыпание, накопившееся за последние дни, кто-нибудь из нас обязательно проснется, если ночью львы появятся или хотя бы подадут голос, – во всяком случае, таков был наш план.

Я бодрствовал в течение нескольких часов, периодически подзывая львов по громкоговорителю, но все напрасно. Наконец я заснул как убитый, а наутро проснулся с мыслью о том, где же львы. Когда Джулия встала, я спросил ее, удалось ли ей что-нибудь увидеть или услышать. Она ответила, что за ночь просыпалась несколько раз, но не увидела ничего – только как кто-то светил фонарем за ограду.

Тогда я подумал, что львы, должно быть, ушли от Кампи-иа-Симба назад в холмы Кауме. Обеспокоенный этим – ведь завтра должны вернуться Джордж с киногруппой, – я кликнул Мохаммеда, и мы поехали на поиски львов. Не успели мы отъехать и семисот метров в направлении Таны, как увидели на дороге свежие следы, ведущие к лагерю! Когда мы вернулись назад, я почувствовал, что схожу с ума.

Оказывается, львы все-таки приходили минувшей ночью. Следы вели к бочке, из которой они напились воды, а следы двух львов тянулись прямо к тому месту у ограды, где с другой стороны устроилась спать Джулия. Очевидно, львы наблюдали за ней, может быть, даже принюхивались, а она спала себе без задних ног! Увидев, куда именно приходили львы, мы с Мохаммедом чуть не покатались со смеху. Позвав Джулию, я рассказал ей, что приключилось и что она проворонила. Вот так конфуз: львы подошли к самому забору, попили из бочки, стоявшей менее чем в пятнадцати метрах от него, а ни один из нас даже не шелохнулся! Да и я

хорош: отправился на поиски львов и вернулся по их следам назад в лагерь!

Позже, определив, что львы удалились от Кампи-иа-Симба, мы отправились за ними на лендровере вниз по руслу реки Бойс-Лугга, что обвивает лагерь и ведет к Тане. Я не отъехал и трех километров, как заметил львов, отдыхавших в тени большой акации.

Я остановил машину и почувствовал, что почти заслужил прощение за свой крепкий сон минувшей ночью. Хищники по-прежнему были очень спокойны, словно примирившись с тем, что уже наступил день. Мохаммед передал мне куски мяса, и я, выйдя из машины, стал их кликать. Я отошел шагов на пятнадцать от лендровера и остановился, призывая подойти поближе. Первыми отозвались подростки детеныши и стали хватать мясо, которое я им кидал.

Через пятнадцать минут я скормил хищникам все лакомые куски, за которыми мне еще дважды приходилось возвращаться к машине. Не вышла только Гроу. Заметив, что, пока остальные львы подходили ко мне за мясом, она отлеживалась и наблюдала за происходящим, я позвал ее. Гроу встала и, излучая спокойствие, прошествовала ко мне и взяла мясо, которое я бросил недалеко от себя. Затем повернулась, отошла на пару шагов и улеглась передо мной, с довольным видом лакомясь угощением.

Час спустя мы с Мохаммедом покинули львов с уверенностью, что теперь они далеко не уйдут, мы чувствовали сердцем – ко времени, когда Джордж возвратится из Меру, прайд вновь появится в лагере.

...За два дня, проведенных в Меру, Джордж поведал еще одну главу из своей жизни. Он рассказывал, как здесь появились он сам, Джой и Эльса, как, пока она подрастала, было принято решение перевезти ее в заповедник Меру на берегу реки Тана, чтобы там навсегда даровать ей свободную жизнь.

Территория площадью около двухсот квадратных километров, заросшая пальмами дум, роскошными акациями и фиговыми деревьями, с величественными цепями красных скал, изобиловала дичью и была идеальной для львицы. По иронии судьбы, она располагалась недалеко от того места, где Эльса родилась и где Джорджу пришлось пристрелить ее мать.

Здесь, в Меру, Джой начала писать Рожденную свободной – историю, которой предстояло завладеть сердцами миллионов.

Вспоминая об этих днях в автобиографии, Джордж писал: Не следует сомневаться, что наша общая привязанность к Эльсе сблизила нас с Джой как никогда прежде. Так, наверно, только ребенок сближает родителей; Эльса и заняла место ребенка в нашем семейном альбоме.

Затем Джой отправилась в Лондон искать издателя для своей книги. Сейчас в это трудно поверить, но рукопись много раз отклоняли, пока Коллинз Хэрвилл наконец не принял ее. В результате долгой редактуры и обработки на свет появилось нечто необычайное.

Пока Джой возилась с изданием своей книги в Лондоне, здесь, на поросшей кустарником земле Меру, Эльса встретила друга – дикого льва. Это событие добавило значимости тому, ради чего Джой хлопотала в Лондоне. В последующие считанные месяцы книга Джой снискала огромный успех в немалой степени благодаря тому, что была воспринята как история всепобеждающей любви двух человеческих существ и создания, которое в мыслях большинства людей олицетворяет собой неукротимую ярость и мощь. Вскоре, когда слава книги уже гремела повсюду, Джой основала Фонд защиты диких животных, назвав его именем Эльсы. Львица стала символом борьбы за охрану природы, и благодаря ей в ближайшие годы

удалось собрать миллионы фунтов на эти благородные цели.

Вторую часть трилогии – Жить свободными – ожидал столь же восторженный прием, но как раз в это время Эльса заболела жестокой лихорадкой и ее не стало. Ей было всего шесть лет. Случись подобное сегодня, ее успешно вылечили бы, но тогда бороться с вызываемой клещами лихорадкой бабизия не умели. Она умерла у Джорджа на руках, и, возможно, с нею отчасти ушла сила, соединявшая Джорджа и Джой. Джой продолжала неустанно продвигать свой труд, а Джордж был на грани ухода из заповедника.

После смерти Эльсы со всей остротой встала проблема, что же делать с ее детенышами, жившими в дикой природе. Они повадились резать домашний скот, так как он был самой доступной добычей. Эльса ушла из жизни, не успев поставить их на ноги. Джордж отловил их и переправил в соседнюю Танганьiku, в знаменитый на весь мир национальный парк Серенгети. Джордж ушел в отставку в сентябре 1961 года, верой и правдой прослужив в заповеднике двадцать три года. Оказалось, что ему полагается около девятисот дней отпуска!

Здесь, в Коре, он рассказал мне, как был оскорблен, узнав, что в Серенгети ему дали лишь статус посетителя. Как же так – прослужить столько лет начальником охраны заповедника в Кении и не получить почти никаких привилегий в долинах Серенгети! Ему не разрешили проводить там ночи в поисках детенышей Эльсы, ни тем более носить огнестрельное оружие. Главным предлогом для подобных строгостей послужила следующая история: как-то случилось ему набрести на льва, находившегося в крайней степени истощения из-за сломанной челюсти. Джордж подстрелил зверя, чтоб не мучился, но, доложив об этом происшествии, схлопотал выговор и

был лишен права носить огнестрельное оружие: мол, нечего вмешиваться в естественный ход событий!

Тем не менее он не оставлял забот о детенышах Эльсы и с помощью одной только мелкокалиберной винтовки набил дичи и спрятал этот неприкосновенный запас в полом стволе дерева – будет чем подкармливать крошек! Его забота о львах, как всегда, осуществлялась вопреки немыслимым приказам паркового начальства!

В это время Джой работала над книгой Вечно свободные – историей детенышей Эльсы – и разъезжала по всему свету с чтением лекций. Где она только не побывала – в Южной Африке, Индии, Сингапуре, Австралии и Америке! Во время этих изматывающих странствий, поставленная перед необходимостью публично рассказывать о своей жизни, как бы это ни было тягостно для нее, Джой всегда ощущала присутствие рядом духа Эльсы и верила, что именно она придает ей силы.

Между тем в Кении пришло к власти новое – черное – правительство, и для Джорджа, которому пришлось оставить своих питомцев в Серенгети, настал период неустроенности. Он считал, что со сменой правительства будет не до сохранения дикой природы, а значит, делать ему будет нечего. Он размышлял о новых проектах и планах, когда получил предложение поработать со львами на съемках фильма Рожденная свободной. В конечном счете именно благодаря этому предложению Джордж вернулся в Меру, а затем в Кору; именно оно дало новый толчок делу всей его жизни – возвращению львов в родную стихию; именно оно способствовало благотворной для обеих сторон встрече Джорджа с Вирджинией Маккенна и Биллом Трэверсом, которые создали кинопортреты Джорджа и Джой.

Кинобизнес был незнакомым миром для Джорджа. Ему были совершенно чужды споры и личные проблемы людей, работавших над фильмом; более того, он

обнаружил, что все эти пререкания и склоки отвлекают от сути задуманного дела и приводят к утрате авторитета. Впрочем, Джордж привязался к занятым в картине львам и загорелся желанием добиться свободы хотя бы для нескольких из них – нельзя же так, играют роль Свободных, а потом вернутся за решетку!

По завершении работы над фильмом Джорджу вручили двух львов, которых звали Мальчик и Девочка, – это были талисманы 2-го батальона шотландской гвардии. Позже к ним присоединился третий лев-киноактер по имени Югас, и вскоре Джордж, с помощью своего друга Теда Госса, переправил их в Меру, а Джой привезла туда самку гепарда по имени Пиппа.

Джордж основал свой лагерь у подножия холма Мугвонго, а лагерь Джой располагался в десяти километрах от него. Гепарды со львами не уживаются – вот главная причина, почему Джордж и Джой решили разъехаться. Вернувшись в Меру, Джордж обрел относительный покой: его лагерь находился возле болота, куда приходили стада буйволов, антилоп, водяных козлов и жирафов; но главное – он жил в родных местах со своими зверями, которых так любил.

Итак, Джордж и Джой обосновались в Меру, гепардиха Пиппа процветала, привыкала к дикой природе и трижды приносила приплод. Пиппа стала темой двух следующих книг Джой – Пятнистый сфинкс и Пиппа бросает вызов.

К несчастью, этой гармоничной жизни не суждено было долго продолжаться: трагический случай изменил все.

Однажды помощник Джорджа Джонни Баксендейл, сын его старинного приятеля, вез в лагерь Мальчика. По дороге он встретил ехавшего навстречу охранника парка Питера Дженкинса, и они остановились поболтать. Вместе с Дженкинсом ехали его жена и Марк, маленький сын, а лендровер у него был

открытый. Вдруг Мальчик сделал прыжок с капота и попытался схватить ребенка. Джонни ткнул животное ружейным стволом, чтобы заставить его отступить. Дженкинс дал задний ход и поволок хищника, пока тот окончательно не отцепился. У Марка остались царапины на голове и глубокие раны на руках.

Инцидент оказался несчастьем для Джорджа. Сначала ему даже сказали, что львов следует пристрелить, а сам он пусть убирается из Меру. Как раз после этого Мальчик заболел – он столкнулся с дикобразом и жестоко пострадал от его колючек. У Джорджа не было иного выбора, как оставить Девочку, Югаса и четырех львят, которых ему подкинули задолго до несчастья, в Меру, а самому ехать вместе с Мальчиком туда, где жила Джой, – у нее был дом на озере Наиваша. Там, по крайней мере, за львом легко будет наблюдать и ухаживать. Да, у меня есть все основания полагать, что этот период был особо напряженным для Джорджа и Джой, – кончилось тем, что Джой потребовала развода, обвиняя Джорджа в жестокости по отношению к ней. Но, как писал Джордж в автобиографии, что касается моей жестокости, то, по всей видимости, она в значительной мере является плодом воображения Джой: она абсолютно не допускала возражений и, естественно, порою находила меня чересчур упрямым.

1969 и 1970 годы для Джой были полны несчастий и несбывшихся надежд, что, естественно, не могло не подтолкнуть ее к требованию развода. После тяжелой автокатастрофы ей пришлось перенести несколько мучительных операций на правой руке, из-за травм она лишилась возможности играть на фортепьяно и рисовать, а ведь именно эти занятия она так любила и они действовали на нее исцеляюще. К тому же власти потребовали от Джой оставить занятия с гепардихой, и она набросилась с обвинениями на Джорджа. Когда

Джордж собрался выпустить Мальчика в дикую природу, Джой заявила, что он должен отвезти льва в один из предложенных регионов и просто оставить его там; его отказ вывел ее из себя. Но и на этом обиды не кончились: эмоциональную травму нанес ей ее издатель и друг Коллинз, который, побывав в гостях у двух других авторов, живших на Наиваше, – Сью Хартурн и Миреллы Риччарди, обошел ее стороной. В конце концов чаша терпения Джой оказалась переполненной.

К счастью, ситуация изменилась, когда Джой начала работать над новой книгой – Пиппа бросает вызов. Отношения не ухудшились, даже когда Джой пришлось смириться (хотя бы только в душе) с тем фактом, что Джордж не оставит своих занятий со львами в дикой природе.

Испытывая прилив сил и бодрости, она с головой ушла в новые книги и проекты, например в предложенную ей работу над фильмом Жить свободными, и разговоры о разводе понемногу стихли.

Стали налаживаться дела и у Джорджа: ему предложили попробовать Кору вместо Меру для продолжения работы по подготовке львов к жизни в родной стихии.

...Между тем наши съемки продолжались, и Джордж с большим чувством рассказывал перед камерой о прожитых здесь годах. Правда, с тех пор в Меру произошли большие перемены. Приезжих поселили в современном домике для туристов, но никакие удобства не могли отвлечь Джорджа от того, что он знал и любил, – от окружающей природы. Услышав однажды вечером львиный зов, он терялся в догадках – а вдруг это подают голос потомки Югаса или Девочки? Когда они ехали по заповеднику, возле дороги таинственно возникла одинокая львица. Остановившись, она взглянула на машину и незаметно исчезла – столь же внезапно, как и появилась.

Джордж повел киногруппу сквозь густой кустарник к тому месту, где обрела вечный покой Эльса. К несчастью, тропка успела зарости, так что даже местные жители не могли точно указать местонахождение могилы. Но Джордж не забыл. Увидев могилу, он страшно разволновался. Здесь он предал погребению прах Джой, возможно, вспоминая при этом ее слова:...Когда я сидела здесь, а бок о бок со мною сидела Эльса, я чувствовала, будто я у райского порога. Увы, на этом святом печальном месте побывали недобрые люди – незадолго до прибытия сюда Джорджа какие-то сомалийцы потревожили могилу, очевидно надеясь найти там сокровища; еще раньше они похитили находившуюся на ней бронзовую табличку. Теперь Джордж сидел здесь в окружении чужих в общем-то людей, а в памяти его, должно быть, вставали события, связанные со смертью Эльсы и Джой.

3 января 1980 года Джой отправилась на обычную вечернюю прогулку, с которой не вернулась. На нее напал человек из племени туркана, бывший служащий парка, и нанес ей смертельные раны коротким мечом, называемым сими. Тело было найдено впоследствии молодым помощником Джорджа Питером Мосоном.

Джой как раз успела закончить книгу Царица Савская, опубликованную посмертно. В ней повествовалось о леопардихе Пенни – последней из трех крупных представительниц семейства кошачьих, которых Джой успешно возвратила на свободу. Рассказ о том, как женщина и леопардиха жили вместе, очаровал читателей, уже одаривших ее благосклонностью.

По странному совпадению, вскоре после гибели Джой Питер Мосон тоже встретил безвременный конец. Он отправился в Южно-Африканскую Республику, затем в Ботсвану. Питер погиб в автокатастрофе на северо-востоке Тули незадолго до того, как я занялся

изучением жизни львов в этом же регионе. С той поры по краю бродит легенда, будто после его смерти юная вдова Памела вспомнила, как он однажды сказал: Если мне суждено умереть, я хотел бы, чтобы душа моя переселилась в морского орла. Памела уехала из этой местности, но, когда она пересекала сухое русло реки Лимпопо, над нею будто бы пролетел черно-белый морской орел, неведомый в этой засушливой стране. Эта щемящая история напомнила мне строки из стихотворения Френсиса Ннаггенды, которое Джой всегда носила с собой и которое было напечатано в конце Царицы Савской:

Нет, мертвые не спят в земле!
Они – в шумящих деревьях,
И в тихом шорохе листвы,
В бегущих по земле ручьях.
Нет, мертвые не спят в земле!
Они и в детских голосах,
И в ярком пламени костра.
Мне предки рассказали о Творце,
Что вечно с нами Он.
Мы засыпаем с Ним,
Мы с Ним охотимся,
И мы танцуем с Ним [[8](#)].

Может быть, эти строки – самая подходящая эпитафия для всех, кто отдал жизни, работая среди дикой природы, и для всех когда-то бегавших по ее просторам зверей. Здесь мертвые не исчезают бесследно – они воскресают. Где, когда – нам не дано знать, но за всякой смертью следует возрождение к жизни.

...После двухдневного пребывания в Меру Джордж с киногруппой возвратились в Кору, и я снова порадовал

их новостями о львах. Особенно позабавил Джорджа рассказ о том, как мы с Джулией проспали появление прайда. В тот вечер с нами в лагере также был Джерри, о котором я уже рассказывал. Он прибыл, взяв с собой друзей, за несколько часов до Джорджа. Когда Джерри навещал наш лагерь, мы всегда очень радовались, но нынешний его визит, как выяснилось позже, был исполнен особого смысла.

Эта ночь сняла напряжение, вызванное съемками эпизода в Меру и связанными с ним тягостными воспоминаниями; для меня она явилась возможностью отдохнуть от львов, а для всех обитателей и гостей лагеря – немного расслабиться. Вино лилось рекой, пирующие затянули песни – весельчак Джерри со своей гитарой оказался как нельзя кстати.

Почтенная Гроу с прайдом тоже пожаловала к нам вечером, невзирая на суматоху в лагере. За несколько часов до пирушки мы с Джорджем вышли покормить зверей. Львы залегли всего в нескольких метрах от ограды, и было ясно, что им наплевать на шум и людей, – это ли не очередное доказательство таинственного чувства, которым обладают животные? В ту ночь ни у кого в лагере не было ни тени страха, беспокойства или агрессивности, и львы были довольны.

Джерри закончил песню, и присутствующие стали упрашивать его спеть еще. Тут Джордж неожиданно попросил спеть ирландскую песню, напоминая, что у него и у Джерри общие ирландские корни. Джерри заиграл, а Джордж запел глубоким приятным голосом. И тут же в ответ из темноты раздался зов львов.

Услышав этот неожиданный отклик, Джерри на мгновение запнулся, пораженный происходящим. Но Джордж продолжал петь, и он быстро попал в такт; между тем львы не умолкали, и их рычание эхом отзывалось в холмах Кору.

Пока Джордж молчал, львы, несмотря на громкие голоса обитателей и гостей лагеря, не издавали ни звука. Но когда тот запел, львы узнали его голос и ответили. Еще раз подчеркну, что речь идет о диких львах, никогда не испытывавших влияния человека, и, возможно, они отвечали Джорджу, как отвечали бы вожаку прайда. Когда он начинает свой зов, за ним подают голос и остальные, словно доводя до сведения странствующих по диким просторам, что это их территория и сами они, в свою очередь, являются неотъемлемой ее частью – точно так же, как по духу Джордж и львы составляют одно целое.

В последние дни съемок фильма киногруппа, помимо того что постоянно брала интервью у Джорджа, старалась как можно больше снимать его среди львов. Несмотря на прежние проблемы и сомнения, все было закончено вовремя. По вечерам, когда являлись львы, Джордж выходил за ограду лагеря. Я следовал за ним (вооруженный электрическим кнутом для скота на случай, если какой-нибудь из львов подойдет слишком близко!), а за мной, в свою очередь, в ночную тьму уходили Майк, вооруженный кинокамерой, и Род со звукозаписывающим оборудованием.

Трудно было следить за львами и одновременно за Майком и Родом, которым поначалу не всегда удавалось вести и съемки, и звукозапись. Но вскоре оба наших гостя освоили методику подхода к животным, особенно Майк – любо-дорого было смотреть, каким доверием пользовался он среди львов. Тем более если вспомнить, что до поездки в Кору ни ему, ни Роду не приходилось работать со львами и изучать сложности их поведения. Проработав всю ночь, мы возвращались в лагерь радостные и удовлетворенные.

Теперь, мне кажется, самое время рассказать о нескольких закулисных эпизодах, произошедших во время съемок. Как-то ночью, готовясь к съемкам

Джорджа среди его любимцев, мы решили попробовать снять это под необычным углом зрения. Майк, Род и Джон должны были припарковать машину вне территории лагеря неподалеку от того места, куда львы приходят за гостинцами. Как только они появятся, Джордж выйдет из ворот и начнет бросать мясо, а киногруппа заснимет эту замечательную сцену, так сказать, с точки зрения львов.

Род, Джон и Майк в сопровождении Мохаммеда выехали из лагеря незадолго до ожидаемого появления львов, чтобы успеть установить оборудование в машине и припарковать ее под нужным углом. После этого, запершись в машине, стали ждать. Род заранее снабдил Джорджа микрофоном, который тот держал на коленях, поскольку, как обычно, был без рубахи.

Наконец львы появились, но они нервничали и старались избегать света – им хотелось подойти к Джорджу, но уж слишком необычным было присутствие машины за лагерной оградой. Мы долго ждали, надеясь, что, к удовлетворению киногруппы, львы преодолеют смущение. Какое там!

Род, Джон, Майк и Мохаммед сидели в лендровере тише воды ниже травы. Все запаслись терпением, но оно ничем не было вознаграждено. Время шло, и в конце концов мы решили: пусть киногруппа освежит себя напитками, а там обсудим, ждать дальше или нет.

У нас не было радиосвязи с теми, кто находился в машине, и Сэнди предложил провести сеанс односторонней связи через микрофон (находившийся на коленях у Джорджа и соединенный с наушниками Рода) и рассказать о наших планах. Как раз в этот момент я отлучился, а вернувшись, застал весьма необычную картину: Сэнди наклонился так, будто о чем-то заклинал чресла Джорджа. Мне стоило большого труда удержаться от смеха. Сцена и в самом деле была экстравагантная, особенно если видеть расплывшуюся

на лице Джорджа улыбку при одновременной с этим попытке удержать во рту трубку...

Так или иначе, Сэнди удалось поведать спрятавшимся в машине о наших планах. Сю устала два старинных серебряных подноса Джорджа всяческими напитками, и странная процессия двинулась в путь.

Впереди шел Джордж, а мы с Сэнди несли подносы. Пройдя мимо стаи львов (не спускавших с нас недоуменных глаз), мы, несколько церемонно, стали подавать напитки в окна. Наконец, когда киногруппа вернулась в лагерь – на сегодняшний вечер съемки окончены! – мы чрезвычайно позабавили их, рассказав о сцене заклинания чресел...

Другой забавный случай произошел, когда киногруппа, Сю, Джулия, Джордж и я, отсняв очередную серию интервью, отправились поплескаться на реку Тана, невзирая на возможное присутствие крокодилов. Глубина большей частью не превышала нескольких дюймов. Но мы так уютно разлеглись на спине, вытянув ноги, что мутная вода скрывала нам грудь и колени и определить глубину со стороны было трудно.

Как-то так получилось, что Сэнди входил в воду последним. Я увидел, как он подошел к берегу, и, к своему ужасу, понял, что он собирается нырнуть. Очевидно, он не сообразил, как здесь мелко. Прежде чем я успел крикнуть ему, он бросился в воду -к счастью, прыжок был задуман с падением на живот. Сэнди с шумным плеском, подняв тучу брызг, шлепнулся в реку, и, когда через доли секунды брызги осели, я увидел его плашмя лежащим в воде, которая едва доставала ему до кончиков ушей. Затем он встал на колени и напустил на себя важный вид, будто ничего не случилось, хотя лицо и шея у него были все в песке.

Случай этот не укрылся от глаз купающихся, и тут же со всех сторон раздались смешки. Если бы за этим наблюдал скрывавшийся в засаде сомалиец, он бы решил, что белые люди посходили с ума.

Вечером накануне отъезда киногруппы мы снова устроили пирушку. Слава Богу, все тяготы и несчастья, связанные со съемкой, были позади. Это был вечер настоящей дружбы! Работа над историей Джорджа и его жизни связала нас невидимыми узами – при том, что у нас у всех разные корни и разные характеры,

Наутро, прежде чем расстаться, я взял Сэнди и Майка в заключительную поездку по заповеднику – прогуляться, а заодно, если повезет, поснимать сценки из жизни дикой природы Коры.

Мы не ждали ничего особенного и решили не расстраиваться, если не встретим ничего примечательного. Но, как часто бывает на этой заросшей кустарником земле, награда за затраченные усилия приходит неожиданно.

Мы ехали вдоль берегов Таны, и первым, что бросилось нам в глаза, было стадо павианов, освещенных утренним солнцем. Майк заснял крохотных черных детенышей с матерями и разгуливавших неподалеку чванливых крупных самцов. Затем мы направились туда, где в Тану впадает река Комунию, сейчас пересохшая, и, перейдя ее, вышли к большим плоским камням, скрывающимся в низкорослом кустарнике за рощицей. Майк приготовил камеры, а я вынул бинокль и осмотрел окрестности – нет ли поблизости диких зверей и птиц?

Через несколько минут в поле моего зрения попало движущееся короткими перебежками стадо буйволов. Они и не подозревали о нашем присутствии, и вскоре камера заработала.

Затем мы заметили спускавшихся к водопою зебр, а еще через десять минут прошествовало семейство

грациозных малых куду – увенчанный витыми рогами самец в сопровождении двух самок и детеныша. Ей-богу, сам дух дикой природы одаривал нас этими милыми безмятежными картинками, и за несколько часов мы увидели больше диких животных, чем за все время пребывания киногруппы в Коре. Куду ушли, и тут же появилась тройка бородавочников в каких-нибудь двадцати метрах от того места, где мы сидели, но они нас не видели.

Когда Майк отснял эти и другие сцены, мы отправились на поиск крокодилов. Нескольких мы заметили, но они или оказывались слишком далеко от нас, чтобы можно было снимать, или тут же исчезали в мутной воде Таны.

Наконец мы наткнулись на огромного крокодила, блаженно разлегшегося на песчаном берегу с раскрытой пастью. Я чуть отъехал назад и шепнул Майку, чтобы он шел за мной пешком – надо незаметно подкрасться к рептилии. Ура! Сюжет блестяще отснят, и на этом съемки в Коре завершились.

Вернувшись в лагерь, мы отобедали в последний раз все вместе, а затем я отвез киногруппу к уже поджидавшему ее самолету. Прощались как старые добрые друзья. Шутка ли – прожить почти три недели одной жизнью с Джорджем и каждую минуту быть готовым к любым неожиданностям и опасностям, подстерегающим в дикой природе!

Глава седьмая

О ТЕХ, КТО СКРЫВАЕТСЯ ВО ТЬМЕ

Киногруппа уехала, и я вернулся к повседневной жизни, которой жил до приезда наших гостей. К тому времени стало очевидным присутствие в Коре сил безопасности. Их грузовики часами разъезжали по самым глухим уголкам заповедника, и часто на его тропинках и дорогах мне приходилось встречаться с патрулями. Солдаты всегда бывали дружелюбны, и мы часто обменивались информацией. Они сообщали мне, где встречали львиные следы, а я информировал их, где видел домашний скот сомалийцев. Несмотря на бездну работы по поиску сомалийцев, солдаты, судя по всему, прекрасно осознавали свою роль в жизни заповедника. Я не раз замечал, что те, кто навещается в Кору из Найроби, скептически относятся к попыткам правительства предотвратить ущерб, наносимый шифтой, и изгнать из национальных парков пастухов с их стадами.

Люди же, охранявшие нас и заповедник, были не только хорошо обучены и дисциплинированы, но делали все возможное ради будущего этого уникального места. Они также были высокого мнения о Джордже и труде, которому он посвятил всю жизнь.

Командир части Джулиус часто навещал нас и докладывал о своих находках и действиях. Джордж очень ценил такие встречи и всегда угощал гостей холодными напитками в хижине-столовой; этот скромный жест был выражением благодарности за нелегкую жизнь, которая выпала на долю этих людей. Джулиус всегда говорил с Джорджем с величайшим

почтением, а тот, в свою очередь, слушал его с восхищением. А как ободрили Джорджа слова, сказанные однажды приветливым офицером: Если бы не ваше присутствие на этой земле, здесь бы давно ничего не было. Ни львов, ни других животных – ничего. Мы пришли помогать вам, потому что вы защитили это место, чтобы зверям здесь было хорошо. Как хочется пожелать вам долгих лет жизни!

Джордж даже замер, потрясенный искренними словами собеседника. Для меня же этот разговор стал которым уже по счету подтверждением того, что, как бы ни нападали на Джорджа иные специалисты по охране природы, в глазах многих местных жителей он оставался стойким и последовательным защитником этого уголка земли. Он стал также символом борьбы за сохранение дикой природы для тысяч людей в разных странах. Джорджу удалось найти понимание и в том и в другом мире – многие ли природоохранители могут похвастаться подобным достижением?

С точки зрения туземцев Джордж воплощал в себе нечто от африканской мистики, поскольку в его образе жизни было немало такого, что почиталось местными традициями. Его любовно называли мзее – почтенный старец. Удивительное сопереживание Джорджа львам и простота его отношений с этими животными, которые являют собой символ жизни и смерти в дикой африканской природе, а также его незамысловатое житье снискали ему привязанность населения. Хоть кожа его и была белой, но жизнь во многом питалась африканскими корнями.

Борьба Джорджа за сохранение природы Африки, ставшей для него родным домом, куда больше импонировала местным жителям, чем работа залетных ученых из дальних стран, которые приедут, посмотрят и исчезнут с собранной информацией, а она, кстати,

могла бы послужить благополучию африканцев, если бы была пущена в дело.

Проект Джорджа, который он взялся осуществлять в Коре, вызвал интерес у коренных обитателей, и в ходе его реализации они начали понимать, в чем заключается ценность мест, где они родились. Не в пример пришельцам, Джордж стал частью этой земли – предмета его сердечных забот. Присутствие Джорджа вселяло в местных жителей чувство постоянства – для них он был человеком, который дарует, ничего не требуя взамен. Я видел, с каким уважением к нему относятся за его непоколебимые убеждения.

Для примера расскажу о юном Мохаммеде, который в течение нескольких недель жил с нами в Кампи-иа-Симба, набираясь знаний для осуществления проекта, разработанного Клубом дикой природы при его школе. Мохаммед сопровождал нас в поездках по заповеднику и, обладая пытливым умом, многому научился у Джорджа. Как я понял, в лагере временами гостили и другие кенийские учащиеся.

Работа с киногруппой отвлекла меня от поисков Люцифера, и теперь я готов был со всей рьяностью взяться за это дело снова. Проконсультировавшись с Джорджем, я вернулся на границу Коры искать льва, скрывающегося во тьме, который, несмотря на то, что был взращен человеком, таился, как истинный дикий лев – так Мохаммед называл львов, не испытавших влияния Джорджа.

Однажды утром я направился к ржавой бочке, обозначавшей границу заповедника и являющейся точкой притяжения в регионе скитаний Люцифера. Когда я выехал за пределы лагеря, мне более всего хотелось узнать, добилась ли успеха армия в деле изгнания многочисленных групп кочующих сомалийцев, от которых просто житья не стало в этой части Коры. Я проехал уже половину сорокакилометрового пути, а все

нигде не было видно следов ни копыт, ни солдатских башмаков. Но, увы, во второй половине пути появились и следы копыт, и плоские отпечатки верблюжьих ног, и я понял, что сомалийцы по-прежнему хозяйничают в заповеднике, ища места для выпаса, и прячутся в этой безводной местности, хоронясь за колючим кустарником и деревьями с шелушащейся корой.

Доехав до бочки, я тщательно обследовал песчаную почву. Затем прошелся дальше по дороге, потом – вдоль кривой линии кустов, осмотрел даже все окрестные холмы – никаких признаков того, что он здесь побывал! Напрасно убив три часа, я вернулся в лагерь к Джорджу ни с чем.

Вечером я снова отправился на поиски. Вдали виднелся холм, вершина которого напоминала силуэт льва. Но увидеть его можно было только под определенным углом освещения на закате солнца. Мне еще множество раз предстояло приезжать сюда по вечерам и наблюдать это явление в последних лучах заката, но в тот момент львиный профиль выглядел как издевательство. Расположившись на возвышении, я всматривался в даль, и мои призывы Люцифер! Люцифер! отзывались эхом, расходились в ночи, будто рябь по воде, и наконец исчезали во тьме, как и тот лев, которого я искал.

В этот вечер я привез с собой высохшие остатки верблюжьей туши и разложил приманку на каменистой почве, но за ночь к ней наведались лишь пара жалких шакалов да одна пуганая гиена, которая, изнывая от голода, все же не решилась подойти. Когда забрезжили первые лучи зари и торжественно сиявшая ночью луна обратилась в ничто, я увидел, что туша осталась нетронутой. И снова никаких признаков Люцифера.

Когда рассвело, я, как обычно, вырубил на главную дорогу, свернул вправо в заповедник Китуи, а затем повернул назад, надеясь отыскать львиные следы –

следы мимолетного соприкосновения африканской кошки и африканского песка, тут же задуваемые ветром. Вернулся на старое место ни с чем, но в голове у меня созрело множество идей и планов.

Расстелив на капоте Соловья карту заповедника, я справился по ней. Так! А что, если взять на заметку холм Манго, почти так же ускользающий от взгляда, как и лев? Когда я определил его местоположение, то вспомнил, что Гроу и львы из ее прайда предпочитают отдыхать, восседая и возлежа на вершинах таких холмов – возможно, наслаждаются свежим ветерком, а возможно, хотят, чтобы вся окружающая природа любовалась ими. А вдруг такая привычка есть и у Люцифера, как у истинного льва Кору? Может, и он любит отдыхать под защитой дающих тень уступов? А вдруг он как раз сейчас восседает на холме Манго и свысока наблюдает меняющуюся, как в калейдоскопе, картину – вот желто-коричневые верблюды, вот пегий скот, бродящий по земле... Что ему за дело? Он тут – хозяин, он – царь!

Размышляя надо всем этим, я снова пустился в путь, на этот раз пешком. Ружье на плече, карта в руке, песчаная почва под ногами. Я направился к скрытому от глаз уступу – так, возможно, лев крадется к добыче, оставаясь невидимым, только на земле переплетаются его старые и новые следы.

Но никакого льва на уступе не было. Я даже не мог разглядеть сам холм. Вдруг на полпути к тому месту, куда я направлялся, я услышал верблюжий рев. Остановившись и обернувшись, я увидел кричавшего верблюда и множество других вокруг него. До меня донеслись тонкие крики сомалийских детей, отгонявших верблюдиц от верблюжат. Сам того не желая, я набрел в густых кустах на место стоянки полукочевых сомалийцев – тех, за кем охотились солдаты. Я по-прежнему стоял неподвижно, не зная,

был ли я замечен или услышан; а может быть, кто-нибудь уже наблюдает за мной и показывает на меня пальцем? Я медленно повернулся, выискивая, не смотрит ли на меня кто-нибудь из-за колючих веток, но никого не заметил.

Еще немного понаблюдав и послушав, я медленно ретировался, стараясь не шуршать подошвами о почву. Мне и хотелось объявить сомалийцам о своем присутствии – вот, мол, вас застукали! – но ситуация была не до конца понятной, и я предпочел остаться нераскрытым, тем более что увиденная сцена вызвала поток размышлений о Коре и ее будущем, а заодно и о своем собственном.

Сомалийцы приносили этой земле колоссальное разорение. Их скот опустошал среду обитания диких животных, а винтовки шифты истребляли стада слонов и подвергали опасности всех, кто жил в заповеднике. Я знал, что только после избавления от таких напастей, как скот и шифта, работы по сохранению природы в Коре дадут свои плоды.

Наконец я дошел до Соловья – мой дом – моя крепость стоял как ни в чем не бывало в тени раскидистого дерева. Отрадная картина! По дороге в лагерь я все думал, удастся ли когда-нибудь обезвредить таящихся по кустам сомалийцев. Я вспомнил, что говорил командующий войсками: пастух и браконьер часто – одно и то же лицо. Он просто прячет автомат, пока пасет, и тут же достает его из тайника, когда добыча в виде слоновой кости оказывается в пределах досягаемости.

Сомалийцы были тем не менее не единственной порожденной человеком проблемой в Коре. Порой лагерь Джорджа задыхался от наплыва непрошенных гостей – а ведь при характере его работы незваный гость хуже сомалийца! Я поражался, почему Джордж и его лагерь притягивают к себе столько посетителей, в

чем-то похожих друг на друга, при всем разнообразии мотивов их визита. Вот как я написал об этом в стихах, которые сочинил через некоторое время после отъезда из Коры:

О Африканский Львиный человек!
Со всех концов земли
К тебе стремятся люди.
(Все больше – чтоб польстить тщеславыю
своему!)
Кто мчит к тебе, влекомый любопытством,
Кто – в страхе за себя
И жизнь свою.

К тебе идут со всех концов земли,
О Африканский Львиный человек!
Кому- то стал ты другом на всю жизнь,
А кто- то, увидав тебя лишь раз,
Своею дружбою с тобой
Готов кичиться.

Иной приходит с радостью и смехом,
Иной – с печалью растревоженной души.
Но были все тобой одарены!

Счастливым дал глоток ты счастья новый,
Болящим даровал ты облегченье -
И отступали грусть и боль, пока
Не приходило время расставанья.

Ты для кого-то стал родным отцом,
А кто-то

В тебе увидел лишь курьез -
Один из тех, чем Африка богата.

Одни тебя почли за чудака,
Другие – за святого и пророка,
Что жертвой стал
Жестоких слов, нападок и насмешек.

Так кто ты в самом деле,
Лев или Человек?
Отзывчив и добросердечен,
И мужеством не обделен.
Но ничего ты для себя не просишь.
(Так вот, наверно, почему
Так тянутся к тебе со всех сторон.)

Приходят многие – не всем дано увидеть.
Не всем из тех, кто видел, суждено постичь.

Приходят посмотреть на то,
Что лишь самим им льстит,
Но мало у кого терпения достанет
Проникнуть в глубину твоей души.

К тебе приходит стар и млад,
И бедный, и богатый.
Чем удалось тебе
Привлечь их всех?
В конце концов, что привлекает их -
Животные иль человек?

Вот если бы в ночной тиши
Открылись их глаза и души,
Они б открыли для себя
И человека, и зверей.

О Африканский Львиный человек!
Пусть львиная и человеческая суть твоя
В глазах у всех стремящихся к тебе
(Хотя бы ради своего тщеславья)
Отразится!

Как ни грустно, факт остается фактом – многие гости посещали Кору лишь затем, чтобы потом похвастаться: мы, мол, помогали самому Джорджу Адамсону; помимо всего прочего, из-за этого штатные служащие все меньше чувствовали себя ответственными за нормальное функционирование лагеря. В частности, я убедился в том, что очень немногим (если кому-либо вообще) из них было ведомо, как пользоваться радиотелефоном при несчастных случаях.

Кампи-иа-Симба, который мог бы стать меккой для энтузиастов борьбы за охрану природы и профессионалов природозащитного дела, местом обмена идеями и опытом, превратился (во всяком случае, в период, когда я там был) в настоящий проходной двор. Присутствие в лагере случайных людей вело к тому, что конфликт неизбежно должен был разразиться.

Некоторых посетителей знакомство с Джорджем наполняло дутым сознанием собственной значимости; больше всего докучали почтенному старцу юные посетительницы, подчас не дававшие ему проходу. Самым же печальным в этой истории было вот что: хотя

Джордж и тяготился посетителями, особенно когда лагерь бывал переполнен, но, необыкновенно добрый от природы, не мог ни сказать решительного нет незваному гостю, ни вытурить из лагеря зажившегося туриста.

Я знал, что при таком положении вещей мне здесь долго не выдержать, а поскольку я не располагал решающим голосом, то уже стал подумывать о возвращении на юг Африки и возобновлении изучения львов в Ботсване.

Более того, я не понимал, хочет ли Джордж, чтобы я остался у него надолго, а если да, то в каком качестве. Правда, во время съемок Эдриан Хаус спросил меня о моих планах на будущее, а Сэнди Голл задал вопрос в упор, хочу ли я навсегда поселиться в Коре. Я чувствовал, что общее мнение склонялось в пользу того, чтобы я остался с Джорджем, и это вызвало в моей душе смешанные чувства.

Я вернулся к холмам на следующий вечер. На сей раз со мной были Мохаммед и Джулия, которая за последние недели отлично приспособилась к жизни среди дикой природы. Сю вернулась домой в Англию, и как-то утром Джулия спросила меня, не может ли она быть мне полезной в поисках Люцифера. После некоторого раздумья я дал согласие. Хотя ее багаж знаний был пока невелик, сила ее заключалась в энтузиазме. Впоследствии помощь ее оказалась неоценимой. Рутинная работа по отслеживанию львов днем, а затем наблюдения за ними ночью требовали немалых усилий и выполнения многочисленных обязанностей: поддержание в надлежащем количестве запасов провианта и воды, подготовка фляг, фонарей, постелей, не говоря уже об изнуряющих ночных вахтах и дневных поездках. Я и не надеялся, что Джулия все это выдержит в течение долгого времени, но был

благодарен ей за предложенную на ближайшие дни помощь.

Мы разбросали по уступу, где я провел прошедшую ночь, небольшие кусочки мяса, а затем оттащили остатки верблюжьей туши за десять километров к Спальной скале (Sleeping Rock) и там привязали к дереву.

Когда закатилось солнце, осмелели шакалы. Мы с Джулией и Мохаммедом уселись на скале, а эти хищники повылезали из своих убежищ и приступили к еде, порой хрустя мелкими костями, – все эти звуки могут привлечь внимание львов. Затем Джулия отправилась спать на крышу лендровера, пока не настанет ее черед заступать на вахту.

Мы же с Мохаммедом сидели, мирно болтая, и не заметили, как взошла луна. Нам, двум старым приятелям, было легко в компании друг друга. Он потягивал пиво, пренебрегая заповедями своей мусульманской веры; ну а я мог себе позволить кое-что крепче – виски с водой. Это было вполне простительно, если учесть дорожную тряску и упадок духа, вызванный тем, что Люцифер так и не появлялся.

Как-то странным образом получилось, что ночью мы с Мохаммедом проснулись одновременно: пробудившись на крыше лендровера, я слышал, как он шевелится на матрасе подо мной в кабине. Тогда мы вместе принялись кликать Люцифера через громкоговоритель в надежде, что он где-то рядом, – вдруг услышит и придет? Но лев нас не слышал – он был где-то далеко.

За ночь мы настолько утомились, что на следующее утро уже ничего не ждали. Кромешная темень незаметно сменилась рассветом. Уложив пожитки в машину, мы снова тронулись в путь вдоль просеки, потом по дороге, затем назад, но вокруг было пусто – ни малейших признаков льва, ни звука, ни следа.

Когда совсем рассвело, мы решили, что двинемся на север, затем снова проедем вдоль просеки и вырулим к Тане, расположенной далеко отсюда. Я считал, что лев может находиться где-то в районе просеки, в той местности, которую я до сих пор не обследовал. Мы отъехали по тряской дороге километров восемь, когда Мохаммед, толкнув меня под руку, устремил взгляд вперед и шепнул:

– Сомалийцы!...

Я взглянул туда и увидел четыре ускользающие фигуры, явно намеревавшиеся скрыться среди желто-коричневого колючего кустарника. Затем в поле зрения оказалось стадо верблюдов. Я предложил Мохаммеду вступить в разговор с пастухами и расспросить их, не видали ли они львиных следов. Я сказал ему, чтобы он объяснил: здесь не аскарис (солдаты), а музунгу (белый человек), и мы заняты поисками льва.

Я замедлил ход и выключил мотор. Мохаммед решительно выскочил из машины на опустевшую дорогу и крикнул в тишину кустов:

– Друзья! У меня нет винтовки! Я не аскари! Со мной белый человек, придите и поговорите с нами!

Сомалийцы сначала ответили, а потом, как привидения, отчего-то появившиеся средь бела дня, повывезали на дорогу, предпочитая держаться на почтительном расстоянии. Мохаммед невозмутимо подошел к ним.

Они стояли, опираясь на свои пастушеские посохи; одеты они были в канга [9] и вооружены копьями. Я велел Джулии смирно сидеть в машине и вслед за Мохаммедом вышел навстречу сомалийцам; я видел их неуверенность и в то же время старался показать, что меня самого их появление нисколько не беспокоит.

Их было четверо – молодые парни с изящными чертами гордых лиц и слегка вьющимися волосами. Но

взгляды у всех были, как у затравленных волков. Они и хотели идти на контакт, и дичились даже дружески протянутой руки. Я понимал, что нам с Мохаммедом следует держаться непринужденно, и тогда обратная реакция будет самой желанной для нас.

Лица сомалийцев были лицом самой земли. Эти люди жили по законам, которые диктовала им дикая природа. Чтобы выжить, им приходилось мириться с лишениями и подвергать себя риску. Они подобны преследуемым зверям и готовы с легкостью геренука удрать от гонящихся за ними охотников – солдат и охотинспекторов.

Сомалийцы издревле бросали вызов судьбе, и каков бы ни был ущерб, наносимый их стадами среде обитания диких животных, а их ружьями – поголовью слонов, нельзя не восхищаться их приспособляемостью и выживаемостью.

Встреченные нами молодые люди жили примерно в двадцати пяти километрах от ближайшего постоянного источника воды – реки Тана. Основой их существования является молоко, которое дает им скот, и больше им практически ничего не нужно. Домом им служит площадка, окруженная колючим кустарником; боясь солдат, они редко зажигают костры. По традиции они не охотятся на диких животных ради прокорма и, как истинные магометане, молятся пять раз в день.

Пока я рассматривал собеседников, Мохаммед продолжал расспрашивать их и задал вопрос о Люцифере. Да, говорили они, им приходилось сталкиваться с волочащим лапу львом. Как ни странно, он ни разу не посягал на их скот, зато они часто слышали его зов по ночам.

Я пригласил кочевников подойти к машине поближе, но те по-прежнему вели себя нерешительно. Правда, как только мы намекнули на табак, они шагнули вперед. Видя, что Мохаммед не боится этих

людей, я тоже подошел к ним, даже чуточку ближе, чем мой друг. Движения наших гостей были резкими, и я понимал, что при малейшем подозрении хрупкий мир будет нарушен и действия их будут непредсказуемы.

Дав им табаку, я пообещал еще, если в ближайшие дни, заслышав шум моей машины, они будут выходить и сообщать свежие новости о Люцифере. Мохаммед сказал, что на следующий день они погонят свой скот к Тане и всю дорогу будут скрываться от солдат, а напоив животных, вернутся к просеке. Чтобы добраться до того уголка, который в последние три месяца стал их домом, придется идти целый день и целую ночь.

Еще немного постояв в нерешительности, четверо сомалийцев исчезли в кустах – и снова стало казаться, что в округе нет никого из людей. На самом же деле окрестности просто давали защиту и укрытие тем, кто был плоть от плоти здешней природы.

Изо дня в день продолжая поиск неуловимого льва, теперь уже с помощью как солдат, так и сомалийцев, я стал задумываться над тем, что может случиться, пока мы с Джулией и Мохаммедом находимся за пределами лагеря. Бандиты из шифты по-прежнему скрываются на территории Коры; мои передвижения в значительной степени предсказуемы, и я был уверен, что незримые глаза ведут за мной пристальное наблюдение.

Каждый раз, выезжая из лагеря, я брал с собой старое ружье 303-го калибра, сохранившееся у Джорджа еще со времени его работы в Департаменте охраны природы. Я брал его для безопасности – своей и своих спутников, – но старался скрывать, что у меня при себе оружие, ибо формально не имел на это разрешения. Я был уверен, что солдаты знали об этом, но смотрели сквозь пальцы. Они понимали, что мне приходится преодолевать значительные участки пути по глухим уголкам заповедника, вне контактов с лагерем и с ними самими, и, следовательно, я

потенциально уязвим для скрывающихся обитателей здешних мест.

Часто, заступая на ночную вахту, я думал о том, какую идеальную мишень представляю для бандитов. Если бы не страстная любовь ко львам, в частности, неодолимое стремление отыскать-таки Люцифера и избавить его от опасного для жизни, стягивавшего горло ошейника, я бы не пошел на это.

Джордж, проживший столько лет в Коре, воспринимал потенциальную угрозу со стороны бандитов как реальный факт; позвольте теперь рассказать о случае, о котором он поведал мне однажды вечером, когда мы обсуждали ситуацию с шифтой.

Еще в 1979 году бандиты атаковали лагерь, находившийся на противоположном берегу Таны, и сожгли его дотла. Трое работавших в лагере африканцев были ранены, еще один африканец и молодой немец, смотревший за лагерем, – убиты. После этого инцидента власти решили разместить посты охотинспекторов вблизи лагеря Джорджа; но, пока дошло до дела, шифта уже спланировала нападение на Кампи-иа-Симба.

Как раз в те дни Джордж послал своего водителя Моти в ближайшую деревню Осако закупить верблюжатины для львов. Эта поездка вдоль берега Таны обычно занимает два часа. Но прошло три дня, а Моти все не возвращался. Так уж совпало, что в это самое время в Кору прилетел давний друг и помощник Джорджа по заповеднику Меру Джонни Баксендейл, который предложил поискать пропавшую машину с самолета. Не обнаружив ее на дороге, они пролетели над деревней и, увидев лендровер возле группки хижин, сбросили водителю записку, чтобы он подъехал к ближайшей посадочной полосе.

Самолет приземлился, и Могги объяснил, почему не смог вернуться в лагерь. Когда он уже собирался уезжать из Осако, друг предупредил его, что группа из тринадцати бандитов устраивает ему засаду с целью захватить лендровер и ворваться на нем в лагерь. По обычаю, едва заслышав подъезжавшую машину, работники тут же бросались открывать ворота, и бандиты, зная об этом, планировали таким образом попасть в лагерь, перебить его обитателей и все разграбить.

С тех пор как в Кампи-иа-Симба появилась вооруженная охрана, этот номер вряд ли удался бы так просто, но шифта продолжала налеты на деревни, и однажды между бандитами и инспекторами случилась перестрелка, в ходе которой один из шифты был ранен и схвачен, другой убит, а один из патрульных получил пулевое ранение в ногу и был привезен на излечение к Джорджу.

Впоследствии стало немного спокойнее, и как-то раз егеря Джорджа по имени Абди вернулся из деревни с новостью, что Джордж вычеркнут из черного списка шифты. Сомалийцы решили сохранить ему жизнь главным образом потому, что иметь с ним дело было выгодно: Джордж тратил массу денег на покупку верблюжатины и тем самым поддерживал благополучие местного населения. Верблюд стоит около 150 фунтов, а когда львы наведывались в лагерь регулярно, он покупал по одному в неделю.

Живя в Коре, я чувствовал, что ореол загадочности, окутывавший Джорджа, и его взаимоотношения со львами тоже служили в какой-то мере защитой против шифты. Получилось, что львы берегли Джорджа так же, как и он их.

Да что там говорить – я сам однажды чуть не попал в засаду, устроенную бандитами. Это случилось через пару недель после того, как солдаты пристрелили двух

браконьеров, и, возможно, засада явилась ответной акцией шифты.

Браконьеры неожиданно столкнулись с армейским патрулем, а поскольку теперь предписывалось расстреливать их на месте, эти двое тут же были убиты, но остались подозрения, что существовал и третий, оставшийся невредимым. Командир патруля, который поведал мне о стычке, объяснил, почему велел оставить тела браконьеров без погребения. Пусть лежат в назидание другим бандитам, пусть знают, что армия настроена решительно!

В течение многих дней, проезжая по дороге мимо того места, где браконьеры нашли свой бесславный конец, я всякий раз наблюдал один и тот же мрачный символ смерти: сытых стервятников, взгромоздившихся на деревья.

На засаду я натолкнулся в один из вечеров, когда в очередной раз выезжал на ночную вахту в надежде услышать и выследить Люцифера. Со мной в машине были Джулия и молодой англичанин Нейл. Мы проехали всего полпути до просеки, а до заката солнца оставалось каких-нибудь полчаса; тени становились все длиннее, и надо было торопиться, чтобы успеть до полной темноты. Мы, как всегда, толковали о поисках Люцифера, и вдруг за поворотом я внезапно увидел баррикаду из бревен, а за ней, с промежутками в пятнадцать метров, еще шесть таких же. Да, славно потрудились шифта!

Увидев баррикады, Нейл крикнул мне, чтобы я поворачивал назад. Но инстинкт взял верх – автоматически переключив скорость, я изо всех сил нажал на газ и направил лендровер к самой хлипкой части баррикады. Проломившись сквозь препятствие, я точно так же расшвырял остальные завалы из бревен и веток, ожидая в любую секунду услышать за собой пальбу. Никогда не забуду потрясенное лицо Нейла!

Джулия же, повинувшись инстинкту самосохранения, так сжалась в своем кресле, что снаружи ее не было заметно. Пробившись сквозь преграды, я погнал машину полным ходом. Я был уверен, что автомобиль покалечен, но не стал останавливаться, пока не отъехал на безопасное расстояние.

Когда мы оправились от шока, то бросились горячо обсуждать случившееся. Я разъяснил своим спутникам, почему помчался вперед. Остановка была бы естественной реакцией, которой бандиты только и ждали.

Если знаешь, что тебя могут атаковать, не останавливайся, даже не сбавляй хода – жми на всю железку! Тот, кто устраивает засаду, рассчитывает прежде всего на визуальный эффект от препятствия, заставляя водителя инстинктивно нажать на тормоза. В этот момент бандиты начинают сзади палить по машине и ее пассажирам.

Остановив наконец лендровер, я осмотрел его, чтобы выявить повреждения. Могло быть хуже: при столкновении с тяжелым бревном вырвало бампер, передняя правая рессора была сильно повреждена. Убедившись, что мы еще дешево отделались, я сказал Джулии и Нейлу, что мы поедem по намеченному маршруту – переночуем на Спальной скале, а утром съездим в Департамент охраны природы и в армейский лагерь близ заповедника Китуи и доложим о случившемся.

К счастью, мы добрались до Спальной скалы, как раз когда солнце коснулось края земли. Как это всегда бывает в Коре, быстро наступила тьма. Потом, заступив на вахту, всматриваясь в звезды и вслушиваясь в обычные ночные звуки, я задумался – до чего же невероятно, что я сижу теперь в такой мирной с виду обстановке, а всего несколько часов назад мог стать со своими попутчиками жертвой нападения!

Как потом оказалось, эта история приблизила мою встречу с Люцифером. Чего только не вытворяет судьба на дорогах Африки!

Рано поутру мы покинули Спальную скалу и добрались до военного лагеря. К несчастью, считанные минуты назад командир с солдатами отправились патрулировать заповедник, так что пришлось оставить записку с указанием, где находились баррикады и когда мы наткнулись на них. После этого мы повернули назад в Китуи. И надо же было случиться, чтобы именно сейчас в игру вступила судьба.

Проехав полпути по дорогам заповедника, я заметил на расстоянии около ста метров на обочине дороги фигуру некоего животного. Я замедлил ход, затем двинулся вперед со скоростью пешехода и, к своей радости, разглядел молодую львицу, идущую нам навстречу. Остановив машину, я посмотрел в бинокль, чтобы изучить ее поближе. Сердцем чувствовал, что это та самая львица, чьи аккуратные следы я как-то случайно увидел рядом со следами Люцифера, и явно та самая, которая была замечена сержантом из Департамента охраны природы возле бочки рядом с самцом. Подъехав поближе, я изумился, что животное почти не выказывает страха – мы-то думали, это истинная дикая львица, не имеющая никакого отношения к львам Джорджа. Но то, что предстало моим глазам, заставило усомниться в этом.

Она скользнула в кусты, и я остановил машину как раз там, где она свернула с дороги. Я высунулся из окна – не увижу ли? – и тут же Джулия шепнула мне:

– Вот она.

Среди травы и ветвей я едва мог разглядеть фигуру львицы; она была менее чем в двадцати метрах от нас. Я попросил Джулию вынуть немного мяса и стал кликать Люцифера: а вдруг он рядом? Не упустить бы шанс! Но ответа не было.

Я внимательно изучил следы львицы на песке. Да, это была, несомненно, подруга Люцифера. Я швырнул кусок мяса на дорогу и двинулся вперед посмотреть, нет ли других следов. Нет, она была одна. Но я все равно испытал волнение от столь неожиданной встречи, а главное, оттого, что она нас нисколько не боялась.

Встреча заставила нас ненадолго забыть о случившемся накануне вечером, и я продолжал двигаться вперед, оставив на дороге кусок мяса с надеждой, что львица вернется на прежнее место и найдет гостинец.

Прошло еще минут тридцать, и я остановился снова. Вот они, львиные следы на дороге. И не чьи-нибудь, а Люциферовы. Изучив их пристальнее, я обнаружил, что он перешел след нашей машины, оставленный утром. Значит, он мог быть здесь всего час назад. Я опять позвал в надежде, что он где-нибудь поблизости, и, прождав минут пятнадцать, уехал, снова оставив на дороге кусок мяса.

Не было бы счастья, да несчастье помогло. Как знать, не случись того эпизода с засадой, возможно, я так и не увидел бы подругу Люцифера и не установил бы его координаты! Несмотря на все опасности, моя решимость отыскать льва еще возросла.

Но вернемся напоследок к инциденту с засадой. Обсуждая его впоследствии с командующим патрульными войсками, я спросил: если бандиты и в самом деле кого-то подстерегали, почему они не открыли огонь?

– Возможно, поняли, что вы не из начальства, – ответил тот. – Тех кто построил баррикады, конечно, разыскивали, но так и не нашли – они растворились бесследно, словно призраки, в этих бескрайних просторах...

Глава восьмая

РЕШЕНИЕ, ПРИНЯТОЕ НОЧЬЮ

Как- то вечером мы с Джорджем и Додди выехали из лагеря к Тане, намереваясь поискать Гроу и ее прайд. Скажу сразу, что на сей раз мы отнюдь не собирались изнурять себя бессонницей, как при поисках Люцифера. Скорее, наоборот, для нас это был повод вырваться из лагеря и провести тихий, мирный вечерок в приятной компании. К этому времени меня уже не покидала уверенность, что Джордж составил обо мне представление как о личности и, хорошенько поразмыслив, оценил мою страсть ко львам и преданность природоохранному делу в целом. И действительно, именно в этот вечер он выложил свои сокровенные мысли о моем будущем и будущем Коре.

Как я упоминал ранее, во время съемок Эдриан Хаус и Сэнди Голл спрашивали меня о планах на будущее, о том, предполагаю ли я остаться в Коре. После отъезда Тони в Танзанию Джордж искал человека, который был бы его верным помощником в работе и к которому впоследствии перешло бы его дело. Тогда я не дал Эдриану и Сэнди определенного ответа. Я оценил ситуацию в Коре, и хотя многие аспекты здешней жизни пришлись мне по душе, от моих глаз не ускользнули и другие, не столь импонирующие. С одной стороны, неконтролируемый наплыв посетителей, нестабильность и небезопасность ситуации, с другой – Кора как место воплощения интереснейших планов и проектов и обещание директора Департамента охраны природы придать ей статус национального парка. Так или иначе, в глубине души у меня таились сомнения относительно будущего этой земли и своего – на ней.

Если уж признаться, в тот момент мне казалось, что разумнее всего вернуться в Ботсвану и возобновить активную работу по изучению и защите львов северо-восточного Тули, где работы был непочатый край. К тому же я сердцем чувствовал, что не могу назвать себя плотью от плоти Кору, и впоследствии, может быть, именно это ощущение сыграло решающую роль.

В Коре я постоянно сталкивался с фактором, который свел на нет работу Тони, – слишком большим влиянием тех, кто был совершенно бесполезен Джорджу, и, наоборот, острым недостатком тех, чье участие благотворно сказалось бы на будущем Кору. Что касается меня, то формально я был посторонним наблюдателем, но – неумышленно – стал чем-то большим.

Конечно, я почел бы за большую честь, если бы Джордж видел во мне идеального наследника, но я не задумывался над этим главным образом потому, что ни разу не слышал от самого Джорджа, что он думает по этому поводу. Сегодня, несмотря на все слова, которые мне довелось от него услышать, я жалею, что не покинул Кору ранее – это уберегло бы от многих переживаний и нас двоих, и окружающих.

В тот вечер, когда солнце зашло за горизонт и звезды высыпали на темном, как черные чернила, небе, Джордж, словно невзначай, возможно под впечатлением воспоминаний, вызванных съемками, заговорил о Коре и своих пожеланиях. Неожиданно он чистосердечно признался, что чувствует свой близкий конец и у него болит душа за львов и будущее заповедника.

Пора уже отходить от дел, Гарет. Я хотел бы, чтобы ты продолжил начатое мной, если сам этого желаешь. Я не хочу, чтобы с моей смертью настал конец моей работе и канула в небытие Кора. Я считаю, что ты самый подходящий человек, кому я могу передать все

это. Глубоко растроганный его словами, я тут же выбросил из головы идею возвращения на юг Африки.

Еще бы – Джордж сам предлагал мне стать продолжателем дела всей его жизни! Он благословлял меня, и в этом я видел высокую для себя честь. Преисполненный благодарности, я в тот момент почувствовал себя особенно близким Джорджу.

Он, как и я, был человеком эмоциональным, хотя чаще приходилось слышать о его типично английской сдержанности. В том, сколь впечатлительным был Джордж, я снова убедился в эту ночь, прочитав фразу из своей книги Плач по львам. Выше я уже говорил, что мы с ним, независимо друг от друга, высказали сходные мысли с промежутком в два десятка лет. Я напомнил Джорджу его слова о том, что иные немилосердные пусть дождутся милосердия, а затем прочел: Львов, чей род живет на земле куда дольше, чем род человеческий, и поныне убивают ради потехи...

Я прочитал это только затем, чтобы лишний раз испытать объединяющее нас чувство сострадания ко львам. Закрыв книгу, я взглянул на Джорджа и увидел, что тот отвернулся. Его глаза были полны слез, и какое-то время он не мог говорить. В этот момент я как никогда понял общность наших верований и образа мыслей.

Потом в этот незабываемый вечер все трое пили за здоровье друг друга, а когда Додди и Джордж устроились спать на крыше лендровера, я еще долго не мог уснуть, ибо чередой беспорядочных мыслей будоражила мой рассудок. Кто я, в сущности, такой? Посторонний, пришелец! Кем я поначалу был для Джорджа и для Кору? Чужаком! И вот сам Джордж принимает меня, словно родного. Как не благодарить судьбу за ее благосклонность!

На следующее утро, в приподнятом после вчерашнего вечера настроении, мы решили прокатиться

– просто так, ради развлечения – вдоль берегов Таны. Диких животных в пути попадалось необычно много, и были они необычно смелы. Стояли, наблюдая за нами, целые стада водяных козлов, из кустов навстречу выходили куду; а с каким наслаждением мы любовались павианами, разыгрывавшими свои пантомимы среди живых декораций – ветвей деревьев! Я осознавал, что начинается новая страница жизни и для Джорджа, и для меня, и для Коре. И все-таки по-прежнему оставался налет неуверенности.

Вскоре после того памятного разговора я стал делить свое время между поисками Люцифера – в этом мне усердно помогала Джулия – и разработкой планов и предложений, которые могли бы благотворно сказаться на будущем заповедника. Как только Джордж высказал пожелание, чтобы я остался с ним в Коре, идеи посыпались из меня, словно из рога изобилия. Кроме того, я запланировал поездки в Великобританию и на юг Африки – мне хотелось отдохнуть и повидать друга, а также запастись оборудованием и информацией, необходимыми для дальнейшей деятельности.

Первым делом я решил провести перепись львов. За время жизни в Коре я понял, что, несмотря на длительную работу Джорджа, в заповеднике площадью семьсот квадратных километров львов очень мало. Может быть, это следствие выпаса сомалийцами скота, вытаптывающего заповедные земли так, что на них уже не может развестись достаточное количество дичи; а может быть, главным препятствием к достижению львиной популяцией оптимальных размеров являлись отравленные приманки и капканы. Во всяком случае, если бы не пагубное внешнее воздействие, львы с их уникальной приспособляемостью и выживаемостью прекрасно размножались бы.

Чтобы доказать малочисленность львов, нужно было провести подробное исследование. Наряду с данными

об исчезающей популяции слонов, добытая в ходе такого исследования информация послужит для Департамента охраны природы основанием, чтобы придать Коре статус национального парка и выделить соответствующую охрану. Пусть этот национальный парк носит имя Адамсона, – думал я. – Только бы мне удалось это дело.

Я планировал выявить истинное положение львов в заповеднике: в конце концов, Кора ассоциируется прежде всего со львами и с Джорджем Адамсоном. При осуществлении этой операции я предполагал использовать громкоговорители, которые применял на северо-востоке Тули для привлечения внимания львов (в частности, во время снятия капканов), а также ошейники с радиопередатчиками. Методика включала также использование приманок там, где обнаруживались свежие следы. Тогда включались записанные на пленку звуки кормящихся шакалов и гиен, заслышав которые ни один лев не устоит и помчится к приманке – если, конечно, этот лев в округе есть.

Другим моим планом была разработка концепции по привлечению в Кору туристов, о чем я уже упоминал ранее. Создание такой концепции благотворно сказалось бы на будущем заповедника: с развитием туризма – естественно в ограниченном объеме – эта территория подтвердит в глазах правительства свое право на существование.

При разработке туристических маршрутов будут учитываться в первую очередь специфические особенности Кору – удаленность от городов и больших дорог, дух дикой природы и, главное, возможность ощутить свою близость к ней.

Кроме того, я планировал изыскать средства для осуществления программы по возвращению в родную стихию трех недавно появившихся у Джорджа

крохотных осиротевших львят: пусть какой-нибудь благотворитель – будь то частное лицо или компания – возьмет на себя расходы по кормлению детенышей, лечению и прочие, пока они не подрастут и не смогут сами добывать себе пищу. А расходы эти, следует признать, будут немалые – я подсчитал, что работа с детенышами до достижения ими двухлетнего возраста обойдется Джорджу примерно в двенадцать тысяч долларов.

Наконец, надо было как-то облегчить бремя, которое представляли собой посетители. Мы с Додди обсудили идею сооружения специального лагеря, где гости могли бы проживать за определенную плату. А что? Желаешь приобщиться к живой легенде – плати! Таким путем удастся не только уменьшить нагрузку на Джорджа и раздобыть дополнительные средства, но и создать еще несколько рабочих мест.

Итак, нам нужен был небольшой обнесенный оградой лагерь. Его смотритель наблюдал бы за порядком, готовил пищу, а возможно, служил бы и гидом по заповеднику. Коль скоро гостям придется платить за свое пребывание, значит, засиживаться здесь они не станут. А то ведь до сих пор они просто ходили у Джорджа в нахлебниках – иные юные гости жили здесь подолгу, не неся никаких расходов.

Пока я разрабатывал детали этих программ и обговаривал их с Джорджем и Додди, параллельно выслеживая неуловимого Люцифера, неумолимо шли дни, и я сам не заметил, как настал срок моего отлета в Англию.

Я покинул Кору вместе с Додди, пообещав Джорджу вернуться не позднее чем через месяц. Я собирался привезти дополнения к тому пакету предложений, с которым собирался войти в правительство Кении, а также оборудование для звуковой приманки львов. Я был уверен, что это поможет мне найти Люцифера. Но

вот настал трогательный момент расставания, и на прощание Джордж сказал:

– До скорой встречи, Гарет.

Проводить меня пришел весь лагерь. Отъехав, я оглянулся на строй машущих мне черных фигур, посреди которых выделялась фигура Джорджа. Расставшись, я думал вот о чем: мои идеи вряд ли можно назвать оригинальными, почему же подобное никому не пришло в голову в прошлом? Эта мысль, кстати, тоже подогревала во мне чувство неуверенности.

По пути из Кампи-иа-Симба, когда я направлялся к просеке, меня не покидала мысль: а вдруг я снова увижу следы неуловимого Люцифера? Словно в воду глядел! Но даже представить себе не мог, как именно все обернется.

Приближаясь к впечатляющей Гепардовой скале, возвышающейся на полпути к просеке, я неожиданно увидел множество львиных следов, то там, то здесь пересекавших дорогу. В волнении я выскочил из машины. Они оказались совершенно свежими – это были следы не только Люцифера, но и его юной подруги. Я понимал, что львы рядом, и дабы получше обозреть окрестности, забрался сперва на капот, а затем и на крышу лендровера. А вдруг как раз сейчас, накануне разлуки с Корой на целый месяц, я наконец-то увижу Люцифера после бесплодных поисков в течение десяти недель!

Пока Додди изучала следы, я почувствовал, что на меня смотрят львиные глаза. Повернувшись, я взглянул на рассыпанные вокруг Гепардовой скалы камни и позвал Люцифера; в ответ на мой голос на скале возник лев.

– Взгляни, вот он! – сказал я Додди и продолжал звать: – Лю-ци-фер! Ко мне! Лю-ци-фер! Ко мне!

Зверь оказался юной подругой Люцифера. Вместо того чтобы удалиться, она явно откликалась на мой призыв.

Она встала, потянулась и без малейших колебаний соскользнула со скалы, как будто хотела к нам приблизиться.

Я был удивлен ее поведением; но несколько минут спустя львица исчезла из виду. К тому же, как всегда, Люцифера и в помине не было. В душе моей разыграло нетерпение, и мы с Додди направились к скале. Мы стали взбираться вверх, ежесекундно рискуя наскочить на львов. Наконец мы достигли самой высокой доступной точки и окинули взглядом расстилавшееся под нами просторы. Картина была прекрасна, как сон, да только львы куда-то испарились. Позже, спустившись вниз, мы исследовали почву у подножия скалы – нет ли следов? Вернувшись к дороге, по которой мы только что ехали, я увидел следы Люцифера и его подруги. Судя по всему, они просто неспешно удалились, и наше присутствие их, очевидно, ничуть не беспокоило.

Люцифер в очередной раз ускользнул от меня, но теперь данное обстоятельство должно было сыграть роль приманки, чтобы снова вернуться в Кору. Поведение львицы опять сбilo меня с толку. Она же ясно видела, что мы с Додди вылезаем из машины, но вместо того чтобы зарычать и ринуться в кусты, как обычно поступают львы, столкнувшись с человеком, она вела себя на удивление спокойно.

Так, со смешанными чувствами радости и горечи от несбывшихся надежд, я покидал Кору, думая о неуловимом льве и непредсказуемом будущем этой земли.

Глава девятая

ПРОПАВШИМ БЕЗ ВЕСТИ БОЛЕЕ НЕ ЧИСЛИТСЯ

Потолкавшись два дня в суматошном Найроби, я вылетел в Англию. После долгих месяцев, проведенных в Коре, после стольких бессонных ночей я нуждался в восстановлении телесных и душевных сил, и наконец, мне нужно было время для размышлений о будущем. Одной из причин поездки в Великобританию было желание снова встретиться со своей хорошей знакомой Джейн Хантер. Мы с Джейн сдружились, еще когда работали вместе на северо-востоке Тули, а затем отправились в путешествие, о котором я рассказал в книге Там, где бродили львы. Но совместная интенсивная работа в течение многих месяцев в суровых условиях в конце концов привела к трещине в наших отношениях. Как это ни печально, нам пришлось расстаться. Однако в глубине души я чувствовал, что эта разлука – временная и в конечном итоге окажется во благо нам обоим. Когда по возвращении в Англию я вновь встретился с Джейн, то убедился, что был прав.

Пробыв в Лондоне две недели, я вылетел в Ботсвану, счастливый от мысли, что Джейн решила навестить меня и Джорджа в Коре в ближайший месяц. Из Ботсваны я двинулся в Южно-Африканскую Республику за оборудованием для звуковой приманки львов, а также разнообразными отчетами, свидетельствами, заметками и прочими материалами. Так, покрутившись как белка в колесе, я снова вылетел в Кению – хоть и не отдохнув как следует, зато переполненный идеями и надеждами.

Первое, что я сделал, вернувшись в Найроби, – отправился с визитом к доктору Пересу Олиндо, чей офис находился вблизи национального парка Найроби. В письме к нему Джордж рассказал о своем желании видеть меня на ведущих ролях в жизни Коры. Я предложил ему для обсуждения мои проекты и планы и, естественно, хотел знать его мнение относительно их и моего будущего. Примерно через неделю, тщательно все изучив и оценив возможности, он высказал свое одобрение, а это значило, что я мог подавать заявление о разрешении на постоянную работу в Кении. Заручившись поддержкой доктора Олиндо, я вернулся в Кампи-иа-Симба к Джорджу и его львятам.

За месяц моего отсутствия Кора изменилась. После дождей земля под крылом самолета выглядела так, будто некий художник щедро раскрасил ее изумрудно-зеленой краской. Дожди дали жизнь иссохшей почве – там, где еще недавно она была покрыта только пылью, пробивалась трава; деревья преобразились, одетые свежей листвой. На посадочной полосе меня встречали не только Додди, приехавшая за мной на машине, но и командующий патрульными войсками Джулиус, который сообщил мне новости, усилившие мое благоприятное впечатление от Коры. Он рассказал о своей работе за прошедший месяц. Все сомалийцы вместе со стадами были изгнаны с территории заповедника на соседние земли. Теперь, добавил он, главная задача – выявить по-прежнему скрывающихся в потаенных уголках бандитов из шифты. Представьте, как радостно было мне, переполненному любовью к этой земле, услышать столь оптимистичные известия.

Приехав в лагерь, я застал Джорджа в превосходном настроении. Он был безмерно рад видеть меня вновь. Три львенка, которые успели заметно подрасти, тоже обрадовались. Джордж с гордостью рассказывал, как каждое утро берет их с собой на

прогулку, приучая к картинам, звукам и запахам дикой природы – это было начало самой ответственной стадии подготовки к возвращению зверят в родную стихию.

В первые дни после приезда мне было радостно наблюдать, как Джордж каждое утро готовил ружье, бинокль, всяческие принадлежности для своего егеря Абди, выпускал львят из загона и шел с ними гулять. Львята уже не были прежними несмышлениками – это были подрастающие львы, источник бодрости для Джорджа; ей-богу, я никогда не видел его более счастливым, чем во время этих утренних прогулок.

По возвращении я уже готов был взяться за поиски Люцифера при помощи звукового оборудования, да вышла незадача – пришлось срочно вылететь в Найроби для медицинского обследования. У меня развился очень болезненный абсцесс в прямой кишке, так что пришлось пробыть в разлуке с Корой десять дней.

Вернувшись, я узнал, что в лагерь прибыл профессор Брахмачари из Калькутты. Брам, как мы дружески называли его, оказался одним из самых обаятельных и интересных людей, с которыми я имел счастье встречаться. Это был низенький человечек с манерами пламенного оратора – отвечая на вопросы о своей работе, он торопливо ходил туда-сюда, подчеркивая важность того или иного момента неожиданным движением руки.

В первый раз Брам побывал в гостях у Джорджа семь лет назад. Тогда предметом его исследований были, помимо прочего, содержимое и состав слоновьего навоза. На сей раз он планировал провести в Коре три месяца, изучая восприятие мира крупными представителями семейства кошачьих при помощи органов чувств, а также нюансы в поведении трех детенышей. Это явилось бы ценным дополнением к его сравнительному изучению тигров и леопардов в Индии. Это был его второй визит в Кору за семь лет – чаще

приезжать не позволяли средства. Я подумал: не стыдно ли, что такие блестящие специалисты, способные раскрывать тайны окружающего мира и добывать информацию, которая, в свою очередь, могла бы быть использована для сохранения дикой природы и ее обитателей, вынуждены страдать из-за недостатка денег!

Мы с Брамом быстро нашли общий язык, но вместе наверняка представляли диковинное зрелище для окружающих. Вообразите себе такую картину – два исследователя оживленно изучают анальные железы у львов; один высокий, белобрысый и без рубашки, а другой низенький, чернявый, в элегантном костюме цвета сафари!

В это время в Коре также находился с визитом писатель из Англии Робин Пейдж, у которого в Найроби были общие со мной знакомые – семейство Чеффинг. Робин прибыл в Кору, чтобы писать о Джордже и об убийстве слонов в Кении. Он тоже оказался очень интересным и дружелюбным человеком.

Вечерами мы отводили душу, рассказывая всяческие истории, – у каждого была своя манера повествования, и наши стили, соревнуясь между собой, дополняли друг друга. Брам часто подсказывал Джорджу, какие истории хотел бы от него услышать, нередко подбадривая и поправляя его, если тот забывал какие-то подробности, имена или названия мест.

В один из таких вечеров присутствие Брама напомнило Джорджу еще об одном ученом – докторе Адриане Кортландте из Амстердама, и он поведал нам связанную с этим историю. Доктор Кортландт особенно интересовался эволюцией человека и его предшественников и испросил у Джорджа позволения в очередной раз приехать в Кору, чтобы поставить опыты с целью выяснения, как первобытный человек защищался от крупных представителей семейства

кошачьих, в том числе от саблезубых тигров. Он привез с собой работающий от батарей пропеллер. К его лопастям привязывались ветки необычного терновника, который он специально тащил из Найроби, чтобы можно было производить особый пугающий свист. Он прибыл в Кампи-иа-Симба не на лендровере, а в небольшом уютном седане и, как ни странно, добрался вполне благополучно.

Однажды, когда львы Джорджа пожаловали в лагерь, профессор решил проверить свою теорию на практике. Для этого он разбросал близ лопастей куски мяса, и когда одна из львиц изготовилась прыгнуть за приманкой, включил пропеллер. Ветки терновника дико засвистели, львы отпрянули и в течение нескольких минут изучали сие непонятное явление.

А пока наш профессор делал записи в блокнот и наговаривал на диктофон свои наблюдения, львица незаметно для него шагнула вперед и схватила лакомство. Джордж уверял, что, когда впоследствии читал статью доктора Кортландта о данном эксперименте, он не нашел там ни слова об этом эпизоде...

Еще одна история – типичная для репертуара Джорджа, из тех, о которых говорят: И смех и грех, – приключилась с преклонных лет поваром Хамисси, издавна служившим у Джорджа. Этот высокочтимый джентльмен, видимо, ценил чувство собственного достоинства куда выше чувства юмора, но в тот момент ему было и впрямь не до смеха.

Однажды утром Хамисси пожаловался Джорджу на жуткую головную боль и ломоту во всем теле. Тот дал ему пару пилюль из пузырька с надписью Валиум и отправился на поиски львов. Когда Джордж вернулся несколько часов спустя, к нему бросился весь лагерь с известием, что Хамисси при смерти. Испуганный Джордж побежал к повару и увидел, что старик

действительно в коме и вот-вот отдаст концы. Он тут же приказал водителю отвезти Хамисси в деревню – если уж ему суждено умереть, то хоть на руках у родных.

Через несколько дней в лагерь прибыл доктор Андреас Мейерхольд, и в разговоре с ним Джордж упомянул о странном случае с Хамисси. Андреас спросил, чем Джордж лечил повара, и тот показал ему флакончик. Доктор пришел в ужас – это оказался сильнейший транквилизатор для львов! Одной таблетки было достаточно, чтобы усыпить 400-фунтового льва!

К счастью, Хамисси, беспробудно проспав несколько суток (в течение которых семья пребывала в страшном волнении), пришел в себя и как ни в чем не бывало вернулся в лагерь. Трудно было поверить, что он возвратился чуть ли не с того света – так великолепно он выглядел. Теперь на пузырьке сделали четкую надпись:

ТОЛЬКО ДЛЯ ЛЬВОВ!!!

Когда в лагере появился Робин, часто заходили разговоры о долгом и взаимовыгодном сотрудничестве Джорджа с Вирджинией Маккенна и Биллом Трэверсом, создателями бессмертного фильма Рожденная свободной. В 1984 году ими был создан фонд проверки деятельности зоопарков – Zoo Check. Одним из событий, подтолкнувших на создание столь необходимой организации, была отчаянная борьба за спасение слонихи Поул-Поул.

В конце 60-х годов Билл и Вирджиния вернулись в Кению для съемок фильма Слон по кличке Слоули (An Elephant Called Slowly). Одной из героинь картины была Поул-Поул. Кенийское правительство подарило ее Лондонскому зоопарку, и по завершении съемок она поселилась в Риджентс-парке. Билл отправился

посмотреть, как прижилась слониха на новом месте, но когда та узнала его, тут же впала в грусть. Билл решил больше не навещать ее – у нее должна сложиться новая жизнь.

...Пятнадцать лет спустя Биллу и Вирджинии сообщили, что слониха в тяжелейшем состоянии. Она уже более года жила в зоопарке одна-одинешенька, и стрессовая ситуация все больше травмировала ее – она часто билась головой о стены своего узилища. Кончилось тем, что однажды она сломала бивень, а другой вырвала с корнем.

Билл и Вирджиния тут же скооперировались с Джорджем и Дафной Шелдрик в надежде переправить слониху из неволи на родину. Когда о горе Поул-Поул раструбила пресса, потоком полились пожертвования.

Однако в Лондоне не согласились с предложенной схемой и решили перевести слониху в более просторный зоопарк Уипснейд. Но и этому не суждено было сбыться. За какие-нибудь двенадцать часов до переезда слониха рухнула на пол клетки. Ее вытащили наружу, и она прохромала вокруг своего жилища еще неделю, пока ее ногу не осмотрели под наркозом. Когда слониха очнулась, она уже не могла встать и в зоопарке поняли, что спасти ее невозможно.

Ее гибель, потрясшая всех, подтолкнула к созданию фонда проверки зоопарков. Эта организация, которая и ныне продолжает расти, немало сделала для выявления ужасающего положения, в котором находятся животные в неволе, и добилась многих перемен. С моей точки зрения, концепция фонда имеет немало общего с философией Джорджа, отвергающей жестокость по отношению к животным в любой форме и проповедующей, что жизнь любого зверя ценна для человека.

Робин пробыл у нас около недели, и его отъезд совпал с приездом Джейн. Как хорошо, что она снова с

нами в Африке! Я встретил ее в аэропорту Найроби и привез в Кору – как обрадовались львята и, конечно же, сам Джордж! Покончив с приятными хлопотами, встречами и проводами, я включился в работу по поиску Люцифера с применением звукового оборудования. Джейн тоже быстро вошла в колею повседневной жизни Кору. У нее уже был опыт общения с Джорджем, относящийся ко времени, когда я писал свою вторую книгу, и я обрадовался, увидев, как они славно сработались, особенно впоследствии, когда Джордж высказал мнение, что Джейн лучше остаться в Коре на постоянной основе – будет помогать мне в работе, а там приступит и к собственному проекту.

В одно прекрасное утро я занялся наладкой громкоговорителей и магнитофонов и весь запутался в проводах. Ну и позабавил же я работников лагеря! Идея приманивания львов при помощи звукозаписи крайне заинтриговала их, и я никогда не забуду, какие лица были у Мохаммеда и Абди, когда я впервые включил пленку и из репродукторов раздались, отражаясь эхом от скалы Кора, хрипы и визги кормящихся гиен! Стоявший поблизости Джордж с трудом подавлял смех, глядя, как все работники застыли в немом изумлении, а трое львят, находившихся в это время в загоне, слезли с площадки, где они обычно отдыхали, и прижались мордами к проволоке, очевидно думая увидеть несметные орды гиен и шакалов!

Убедившись, что оборудование в полном порядке, я вечером взял с собой Джейн на поиски Люцифера. Только что прошел сильный дождь, и дорога во многих местах оказалась размытой. Тем не менее, по счастливой случайности, нам удалось найти свежие следы трех львов, и именно у подножия Гепардовой скалы. Я установил репродукторы на крыше лендровера и разбросал вокруг кусочки рубца, а Джейн тем временем готовила постели, фонарь и еду.

Когда спустилась ночь, я включил звукозапись гиен и шакалов и был удивлен, услышав примерно через час километрах в трех к северу ответное рычание льва. Я продолжал проигрывать звукозапись с перерывами, и почти каждый раз слышал рычание в ответ. Час спустя нам удалось установить, что отвечают два самца, находящиеся на расстоянии примерно двух километров к северу. Интересно, кто бы мог быть второй? Обрадованный эффектом, который произвело чудо техники, я рвался туда, откуда доносился львиный зов. Я был уверен, что один из львов, подающих голос, приближается к нам как раз по дороге. Мне не терпелось после стольких недель поисков в первый раз в жизни увидеть Люцифера, да и Джейн горела желанием встретиться с ним.

Что ж, рискнем, в путь! Джейн села за руль, я – на крышу. В руке у меня – яркий фонарь, и я направил пучок света в кусты. Но мы проехали уже километров восемь, а неуловимого хищника все нет! Раздосадованный, я дал знак остановиться – лучше вернуться к Гепардовой скале. А вдруг он покажется там? Поменявшись местами с Джейн, я повел лендровер назад. Но не успели мы проехать и трех километров, как я почувствовал, что машина соскользнула в особенно глубокую рытвину (урок мне, не спи за рулем!). Когда мы остановились, правые колеса наполовину увязли в грязи, да и левая сторона прочно засела.

Как я клял себя за то, что не смотрел на дорогу! Если мы сейчас не вытащим машину, нам придется тут же и заночевать. Мало того что нас зажрут комары – мы упустим возможность увидеть в эту ночь Люцифера. Все опасения, к несчастью, подтвердились: несколько часов подряд мы с Джейн пытались вытащить машину, но только перемазались с ног до головы грязью. В час ночи решено было прекратить бесплодные попытки, и мы

завалились спать на заднем сиденье в самых неудобных позах, храня надежду, что с рассветом нам удастся вытащить колымагу.

С первыми лучами зари мы вылезли из машины, которая за это время осела под пугающим углом, и начали трудиться засучив рукава. Мы набрали целые кучи сучьев и камней и стали подсовывать их под неподдающиеся колеса; но чем дольше мы трудились, тем глубже закапывались в клейстероподобную грязь, – сколько раз мне приходилось увязать, но подобного случая не было никогда! К середине дня нам удалось выволить сначала задние колеса, затем передние, и наконец наш вездеход со страшными хлюпающими звуками медленно выкатился на более твердую почву. Мы были совершенно вымотаны, но зато обрели свободу. Счастливые, мы ехали к Гепардовой скале, а с шин, словно пули, летели комки грязи.

По иронии судьбы, когда до скалы оставалось примерно с километр, я увидел тянущиеся вдоль дороги следы двух самцов. Я рассматривал их со смешанным чувством острого интереса и боязни разочарования. Да нет, один из них определенно Люцифер; а кто же второй? Подозреваю, что это юный Дэнис из прайда львицы Гроу!

Тут я понял, как обстояло дело. Возможно, у юной львицы течка. Она привлекла внимание молодого самца, но, идя ей навстречу, он столкнулся с Люцифером. Совершенно очевидно, что Люцифер прогонял молодого конкурента. Их следы явственно разошлись; во время погони лапы обоих глубоко отпечатывались в почве. Если бы мы не увязли, то увидели бы не только обоих самцов, но и маленькую самку – чуть далее, под самой Гепардовой скалой, мы обнаружили и ее след.

Мы вернулись в лагерь, когда Джордж уже собирался высылать машину на поиски. Еще бы, ведь

мы отсутствовали двадцать один час! Когда Джордж увидел, как мы, облепленные с ног до головы грязью, въезжаем в лагерь, все тело его судорожно затряслось от смеха; но я уморил его окончательно, рассказав о ночном дорожном приключении. О Боже!, – прерывисто, с весьма характерной интонацией пробормотал он, когда я до мельчайших подробностей описал ему, как машина попала в беду и как мы выручали ее. Тем не менее мой доклад о львах и весьма неплохих результатах использования звукозаписи порадовал его. Он, как и я, чувствовал, что встреча с самым неуловимым львом Коры – дело ближайшего будущего, и тогда мы сможем выяснить ситуацию с ошейником.

После непродолжительного обеда мы стали готовиться к очередной ночной вылазке. Несмотря на крайнюю измотанность, мы с Джейн тщательно отмыли Соловья и вдосталь напоили его бензином; во второй половине дня, поближе к закату, Джордж благословил нас, пожелал ни пуха ни пера, и мы снова отправились к Гепардовой скале. На этот раз мы решили всю ночь никуда не съезжать с места – пусть львы, если таковые объявятся, сами подойдут поближе.

Вечером я включил звукозапись, и почти сразу с расстояния в несколько километров до нас донеслось рычание в ответ. К несчастью, судьбе вновь было угодно испортить нам ночь. Первыми пожаловали шакалы – их привлекли не только звуки, но и запах гниющего мяса, кусочки которого я, как всегда, разбросал вокруг. Мы сидели, притаившись во тьме; внезапно на юге стали угрожающе вспыхивать молнии, раскатисто зарокотал гром. Еще чуть-чуть – и тучи застлали звезды над крышей лендровера, поднялся мощный вихрь.

Мы бросились спасать репродукторы и магнитофон, и только успели сложить наши пожитки в кабину, как капли дождя застучали по крыше, словно пули. Хуже

всего было то, что в некоторых окнах невозможно было поднять стекла – все механизмы давно растряслись от многокилометровых путешествий по разбитым дорогам.

Ливень хлынул в наше убогое убежище. Я схватил несколько пластиковых сумок и моток изоленды, выпрыгнул наружу и кое-как заделал незастекленные проемы. Теперь мы оба были в безопасности. Чуть позже, когда дождь на короткое время ослаб, я снова пустил звукозапись, выставив репродукторы в заднюю дверь лендровера, но через несколько минут ливень припустил снова.

Я зажег фонарь, и вдруг свет отразился в паре янтарных глаз. Но в тот же момент буря начала бушевать с удесытеренной силой, и мне пришлось захлопнуть дверь, пока мы оба не вымокли до нитки.

Сквозь гул дождя, барабнящего по крыше, я сказал Джейн, что это наверняка маленькая львица. К несчастью, погода испортилась настолько, что остаток ночи фонарь был бесполезен. Машина раскачивалась под порывами ветра, как корабль в океане, и мы сочли за благо достать одеяла и спальные мешки и завалиться спать на задних сиденьях. Мы оба были, словно выжатые лимоны, и не шелохнулись до утра.

...Новый день встретил нас тишиной. Дождь кончился. Постепенно набирал силу утренний хор пернатых – это значило, что буря миновала. Проснувшись под птичий гомон, я вылез из-под одеяла, открыл заднюю дверь и шагнул на мокрую землю. Ага, вот – в каких-нибудь трех метрах от того места, где я стою, тянется след. Когда буря утихла, а мы еще спали, маленькая львица подходила к лендроверу и тщательно обследовала его со всех сторон.

Я поспешно разбудил Джейн, налил две чашки столь желанного чая, и, с трудом подавляя волнение, мы медленно двинулись по дороге. Но не успели мы

проехать и трех километров, как я увидел свежие следы двух львов, четко впечатавшиеся во влажную почву.

Душой чувствую, львы здесь! Я свернул с дороги на открытое пространство, поставил репродукторы и завел магнитофон. Мы просидели на крыше с четверть часа – ни ответа ни привета! Я решил отправиться на поиски пешком, оставив Джейн наблюдать с крыши.

Сперва я прошелся по кустам, затем зашагал по краю дороги и обнаружил новые следы. Двинувшись по ним, я осторожно приблизился к самому густому кустарнику, как вдруг из-за ветвей в нескольких метрах справа от меня раздался оглушительный рев. Поначалу вздрогнув от грозного звука и сознания неожиданной близости хищника, я сообразил, что характер рева свидетельствует отнюдь не об агрессивных намерениях зверя – так кавалер выражал свой экстаз в самый сладострастный миг брачной игры. Поняв, что скрытые за гущей ветвей львы не заметили меня, я быстро выскочил из кустов и пополз назад к лендроверу.

Джейн по-прежнему стояла на крыше и напряженно всматривалась в кусты, пытаясь разглядеть, что происходит. Я ласково позвал ее, и тут же лицо ее озарила улыбка.

Оно и понятно: услышав из кустов пугающие звуки, она подумала о самом худшем...

Мы стали обсуждать, как все-таки выманить Люцифера, и после десятиминутной дискуссии поехали туда, где я слышал львов. Я свернул за небольшой поворот – и что же! Там стоял тот самый лев, которого я разыскивал уже почти три месяца. Пропавший без вести Люцифер, давно не числившийся в живых, преспокойно стоял себе на дороге, а перед ним стояла его юная подруга. Невозможно описать, какую радость и какое облегчение принесла мне эта встреча!

Хотя я видел Люцифера впервые, я тщательно изучал его фотографии и мигом узнал эту угловатую

голову. А вот и темная полоса вокруг шеи – след от стягивавшего ее ошейника. Значит, ему удалось каким-то образом избавиться от него. С души у меня свалился камень: ведь теперь операция по отлову зверя и снятию ошейника не потребуется.

Хищники медленно удалились, и я смог четко разглядеть шрамы на шее. Да, остались отметины и темные царапины, но ошейника не было.

Волнения, которое испытали мы с Джейн от долгожданной встречи, хватило на несколько последующих дней и вечеров. Радость Джорджа, когда по возвращении в лагерь мы поведали ему обо всем, была не меньшей. Я спросил его, хочет ли он поехать с нами и увидеть все своими глазами. Что за вопрос! Компанию нам составил еще и Брам, примостившийся на заднем сиденье, – и вот мы катим к Гепардовой скале. Приближаемся – и точно, вот львиные следы. Мы вырулили на открытое место, где видели льва в последний раз, и заглушили мотор, прислушиваясь, не раздаются ли львиные брачные песни. Надо сказать, что львы брачуются часто и подолгу – в среднем каждые двадцать минут в течение суток, а то и двух. Мы прождали с полчаса, и, к своему удовольствию, я услышал из глубины кустов исполненный сладострастия рев. Я попросил Джорджа кликнуть Люцифера, надеясь, что львы отзовутся на его голос и приблизятся к нам; но текли минуты, и никакой реакции. Мы подождали еще немного, и снова слышали брачные серенады. Я заехал, насколько мог, в кусты, но дальше они оказались настолько густыми, что добраться до того места, где определенно находились львы, было невозможно.

Опечаленные, мы повернули назад к лагерю, но на обратном пути Джордж предложил мне приехать сюда вечером, да не забыть хорошую приманку. А вдруг

выйдут покормиться? Тогда, может быть, удастся увидеть их поутру, когда рассветет.

В тот вечер со мной и Джейн поехал Мохаммед. Новость, что я выследил-таки Люцифера, волновала его не меньше, чем нас с Джорджем, и ему не терпелось самому взглянуть на льва. Когда мы приблизились к тому месту, где я видел львов в последний раз, я попросил Джейн сесть за руль, а мы с Мохаммедом влезли на крышу. Но как только Джейн нажала на газ, из гущи кустов высунулась голова Люцифера. Я постучал по крыше, делая знак остановиться, и указал на льва Мохаммеду.

Увидев зверя, он вцепился в меня, чтобы не свалиться с крыши лендровера, и выпалил на одном дыхании:

– Да, это Люцифер! Это Люцифер!

Он был ошеломлен тем, что перед ним стоял тот самый зверь, которого он помог выпестовать, и взволнованно хлопал меня по плечу, а я подал Джейн сигнал подъехать как можно ближе.

Я забыл сказать, что мы пожаловали к Люциферу в гости не с пустыми руками, а с гостинцем – тушей козла, которую везли на прицепе. Джейн развернула машину, и мы привязали угощение цепью к низкорослому дереву, а потом еще разбросали по кустам дурно пахнущие куски рубца и Мохаммед стал подзывать льва. Мы отогнали машину метров на двадцать пять от туши и расположились так, чтобы, если ночью львы придут кормиться, их можно было как следует рассмотреть при свете фар.

Солнце скрылось, угасли последние лучи, пробивавшиеся сквозь толщу ветвей, – пора заступать на вахту. Не прошло и получаса, как до нас донесся рев влюбленного.

Тотчас же лицо Мохаммеда озарила до неприличия самодовольная улыбка. Слушайте, Люцифер-то уже

совсем взрослый, в самом соку мужчина! – ликовал он. Символично, что эта ситуация доставила Мохаммеду радость, какую обычно доставляет папаше известие о том, что его сын превратился из мальчика в настоящего мужчину.

Позже, вдоволь наслушавшись любовных песен, раздававшихся каждые двадцать минут, мы полезли на крышу лендровера, чтобы насладиться приятным вечером.

Едва ли где сыщешь такого непревзойденного рассказчика, как Мохаммед. Текли часы, а мы все не уставали слушать его истории о годах, прожитых в Коре. Среди прочих он поведал нам драматическую историю о леопардихе Комуню и японской кинозвезде Томоко, которая приехала в Кору с киногруппой для съемок фильма о Джордже. И надо же было случиться, что на нее напал не только один из львов Джорджа, но и леопардиха, которую возвращивал Тони. Блестящий мимик, Мохаммед к тому же, рассказывая о подробностях случившегося, мастерски пародировал японскую речь. Однажды вечером киногруппа обедала в лагере Тони, и вдруг он увидел, как Комуню перелезла через забор и принялась бродить вокруг. Еще мгновение – и хищница оказалась возле Тони и Томоко и бросилась на несчастную японку. Схватив бедняжку за спину, она повалила ее наземь; Томоко орала, а Тони пытался оттащить свою питомицу. Тут Мохаммед рассыпался каскадом изощреннейших японских звуков, изображая, как верзила оператор рванулсЯ вперед и, сорвав с себя башмаки, принялся изо всех сил лупить зверюгу. Испуганной леопардихе ничего не оставалось, как бросить жертву и задать стрекача. Томоко была изрядно потрепана, но выздоровела и вернулась в лагерь, горя желанием закончить съемки.

Джейн чуть не до слез смеялась еще над одной историей, приключившейся с той же леопардихой

Комуню и козлом по кличке Сэм. Как-то вечером Джордж отправился поужинать в лагерь Тони; в Кампи-и-Симба остались только несколько посетителей да этот козлик. Он был настолько мил и нежен, что жалко было скармливать его львам. Вдруг через несколько часов после отъезда Джорджа Мохаммед услышал встревоженные голоса и вышел посмотреть, что происходит. Набившись в лендровер, гости кричали Мохаммеду, что леопардиха перелезла через ограду и схватила козленка. О случившемся немедленно доложили по радио Джорджу, и он тут же примчался наводить порядок. Въехав в ворота, он увидел широко раскрытые глаза гостей, по-прежнему скрывавшихся в лендровере, и Мохаммеда, пытавшегося убедить леопардиху оставить козлика. Джордж подцепил уже бездыханное тельце крючком и поволок за собой, чтобы таким образом выманить леопардиху из лагеря. Оказавшись за его пределами, Комуню схватила добычу и полезла с ней на ближайшее дерево.

Но, увы, дело на этом не кончилось! Джордж уже запер ворота и вдруг услышал, как сверху плюхнулось что-то тяжелое. Это была туша козлика, которую леопардиха не сумела удержать, и тут же из ночной тьмы появились две алчные гиены. Козлик выпал – с ним были плутовки таковы.

Как ни был огорчен Джордж, что леопардиха зарезала его любимца, более всего его взбесило то, что козлик достался этим двум пройдохам. Выбежав из лагеря, он бросился преследовать гиен. Воровки, заметив присутствие Джорджа, позорно бежали. Подобрыв брошенную ими тушку, Джордж вернул ее леопардихе. Да, таковой порою бывает жизнь в Коре!

Возвращаясь к нашей главной теме, Мохаммед показал при свете фонаря несколько шрамов на бедре – следы шутилых игр Люцифера, когда тому исполнилось полтора года. Затем он рассказал, как

однажды лев цапнул его за ногу. Когда он схватил его, Мохаммед, не желая еще больше возбуждать зверя, аккуратно взял его руками за челюсти и разжал их. При этом он проявил необыкновенное чувство самообладания – ведь укус был глубоким и он истекал кровью. Высвободив ногу из Люциферовых челюстей, он тихо, но твердо приказал зверю удалиться, а сам отправился в лагерь залечивать рану.

...Истории Мохаммеда все текли, репертуар его казался неисчерпаемым. К обычным ночным звукам, через равные промежутки времени, добавлялось довольное ворчание Люцифера и его спутницы. Очевидно, вождение оказалось сильнее голода, и ни он, ни она не явились к накрытому столу, несмотря на то что возле того места, куда мы привязали козла, собралась стая шакалов.

На следующее утро мы снялись с места и, оставив тушу привязанной к дереву, возвратились в лагерь раньше обычного. Я рассказал Джорджу, как все было; Мохаммед, радостно блестя глазами, также изложил свои впечатления. Мы решили – пусть Джордж посмотрит на Люцифера сам, если тот явится.

Отвергая просьбы некоторых гостей взять их с собой, я заявил, что со мной поедут только Джордж и Абди. Я не хотел, чтобы кто-нибудь посторонний помешал Джорджу увидеть Люцифера. Ведь известно, как львы реагируют на пришельцев. Всем же памятно, как вели себя животные из прайда Гроу во время съемок фильма.

Вернувшись на прежнее место, мы обнаружили, что за два часа нашего отсутствия от козла остались рожки да ножки. Значит, отдыхают где-то рядом, переваривают! Мы выехали на открытое пространство и после долгих и внимательных поисков я увидел, что львы преспокойно наблюдают за нами, возлежа в тени развесистой акации.

Я остановил машину и показал зверей Джорджу. Абди моментально узнал Люцифера и пришел в такой же восторг, как Мохаммед накануне вечером. Он принялся энергично трясти мне руку и похлопывать по спине. Я снова растрогался, видя, сколь много значит этот лев для Джорджа и его сподвижников. Джордж вышел из машины, пытаясь подзвать львов поближе. Но, увы, юная подруга Люцифера снова начала заигрывать, и кавалер, на мгновение задержав на нас взгляд и, возможно, узнав Джорджа, скрылся вслед за ней в густом кустарнике.

Итак, в это утро наша настойчивость была вознаграждена. Нам трижды удалось отчетливо рассмотреть львов. Счастливо улыбаясь, Джордж подтвердил, что это и в самом деле Люцифер, и выразил радость по поводу его удачного избавления от ошейника.

Так кончилась погоня за пропавшим без вести львом, которая стоила стольких недель, стольких километров пути. Наградой за долгие ночи, исполненные горечи разочарования, для меня были счастливые глаза Джорджа.

Еще одной наградой за мои труды стало открытие, что странствия Люцифера, по-видимому, ограничены определенной территорией в южной части заповедника. Наблюдая за его передвижениями, я ни разу не заметил, чтобы он зарезал домашний скот – ни на территории заповедника, ни за его пределами. Я вспомнил разговор Мохаммеда с молодыми сомалийскими пастухами, которые за три месяца, что знали о существовании Люцифера, не понесли от него никакого урона. Это начисто развеяло мои порожденные слухами опасения, что Люцифер и был тем самым молодым львом, который напал на человека в Боке.

Наконец я развернул лендровер, и мы покатали назад в лагерь. Позади нас остался Люцифер – дикий свободный лев. В прошлом его преследовали сомалийцы, его отверг прайд Гроу – но теперь он сам стал вожаком на своей территории, и через несколько месяцев обзаведется собственным потомством. Так положено начало новому прайду, который будет расти в Коре. Воздадим за это хвалу не только льву, но и трудам Джорджа и Тони, их неколебимой вере и святому идеализму.

Глава десятая

НЕ ХОЧУ БЫТЬ ПОСТОРОННИМ

Было начало декабря, и шли бесконечные дожди. К несчастью, в это время в правительстве Кении развернулись дебаты по землепользованию. Некоторые члены парламента настаивали на том, что пора пересмотреть структуры заповедников, так как растущему населению требуется все больше земли. На обсуждение был вынесен вопрос об упразднении бесперспективных заповедников с передачей их земель местным жителям.

О Коре пошла дурная слава. Национальная газета опубликовала статью, озаглавленную Дело не только в браконьерстве, где, в частности, говорилось:... Заповедники вроде Кору, что в районе реки Таны, следует признать бесперспективными. В них хозяйничают браконьеры и хиппи, которые держат львов и летают на самолетах с непонятными целями.

Эта статья крайне встревожила меня. Ведь было же обещано, что Кора станет национальным парком! А любое негативное мнение о проектах и деятельности Джорджа могло быть использовано теми членами правительства, которые против данного решения. Я знал, что Джордж легко станет мишенью для критики, если в лагере будут по-прежнему подолгу жить непрошенные посетители. Я чувствовал, что их устремления далеки от целей Джорджа, что местным жителям, на чьей земле построен лагерь, от их пребывания в Коре нет никакой пользы. Даже наоборот – последствия этого пребывания могут оказаться самыми плачевными. Что ждет Джорджа и его работу, если, к примеру, кто-либо из гостей пренебрежительно

отнесется к предупреждению не выходить за ограду и будет атакован диким зверем? Или если полиции вздумается устроить в лагере обыск и у кого-то из приезжих будут обнаружены наркотики?

Как это ни было обидно, но за те месяцы, что я провел в Коре, она стяжала себе дурную славу именно из-за молодых посетителей. Значит, если я связываю свое будущее с получением Корой статуса национального парка, то должен добиваться регулирования числа приезжих, а непрошеным гостям вообще давать от ворот поворот. Если мы хотим, чтобы Джорджу доверяли, а его работа пользовалась уважением, нужно создать новый облик заповедника и поднять его репутацию. Ничто не должно помешать Коре стать национальным парком, поскольку только это обеспечит защиту данного региона и гарантирует продолжение дела Джорджа.

Ситуация усугублялась для меня тем, что, до сих пор не получив разрешения на постоянную работу, я не мог воздействовать на решение тех или иных проблем. Руки у меня были связаны, и я сомневался, удастся ли сохранить ситуацию даже на нынешнем уровне в случае возможного ухода Джорджа – ведь тогда рухнет надежда на получение Корой статуса национального парка, а моя – на более или менее определенное будущее.

В это беспокойное время нас редко баловали вниманием такие гости, как Брам. К счастью, как раз теперь Бог послал нам экспедиционного чиновника из Королевского географического общества Найджела Уинсера, своим появлением нарушившего привычную монотонность потока посетителей, зачем-то стремящихся в Кампи-иа-Симба.

Визит Найджела на короткое время придал мне сил, ибо отношение его к нашему делу было как нельзя более позитивное, и мы с ним разделяли веру в

огромные возможности Кору: если бы удалось их реализовать, можно было бы доказать правительству, что Кора имеет право на существование.

Королевское географическое общество однажды уже предпринимало углубленное исследование экологических компонентов Кору. Беседуя с Найджелом, я заострил его внимание на том, что столь важную работу следовало бы возобновить – она подчеркнула бы необходимость охраны заповедника. Осуществление таких проектов превратило бы Кору в лабораторию под открытым небом, а в международном масштабе – подтвердило бы ее огромную ценность.

Еще в 1983 году Королевское географическое общество совместно с национальными музеями Кении основало лагерь в двенадцати километрах к западу от Кампи-иа-Симба на берегу Таны. Двадцать ученых, возглавляемых досточтимым доктором Мэлкольмом Коу из Оксфордского университета (который впоследствии написал книгу Острова в густом кустарнике – *Island in the Bush*, где в развлекательной форме рассказал о жизни экспедиции), предприняли комплексное исследование, начиная с растительности и самых мелких созданий и кончая крупнейшими млекопитающими.

Экспедиция оказалась благотворной и для Кору, и для Джорджа; в ходе ее было выполнено немало работ, наводящих на размышления. Опубликованные на основе исследований статьи и отчеты сделали этот регион известным всему миру. Но в этой экспедиции было немало и комичных моментов.

У Джорджа волосы вставали дыбом, когда иные не в меру внимательные наблюдатели докладывали ему, к примеру, что д-р Мэлкольм Коу вытаскивает ящерицу из глотки яростно протестующего кукаля или, застигнув питона за поглощением куропатки, смело шагает вперед, отрубает рептилии голову и... готовит

куропатку на ужин! Ну а если серьезно, то за два года ученые выявили различные последствия безжалостной засухи и опустынивания, причиной которого являются огромные стада скота.

За короткий период пребывания Найджела Уинсера в Коре были набросаны планы возобновления здесь исследовательских проектов.

Между тем дожди все шли, и, несмотря на неотвязные раздумья о будущем Коре, я был рад, что мне выпало счастье видеть пробуждение этих мест. Интересно, что несколькими неделями ранее, хотя дождя не было уже много месяцев подряд, я заметил, что акация коммифора стала таинственным образом покрываться листвою. Я знал еще по Ботсване – это признак того, что скоро польются щедрые дожди. К счастью, мои предсказания сбылись – за одну ночь цветы и травы всех оттенков и разновидностей наполнили заповедную землю трепетом жизни.

Особенное впечатление произвели на меня Люциферовы владения в южной части заповедника – ведь именно эти места больше всего страдали от скота сомалийцев. Теперь же они покрылись разноцветным ковром из трав, Каждая из которых играет особую роль в формировании почвы, а она, в свою очередь, при хороших условиях обеспечивает их произрастание. Я пришел к выводу: ущерб, наносимый скотом, отнюдь не является невосполнимым, тем более что сама природа позаботилась о своей защите. Там, где разрослись колючие растения, трава предохраняется от коров и коз, семена успевают вызреть, а затем высеваются и прорастают вновь. Я искренне лелеял надежду, что если бы заповедник удалось в течение продолжительного времени уберечь от пастухов, пригоняющих сюда скот, то со временем все его участки могли бы восстановиться. Ситуация в Коре напомнила мне ту, свидетелем которой я стал на

северо-востоке Тули. В 1982-1983 годах этот регион поразила суровая засуха, и как раз в это время там был избыток травоядных, в частности зебр. Менее чем за полтора года их поголовье сократилось на 90 процентов. Из трех тысяч зебр и других животных выжило едва ли 300. Но в последующие сезоны прошли добрые дожди, и жизнь здесь чудесным образом возродилась – взошли высокие травы, укрыв собой останки тысяч погибших животных. Вот выгнать бы сомалийцев и их скот – и заповедник точно так же восстановил бы свою красоту. Явление, типичное для этих суровых земель.

С началом дождей сразу вздохнул свободно и животный мир Кору, особенно бегемоты, которые так обрадовались наконец-то пришедшему избавлению. Видя их полный травы помет по дорогам, проходящим вдоль рек, я удивлялся, как они умудрились выжить в такую засуху, когда даже по берегам Таны нельзя было сыскать ни травинки.

Дожди и смена сезона привлекли в Кору несметное множество перелетных птиц – сизоворонок из средиземноморских стран Европы, черных коршунов из России, болотных птиц-перевозчиков из Скандинавии, а местные пернатые, например красноклювые и белоголовые буйволловые птицы, собирались в сотенные стаи, чтобы вывести в Коре птенцов. Интересно было наблюдать, как птицы-носороги, бросаясь на землю, хватают насекомых и взлетают своим характерным скользящим полетом к дуплам, где их дожидаются подруги и птенцы.

Я также видел, как отделялись от стаи и образовывали пары хохлатые цесарки. Джордж рассказывал, что в течение двух лет из-за отсутствия травянистого покрова, а следовательно, и защиты у этих птиц не было потомства. Да, контраст с

иссушенной землей, какой я видел ее месяцы назад, оказался разительным!

Как раз в это время подходило к концу пребывание Джейн в Кампи-иа-Симба. Она возвращалась в Англию счастливая, волнуясь от мысли, что ей, может быть, со временем удастся вернуться к нам на постоянной основе. Я не разделял ее оптимизма, тем более что все призрачнее становились надежды на превращение Кору в национальный парк: от правительства не было никакого ответа.

Теперь, когда Люцифер нашелся, я редко выезжал для ночевки за пределы лагеря, уделяя больше времени трем подрастающим детенышам, а также разработке туристических маршрутов, планам финансовой поддержки возвращения львят в родную стихию и т.д. Пока Джейн была тут, да и впоследствии, я уходил ночевать в небольшой обнесенный оградой лагерь в нескольких сотнях метров от Кампи-иа-Симба. Я жил в этом лагере, подразумевая, что построенную там большую новую хижину в будущем можно будет использовать как информационный центр для посетителей.

В это время я также часто сопровождал Брама в различных поездках по сбору материалов. Эти поездки отвлекали меня от тягостных раздумий о повседневности, в них всегда случалось много интересного, а для Джорджа они были источником развлечения – его очень забавляло, когда мы, взмокшие и усталые, возвращались в лагерь и наперебой бросались рассказывать о дорожных приключениях.

Несколько недель назад, еще в ходе поисков Люцифера, я сделал интереснейшую находку и сообщил о ней Браму. А нашел я странных, похожих на рыбок существ, плававших в лужах дождевой воды на огромной плоской скальной плите. Мы с Брамом отправились повнимательнее изучить этих рыбешек и

выяснить, как они туда попали. К нашему удивлению, открытые нами краснохвостые создания оказались разновидностью креветки с удивительным циклом жизни. Несколько дней спустя мы набрали воды из луж вместе с их обитателями в большие пластиковые пакеты. (Добавлю, что по просьбе Брама я часто охотно лазил в водоемы, рискуя навлечь на себя гнев водяных черепах и других существ!)

Затем Брам аккуратно пересадил креветок в жестянки из-под печенья, щедро выделенные Джорджем из коллекции, трудившейся у него в хижине-столовой. Так мы предприняли исследование одной из самых скрытых сторон жизни Кору, очаровавшей нас обоих, и сделанные открытия доставили нам немало волнующих минут.

Мы узнали, что креветки принадлежат к виду *stretocephalus vitreus* и являются одной из форм прозрачных креветок. Из-за краткости благоприятного для них сезона дождей развитие этих существ происходит очень быстро, и за какие-нибудь десять дней они вырастают до максимальных размеров (около двух сантиметров); так же быстро достигают они и половой зрелости, и на восемнадцатый день способны метать икру. Но ведь солнце в считанные дни иссушает лужи – что тогда? Оказывается, икра становится частью корки, покрывающей высыхающие водоросли, и так пребывает в спящем состоянии до возвращения благоприятных условий.

Мне доводилось слышать, что сходное явление наблюдается на соляных полях Макгадикгади в Ботсване. Там икра креветок также пребывает без изменений в высыхающем соляном растворе, несмотря на жестокое солнце, ветры и порой многомесячное отсутствие дождей. Но когда вода вновь начинает поступать на поля в достаточном количестве, икринки в

считанные дни развиваются в креветок, а последние столь же быстро достигают половой зрелости.

Еще мы с Брамом исследовали проблему колючек, как мы ее называли, – мир лоснящихся, мясистых колючек акаций и их обитателей. Личинки мотыльков и бабочек, таящиеся в колючках, живут как бы за двойной защитой, словно монашки в кельях за стенами монастыря. Благодаря этим вылазкам, мне удавалось гнать от себя мысль о своем туманном будущем и я часами чувствовал себя наверху блаженства, как студент в экспедиции.

Тогда же я стал давать Мохаммеду уроки вождения автомобиля – это было первой стадией обучения профессии гида. Сначала мы тренировались на безопасных дорогах вдоль реки, и вскоре Мохаммед, постоянно задававший вопросы и получавший на них исчерпывающие ответы, прекрасно освоил коробку передач.

В ходе этих уроков я также стал учить его английским названиям многочисленных птиц и деревьев, а он, в свою очередь, – их местным названиям, да еще применению растений в лечебных целях. Однажды он показал мне голубые цветы коммелины, которые содержат приготовленные самой природой глазные капли. Не нужно даже пипетки – если надавить на плоскую дольку, то с закругленного конца выделится несколько капель прозрачной жидкости, хорошо помогающей при некоторых раздражениях.

Это было время обмена полученными знаниями, открытий и, как я надеялся, начала новых проектов, направленных на защиту Коры.

Что касается Джорджа, то он был поглощен заботой о своих подрастающих питомцах и почти постоянно крутился вокруг них. Ночью львят держали в загоне в пределах лагерной ограды, а рано поутру выпускали на волю. День наших любимцев начинался так: Джордж

открывал дверь загона, и они, возбужденные, неслись к Лагерной скале. Затем Джордж, приучая малышей к порядку, выпускал их в сопровождении Мохаммеда или Абди на прогулку. Детеныши оставались в густых кустах у подножия скалы Кора до вечера, пока Джордж, после традиционного дневного отдыха и душа, не кликал их на ужин – отведать верблюжатины или козлятины.

В самом начале сезона дождей мы с Джорджем стали свидетелями забавного случая, приключившегося со львятами у Лагерной скалы. Когда Джордж, как обычно, выпустил их, они наперегонки помчались к ней и впервые нашли там лужицы. Рафики первая наклонила морду над водой и вдруг, дико зарывав, отскочила назад. Увидев ее реакцию, двое других засеменили к ней и подоспели как раз в тот момент, когда она все-таки рискнула подойти к луже снова.

Что же так напугало ее? Не что иное, как собственное отражение. Да и много раз после этого львята не начинали пить из лужицы, не порычав предварительно на страшного льва, выглядывающего из воды.

Был еще один случай, когда я здорово перепугался. Я знал, что во второй половине дня львята обычно отдыхают среди скал. Внезапно я услышал со стороны скалы Кора треск ломающихся ветвей и крики павианов. Одной из причин нашего страха за львят, когда они находились за пределами лагеря, была потенциальная угроза со стороны этих обезьян, которые успели натворить немало бед на ранней стадии работы с детенышами.

Существовало подозрение, что на совести павианов – и питомица Тони: они могли подстеречь леопардиху на уступе скалы Кора и, пользуясь численным превосходством, убить ее. Теперь же, услышав дикие крики обезьян, я выскочил из хижины и помчался что

было мочи сквозь кусты к подножию скалы, опасаясь самого худшего. Я принялся искать львят в низкорослом кустарнике, но их там не было. Тут мне в глаза бросилась кучка павианов, расположившихся высоко в скалах. Я взобрался наверх и ринулся по раскаленному камню туда, где сидела теплая обезьянья компания. Я уже почти добрался до них, когда из лагеря до меня донесся еле слышный зов Джорджа.

Я повернулся, глянул вниз – и у меня тут же отлегло от сердца. Забавно было смотреть, как трое львят гуськом шествуют по направлению к Джорджу, который стоит у входа в лагерь и машет им рукой. Значит, они инстинктивно поняли, что в павианах таится опасность, – ведь никто их этому не учил. Они благополучно избежали встречи с противником и вернулись, естественно, под крылышко к своему защитнику Баба-и-Симба – Отцу львов. А я-то все скалы облазил, чтобы спасти их!

Я был совершенно мокрый от пота и чувствовал, что голова у меня идет кругом. Я стоял, схватившись за скалу, окруженный любопытными павианами, и наблюдал, как Джордж, не утративший привычного спокойствия, по очереди поприветствовал своих питомцев и повел их, словно покровитель животных Франциск Ассизский, обратно в загон.

Спокойное состояние духа – вот чему не грех поучиться у Джорджа. Он никогда не спешил и, похоже, знал выход из любой ситуации – возможно, потому, что каждую из них ему суждено было пережить не один раз за свой долгий век.

Приближалось Рождество. Очевидно, для Джорджа это был повод еще больше погрузиться в свой внутренний мир и воспоминания. К рождественскому столу подали индейку, восхитительно приготовленную Хамисси на угольях костра. Джордж решил также побаловать четвероногих и пернатых обитателей

лагеря: после того как мы пообедали сами, он отвалил двойную порцию земляных орешков и печенья птицам-носорогам, воронам, скворцам, голубям и белкам, а потом выдал трем детенышам целого козла – так он праздновал день, когда полагалось делать подарки. Потом он обратился ко мне и сказал: Эх, правильнее было выставить козла работникам-праздник ведь все-таки! Так он и сделал. Работники – а их было восемь – закололи козла и поделили по-братски, тогда как львята, поглощенные гостинцем, боролись, кому достанется вспороть ему брюхо.

В день, когда принято делать подарки почтальонам – так называемый Boxing Day, – приехал из Кайсо наш друг проповедник Джерри. Джордж, Додди и Джерри очень сожалели, что с нами нет Тони Фитцджона. Это было первое за долгое время Рождество, когда они все не были вместе. Джерри, аккомпанируя себе на гитаре, пел прекрасные песни о Рождестве, и еще о любви.

Потом, словно отстранившись от всех, кто сидел за столом, он взял первые аккорды песни Рожденная свободной. Джордж, едва слышав мелодию, запел, вспоминая слова, посвященные Джой, Эльсе и ему самому, но вдруг все смолкло – как Джерри ни пытался, допеть он не смог. Воспоминания о прошлом не потускнели в памяти Джорджа, его любовь пережила и годы, и перемены. Мне хотелось, чтобы песню все-таки закончили, – мы понимали, как это много значило для Джорджа, раз он так внезапно запел.

Еще кого нам хотелось бы видеть нашими гостями на Рождество, так это досточтимую Гроу с ее прайдом. Она отсутствовала уже несколько недель, а ведь не надо объяснять, каким источником душевной поддержки и силы она являлась для Джорджа. Он так тосковал по ней! Но львы в очередной раз продемонстрировали свою сверхъестественную способность появляться именно тогда, когда их больше

всего желали видеть. Буквально за несколько минут до наступления Нового года я почувствовал присутствие львов. Я посветил фонарем сквозь ограду. Луч прорезал тьму, и я увидел, что пришла Гроу – одна. Она пришла к Джорджу, доказывая тем самым существование особых отношений между львами и человеком, посвятившим им жизнь.

Джордж был несказанно обрадован встрече с ней, а позже, когда мы с ним отправились за ограду покормить львицу, я обратил внимание, что она была особенно спокойна и не испытывала возбуждения от нашего присутствия, хотя так долго пробыла вдали от нас.

Она определенно приходила в лагерь именно тогда, когда Джордж особенно нуждался в поднятии духа. Третьего января была убита Джой, и приближалась девятая годовщина. Я только потом понял, почему Джордж так внезапно изменился и ушел в себя. Я не помнил даты смерти его жены, но чувствовал, что он перебирает в памяти воспоминания о прошлом.

Но даже это отошло на второй план, когда мы узнали, что превращение Кора в ближайшем будущем в национальный парк мало вероятно: ходят слухи, будто доктор Перес Олиндо собирается оставить должность. Причины были неясны, но если слухи подтвердятся – значит, решение, которого мы с такой надеждой ждали, отложится еще на какое-то время. Хотя я, в общем, оптимист, попытка заставить себя не верить слухам – во имя Джорджа – оказалась безуспешной. Я все больше стал проникаться пессимизмом. Еще бы! Мое будущее в значительной мере зависело от того, станет ли Кора национальным парком. Трест Эльса окажет Департаменту охраны природы существенную финансовую помощь, если Кора получит более надежный статус; эти деньги будут направлены на развитие заповедника и укрепление его позиций. А без

этого статуса денег не дадут, да и мне не светит никакая должность.

Времена и в самом деле были нестабильные, ибо Джордж опять попал под перекрестный огонь чересчур эмоциональных критиков и людей, от которых зависело принятие решений. Из-за своего неофициального положения в Коре я был лишен возможности конструктивных действий. И я решил покинуть ее.

При отсутствии средств и надежды на получение постоянной работы мои проекты, будь то туристические маршруты по звериным тропам или гостевой лагерь на принципах самокупаемости, все равно остались бы на бумаге. Я слишком поздно прибыл в Кору и чувствовал, что самое правильное будет не вращаться в нее корнями, а оставить Джорджа и Кору такими, какими я их когда-то встретил. Тем не менее мы с Джорджем продолжали беспокоиться о будущем заповедника, которое он возлагал на мои плечи, что я тогда принимал с благодарностью.

Сегодня мне кажется символичным, что вслед за Гроу к лагерю пришли и остальные члены прайда – первым явился молодой красавец Дэнис, а два дня спустя пожаловали еще шестеро. Львы держались необычно близко к лагерю до самого дня моего отъезда из Кору.

Я поведал Джорджу о своих сомнениях. Он был крайне опечален моим состоянием и затруднительным положением, повторяя, что желал бы видеть будущее Кору в моих руках. Кора не должна погибнуть, когда я уйду в небытие. В глубине души я не мог отделаться от мысли, что мой отъезд есть не что иное, как дезертирство, предательство и Джорджа, и его дела. Но ведь никто не торопился дать мне официальный статус, а на птичьих правах для меня не было будущего в Коре.

Я понимал, что предаю также и Мохаммеда, – я мог бы помочь ему приобрести новую профессию, стать известным и уважаемым в здешних местах. Как-то вечером, сидя в хижине Мохаммеда, я поговорил с человеком, который прекрасно понимал мою ситуацию. Он придерживался мнения, что мне лучше остаться, а если все-таки придется уехать из Кору, то обязательно нужно вернуться. Я покидал и трех детенышей, в чье развитие и благополучие мог бы внести свой вклад. Жаль, но входить в дикую жизнь им придется без меня.

Ночью, когда я отправился к своему небольшому лагерю, где стояла моя только что законченная, но пустая хижина, прайд львов почему-то последовал за мной – хищники бежали гуськом по дороге за машиной. Оставив Кампи-иа-Симба и Джорджа, они в течение нескольких ночей держались возле моей ограды, иногда устремляя взор туда, где я предавался размышлениям при свече. И я, как и Джордж, черпал силу в их присутствии – силу, смешанную с печалью. Не надо объяснять, как тяжело мне далось окончательное решение, но я дольше не мог жить без уверенности в будущем. Я пришел к выводу, что, даже если я останусь, мне все равно ничего не удастся добиться.

И вот настало утро расставания. Я уверил себя, что лучше покинуть Кору раз и навсегда, тем более что Джордж понимает мои доводы, чем остаться и тешить себя несбыточными надеждами.

Мне трудно описать прощание с Джорджем – столько накопело у меня на сердце, да, как видно, и у него тоже. Расставание было мучительным – у обоих глаза были полны слез. Боль была тем сильнее, что расставались два так нуждавшихся друг в друге единомышленника; но, право же, примириться со своим положением постороннего наблюдателя я никак не мог.

ЭПИЛОГ

Покинув Кору в январе 1989 года, я провел два месяца в Англии, а затем вернулся на юг Африки, где засел за эту книгу. Первоначальный вариант был закончен 31 июля, и я задумал на две недели вернуться в Кору, чтобы собрать документальные сведения о жизни Джорджа (до меня этой задачи никто не ставил) и вспомнить, как мы нашли друг друга и стали работать вместе. Я так волновался при мысли об этом – ведь мы встретимся вновь, и Джордж прочтет первый вариант книги, которую – я был уверен – воспримет как награду за свою жизнь и свой труд. Мне очень хотелось, чтобы содержание ему понравилось, – я даже никому не показывал написанное, чтобы он прочел первым.

Но – человек предполагает, а Бог располагает. 20 августа, через год и один день после того, как я впервые приехал в Кору, Джордж был убит бандой сомалийцев при мужественной попытке защитить своего работника и посетителя лагеря. Насильственная жестокая смерть человека, посвятившего жизнь львам...

Известие о его смерти подкосило меня. Терзавшие меня ярость, чувство беспомощности и неведомой прежде скорби опустошали душу. Хотя я был вдали от Джорджа семь месяцев, но, сидя над страницами этой книги, ощущал его невидимое присутствие.

Работа над книгой облегчала боль оттого, что пришлось покинуть Кампи-иа-Симба, но тем не менее я был угнетен и ничего не видел впереди, и только после смерти Джорджа из скорби родилось прозрение. Опыт и вдохновение, почерпнутые мной у этого замечательного человека, побудили меня возобновить мой собственный проект по изучению львов на северо-востоке Тули. Я

задумал вернуться к своим любимцам и продолжить работу, направленную на сохранение африканского льва и дикой природы в целом.

Пока я писал книгу, друзья сообщили мне, что ситуация в Коре начала улучшаться, и это вселило в меня оптимизм. Силы безопасности по-прежнему защищали заповедник от сомалийцев и их скота. Доктор Ричард Лики, новый директор национальных парков, засучив рукава, занялся наболевшей проблемой браконьерской охоты за слоновой костью. В марте из Кампи-иа-Симба пришло сообщение, что в заповеднике планируется создать постоянный полицейский лагерь. За месяц до этого Джордж в добром здравии отметил свое 83-летие. Тогда же Гроу и Одноглазая принесли приплод, по три детеныша каждая. Стало быть, число членов прайда уважаемой Гроу возросло до четырнадцати. Подрастали Батиан, Фьюрейя и Рафики, принося Джорджу постоянную радость. Когда я услышал эти новости, во мне возродились надежды, что ждать присвоения Коре статуса национального парка осталось недолго.

Гибель Джорджа и самый характер ее развеяли эти мечты, и я, как и тысячи людей по всему миру, был поражен и возмущен случившимся. Джордж почитал жизнь священной и, работая с живыми существами, поддерживал и оберегал ее. Он был человеком, исполненным тепла и жажды отдавать; ему всегда приходилось бороться за свои верования и убеждения. Он и ушел, как жил, мужественно стремясь защитить жизнь.

Когда я получил известие о его смерти, меня стали терзать мысли, насколько больше я мог бы сделать, чтобы помочь ему. Я лелеял надежду, что эта книга позитивно скажется на будущем Джорджа и Кору. Я обдуманно написал о положении в заповеднике, обозначил насущные проблемы и пути их разрешения. Я

полагал, что, пролив свет на происходящее, мог бы оказать воздействие на правительство и власти, добиваясь от них создания стабильной ситуации в регионе, которая дала бы возможность квалифицированному специалисту осуществить свое горячее желание работать вместе с Джорджем и продолжить дело после него. Я всей душой чувствовал, что эти проблемы не относятся к разряду неразрешимых, и у меня не укладывалось в голове, почему дело Джорджа должно уйти в небытие вместе с ним.

Джордж Адамсон оставил мне ценное наследство. Оно – в существе его работы, изложенном на этих страницах. Свою книгу Дикие звери белого господина Джордж закончил так: Сегодня ночью я довел свой рассказ до конца. Если мне посчастливится и кто-нибудь прочтет его, он может быть уверен, что он написан с единственной целью – принести пользу моим друзьям-львам. Эти слова Джорджа я хотел бы отнести и к своей книге.

Но с уходом в небытие человека, чья судьба, как нить в узоре ковра, переплелась с судьбой древней Африки, проносящейся мимо нас, словно мимолетное дуновение освежающего пустыню бриза, кончилась лишь одна глава повествования и началась другая. Завязкой ей послужила трагедия, но возможно, впереди еще ждет большое счастье.

Через несколько дней после гибели Джорджа я связался с его старым другом в Найроби – Монти Рубеном, попечителем треста Эльса. Еще не оправившись от шока, я дрожащим голосом спросил его, что ждет Кору и трех детенышей. Смущаясь, он честно заявил, что определенности нет. Услышав это, я задумался: что я мог бы сделать для Кору и трех питомцев Джорджа? Я понимал, что, если не удастся продолжить работу по подготовке к возвращению львят

в родную стихию в Коре или где-нибудь в другом месте в Кении, они обречены провести всю оставшуюся жизнь в неволе. Это была бы чудовищная ситуация, при которой душа Джорджа никогда не нашла бы покоя. Он жил во имя того, чтобы даровать свободу своим любимцам. И у меня было то же желание.

На следующий день я вновь разговаривал с Монти. Я сказал ему, что, если есть хоть какая-то возможность, я продолжу дело Джорджа на северо-востоке Тули. Именно здесь – я это понял – было мое будущее. Я предложил Монти перевезти львят самолетом за шестьсот километров к югу. Природа Ботсваны имеет немало общего с Корой, и я попробую исполнить то, чего желал Джордж.

Следующие несколько недель были насыщены встречами, обсуждениями и телефонными звонками в Кению, Англию, Ботсвану и Австралию. Я довел свое предложение до сведения кенийского и ботсванского правительств и испросил у них разрешения на осуществление своих планов. Кроме всего прочего, я искал спонсора для перелета и перевозки львят в Ботсвану, и авиакомпании обеих стран – Эйр Ботсвана и Кениан Эйруэйз – быстро пришли на помощь. Так же быстро откликнулось охотничье хозяйство Тули-сафари, оплатив первоначальные расходы и создав лагерь, где я мог бы заниматься львятами. У меня состоялись встречи с чиновниками из ботсванского Департамента охраны природы, и отрадно было услышать от них слова одобрения и поддержки. Я предпринял шаги к основанию фонда – Тули Лайон-Траст, который возьмет на себя финансирование этого и других проектов.

Наконец 17 сентября я вылетел из Ботсваны в Кению. У меня была запланирована встреча в Найроби с киногруппой из австралийской программы 60 минут, которая пожелала заснять процесс перевозки детенышей.

Когда я прибыл в Кению, меня охватили воспоминания. Джорджа уже не было на свете, но его присутствие казалось почти осязаемым – особенно в первые несколько дней, пока я обсуждал свой проект с властями, правительственными чиновниками и друзьями в Найроби.

Решили так: я полечу вместе с киногруппой в Кору, увижусь там со львятами, дам интервью о Джордже, о прошедших месяцах и будущем, вернусь в Найроби для завершения дел, два дня спустя снова прилечу в Кору и отвезу детенышей в Найроби.

...И вот мы летим на небольшой высоте над иссушенным пейзажем Кору. Время от времени встречаются скелеты слонов: выбеленные кости ярко сияют на солнце. Когда самолет уже заходил на посадку, я подумал о том, что нам всем предстоит пережить. Ситуация в Коре оставалась нестабильной. Вооруженные бандиты шифты по-прежнему хозяйничали на ее просторах. Будущее Кору и мои планы относительно трех детенышей, похоже, висели на волоске. В любую секунду все могло измениться к худшему в этой суровой стране.

Когда самолет приземлился и вырулил на стоянку, я увидел близ посланных из лагеря машин среди группы солдат двух белых. Старшего я хорошо знал – он снискал себе доброе имя. Со вторым я тоже уже встречался в Найроби. Первый, которого я буду называть пограничником, был одним из старых и истинных друзей Джорджа – майор Дуглас Коллинз, или попросту Дуги. Он стоял без рубашки, в матерчатой шляпе, шортах и с экстравагантным красным шарфом на шее. Именно он, разменявший седьмой десяток, узнав о смерти Джорджа, бросил все и полетел в Кору, чтобы взять на себя заботы о Кампи-иа-Симба и львятах. А пограничником я стал его звать после того, как прочел его книгу Плач по Сомали (A Tear for Somalia).

Многие годы Дуги жил на границе между Кенией и Сомали – тогда Африка была еще девственной и неиспорченной. Другого звали Рик Мэтьюс. Мужественный молодой человек, уроженец Кении, он согласился помогать Дуги в Кампи-иа-Симба.

Когда я сошел на землю, Рик с улыбкой шагнул вперед и поприветствовал нас. Все были должным образом проинструктированы прямо на пыльной взлетной полосе, но, предполагая, с чем мы можем столкнуться, винтовку вручили именно мне. Если по дороге в лагерь ввяжемся в стычку, стреляй не рассуждая, – пробормотал Рик. Как не понять! Дуги и Рик жили в условиях, когда из-за любого куста могли выскочить убийцы из шифты.

Пока шла погрузка оборудования, я отделился от компании и стоял, задумавшись. Почувствовав, что я не в духе, Дуги подошел ко мне. Он говорил так непринужденно, будто мы были давно знакомы, хотя он знал меня только со слов Джорджа и по записям в его дневниках. Он также знал о близком духовном родстве между мной и Джорджем. Дуги сказал, как дорого было Джорджу все, что я старался сделать за прошедшие месяцы в Коре, и эти слова прозвучали для меня как награда.

Дуги был слеплен из той же глины, что и Джордж, – джентльмен по происхождению, он был романтиком, для которого дикая природа – родной дом. Его характер был выкован жизнью, полной радостей и невзгод, красоты и печали, замешенных на огромном, отчаянном, заразительном жизнелюбии. Я проникся к нему любовью с первого взгляда – да и как могло быть иначе?

Наконец погрузка была закончена, и машины направились в Кампи-иа-Симба. Я попытался подготовиться к возвращению в лагерь, являвшийся символом жизни легендарного человека, но теперь,

когда этого человека уже не было, все вокруг казалось безжизненным.

Когда мы въехали в лагерь и увидели вышедших встречать нас работников, в первую очередь ожидавшего меня Мохаммеда, я испытал потрясение. Я крепко обнял Мохаммеда – от радости, что мы снова вместе, но главное – оттого, что встреча с другом дала мне силу, в которой я так нуждался. Я не замечал стрекота камер, когда приветствовал других работников лагеря и направился к загону со львятами.

Дойдя до ограды, я удивился, как подросли мои любимцы за восемь месяцев. Сначала они устремили на меня неподвижный удивленный взгляд – я так и не понял, узнали они меня с первого раза или нет.

Но киногруппе, понятно, не терпелось заснять сцену моей встречи со львятами, и я шагнул внутрь загона. К моему удивлению, зверята с волнением бросились мне навстречу, фыркая и ворча, усиленно терлись о мои ноги. Поразительно, но они меня не забыли. Я почувствовал, что духом никогда не разлучался ни с ними, ни с Джорджем.

Чуть позже Рик отвез меня на могилу Джорджа и оставил, чтобы я побыл там один. Мне не хотелось верить, что Джордж покоится под курганом из камней подле могилы своего брата. Он был со мною – в порыве ветра, качавшем деревья, в любом слышимом мною звуке. Я всем сердцем ощущал его присутствие и ощущаю сейчас. Сидя у его могилы, я вспомнил, что рассказывал мне Мохаммед: после смерти Джорджа Гроу и другие львы держались возле лагеря, будто понимали, что произошло. Они даже пришли на могилу, и многие львы скреблись лапами о камни, оставляя на них царапины. Мохаммед видел их следы, а я задумался над символическим значением этого жеста. Я сидел у дорогой могилы, и на глаза наворачивались слезы, но я тут же вытирал их: я не мог позволить себе сорваться.

Столько еще предстояло сделать, и мне нужно было крепиться. Я еще наплачусь вдоволь – но только тогда, когда пойму, что питомцы Джорджа устроены и им ничто не угрожает. А сейчас я осознавал, что со слезами ослабнет мой рассудок и мое тело. Слезы в какой-то степени будут означать поражение – ведь смерть Джорджа предопределила мою судьбу, поставив задачи на будущее.

Во второй половине дня я вылетел обратно в Найроби, а два дня спустя вернулся в Кору. Я подготовился к пересадке животных в деревянные клетки – с этого начинался первый этап долгого пути в Ботсвану. Транквилизация четвероногих пассажиров была делом травмирующим, но вынужденным. В этом мне пришел на помощь Дитер Роттчер – ветеринар с большим стажем, обладавший богатым опытом по отлову животных. Работники лагеря следили за операцией со скорбными лицами – увоз из Кору питомцев Джорджа сулил неопределенное будущее им самим. Лагерь придется закрыть, по крайней мере до упрочения безопасности в регионе и победы над шифтой. Ради львят люди в Кампи-иа-Симба рисковали жизнями, а теперь оказались не у дел.

Мы с Дитером принялись завертывать находившихся без сознания львят в одеяла. Я поднял глаза и увидел Абди – того самого, который заслужил у Джорджа прозвище Львиного юноши. Его глаза были полны слез. Учитель, заменивший ему отца, ушел навеки – скоро с ним разлучат и его малюток. Когда я смотрел на него, у меня сердце кровью обливало. Я чувствовал, что виноват в его горе, но что мне оставалось делать! Увоз львят осуществлялся для их же блага.

Наконец четвероногие пассажиры были помещены в клетки, а те погружены в самолеты. Прозвучали слова прощания – и мы с киногруппой оставили иссохшую

землю, а на ней – людей с тяжелыми сердцами: обстоятельства в этот раз оказались сильнее.

Самолет взлетел, и я увидел, как Дуги машет мне рукой, а его экзотический красный шарф еще долго виднелся вдали. Потом он повернулся и направился к машине. Вот уже он и другие люди у взлетной полосы стали казаться крохотными точками, как если бы безбрежная дикая природа Африки поглотила их.

В Найроби для меня приготовили особую палатку, которую поставили в двух шагах от питомника для осиротевших животных; там находился и загон с моими львами. Мы пробыли вместе одиннадцать дней, и за этот срок еще больше привязались друг к другу. Но вот для львят настал час расставания с родиной и переезда на новое место жительства.

По прибытии в столицу Ботсваны Габороне я отдохнул два дня, после чего живой груз поместили в машину, и начался заключительный этап путешествия продолжительностью шестнадцать часов. Мы ехали всю ночь и первую половину следующего дня. Но вот наконец мы прибыли в мой любимый Тули. Львята были дома – и я почувствовал себя дома.

Батиан, Фьюрейя и Рафики пробыли в заповеднике около года. Теперь им почти два с половиной года, они блестяще освоились в дикой жизни, которую Природа предписала вести им и их родичам, и властвуют над территорией площадью примерно в полтора-два квадратных километра.

Здесь полно дичи, есть постоянные источники воды; наконец, здесь они чувствуют себя спокойно. Правда, кое-какие опасности, например браконьерство, все же существуют, но где, скажите, обрести потерянный рай? Он здесь – только бы усилить борьбу с браконьерством, а все остальное есть. Главное, им дали шанс, который так хотел дать им Джордж, – шанс жить свободными, как дикие львы.

Что ж, время закрыло последнюю страницу жизни Джорджа, но его дух и его наследие, воплощенные в трех здоровых молодых львах, не погибли вместе с ним. В этих трех львах живет сущность его работы – хотя по-прежнему жаль, что не в Коре.

Когда я, сопровождаемый троицей львов, выхожу на прогулку по дикой земле, щедро напоенной обильными дождями, я чувствую удовлетворенность. Я знаю: все, что я делаю, – нужно. Когда я наблюдаю за тем, как радуются жизни мои львы, я словно ощущаю присутствие Джорджа – вот он с искрометными глазами, в приподнятом настроении, улыбается, наблюдая шумные игры своих питомцев. Я знаю, это – то, чего хотел Джордж.

Свобода продолжается!

notes

1. Прайд – группа львов, в которую обычно входят 1-2 взрослых самца, несколько львиц и молодые звери. Всего их может быть 7-10 и более, но иной раз насчитывается и до 30 львов.

2. Игра слов: по-английски Queen of Sheba – царица Савская. (Примеч. пер.)

3. Подробнее о борьбе за спасение африканских слонов см.: Э.Торнтон, Д.Кэори. "Спасти слона!", АРМАДА, М., 1996 г.

4. Карен Бликсен (1885-1962) – датская писательница. В течение семнадцати лет жила в Кении, где владела кофейной плантацией, однако вся ее творческая деятельность протекала на родине. В 1985 году в Голливуде был снят кинофильм За пределами Африки, романтизировавший жизнь писательницы, и в том же году в Кении открылся ее музей, тогда как на родине музей Карен Бликсен появился лишь шесть лет

спустя Примечательно, что кенийцы ценят в первую очередь ее просветительскую и сельскохозяйственную деятельность и лишь затем – литературную. (Примеч. пер.)

5. Ньика – старинный восточноафриканский термин, обозначающий дику, удаленную землю. Теперь используется в науке как определение подобных регионов. (Примеч. авт.)

6. Подробнее об этих удивительных парнокопытных см.: Жизнь животных, т. 6, с. 158.

7. Игра слов: название книги можно перевести и как "Моя гордость" и как "Моя радость". (Примеч. пер.)

8. Здесь и далее стихи в переводе С.Лосева.

9. Хлопчатобумажная одежда у мужчин-сомалийцев. (Примеч. авт.)